

Монография анализирует материалы, полученные при раскопках городища Карабулак — одного из крупнейших и наиболее полно изученных средневековых памятников юго-западной Ферганы. Дается подробное описание топографии городища, строительной техники и приемов строительства.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, экономистов, а также на широкий круг читателей студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Г.А. БРЫКИНА

Карабулак

931.3
БРУ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г. А. БРЫКИНА

☞ **КАРАБУЛАК** ☞

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

Ответственный редактор

А. П. СМИРНОВ

Б $\frac{10602-0396}{042(01)-74}$ 95-74

© Издательство «Наука», 1974 г.

ВВЕДЕНИЕ

Карабулакское городище находится к востоку от центра Ляйлякского района — Исфаны, в кишлаке Карабулак, где занимает небольшую котловину (рис. 1.)

В естественно-географическом отношении интересующая нас часть Ляйлякского района представляет собой неширокую горную долину меридионального направления, входящую в систему Туркестанского хребта, окаймляющего Фергану с юга и юго-запада. Это самый западный район Ферганских предгорий.

В историко-географическом отношении, как полагали В. В. Бартольд и Н. Н. Негматов, мнение которых я разделяю, этот район с древнейших времен входил в состав Уструшаны, составляя самый восточный ее рустак (округ), граничащий с рустаком Ферганы Аспарой-Исфарой¹.

Природные условия способствовали развитию здесь многоотраслевого хозяйства. Количество осадков, выпадающих в осенний и зимний периоды и весной, вполне достаточно для выращивания зерновых культур на неполивных землях. В настоящее время значительные площади по адырам (плато), прилегающим к Карабулакской котловине, заняты богарными посевами пшеницы и ячменя. Судя по найденным при раскопках в Карабулаке зернам пшеницы, эти культуры выращивались здесь и в древности. Обнаруженные зерна урюка и винограда свидетельствуют о том, что садоводство также играло определенную роль в занятии населения города. Склоны гор, поросшие травой, являлись прекрасными пастбищами. На местной сырьевой базе развивались горный промысел и металлообрабатывающие ремесла.

Заселение юго-западных предгорий Ферганы началось на рубеже нашей эры — в первые века н. э. Переселенцы продвигались сюда с севера, что подтверждается большим сходством материальной культуры горных районов и равнинной Ферганы.

Равнинная Фергана с древнейших времен была густонаселенной областью. Об этом свидетельствуют и археологические данные — многочисленные обширные городища и отдельные тепе, тянущиеся почти непрерывной цепью по всей долине. Об этом же свидетельствуют и древние авторы. В частности Ибн-Хаукаль, характеризуя Фергану X в., писал: «В Мавераннахре нет селений, превышающих по величине ферганские. Иногда по причине многолюдства, а также из-за обилия скота и пастбищ пределы селений достигают одного дневного перехода»². Сообщение Ибн-Хаукаля характе-

ление сведений об археологических памятниках различных эпох. Делались попытки исторического осмысления материала. В. В. Бартольд на основании сведений письменных источников дал историко-географический обзор Средней Азии предмонгольского времени. Значительное место в нем занимают разделы исторической географии Ферганы и соседней с ней Уструшаны¹². Бартольдом намечены границы обеих областей и сделано отождествление отдельных городов и округов-рустаков с известными в его время археологическими памятниками. Отдельные вопросы исторической топографии горных районов Ферганы и Уструшаны затронуты в работах М. Е. Массона¹³ и П. П. Иванова¹⁴.

Широкие и планомерные археологические исследования Ферганы развернулись только в 30-е годы, когда Б. А. Латыниным были начаты раскопки в Центральной Фергане и в Исфаринском районе. Большое значение имели работы археологического надзора на строительстве Большого Ферганского, Южно-Ферганского и Северо-Ферганского каналов. В результате специалисты-археологи получили обширный материал, характеризующий различные этапы истории области. Именно этот материал лег впоследствии в основу первых обобщающих исследований по истории древней Ферганы¹⁵.

В 40—50-е годы широкие и планомерные исследования Ферганы проводились экспедициями, руководимыми А. Н. Бернштамом. За несколько лет были обследованы почти все районы Ферганы. Обследовались памятники различных эпох и разного характера. А. Н. Бернштама в большей степени, чем остальные проблемы, интересовала история кочевого мира, окружавшего земледельческую Фергану. В связи с этим основное внимание экспедиции было обращено на исследование памятников древних кочевников. В разных районах предгорной Ферганы было раскопано большое количество курганов, где был добыт богатый и разнообразный материал, характеризующий разные стороны культуры населения, оставившего могильники. Небольшие раскопки проведены и на городищах. Раскопки велись в Узгене, Куве, Касане, на Мархаматском городище, в Ахсыкете. Раскопки, начатые А. Н. Бернштамом, имели рекогносцировочный характер. Добытые материалы позволили А. Н. Бернштаму определить время жизни городов, а также дать первую археологическую характеристику Узгену, Ахсыкету, Касану¹⁶.

Работы А. Н. Бернштама открыли новый, качественно отличный от предшествующих этап в изучении Ферганы. Впервые проблема древней истории области была поставлена широко, для ее изучения были привлечены самые разнообразные источники. А. Н. Бернштам первый среди археологов обратил внимание на своеобразие топографии ферганских городов¹⁷. На основании археологических наблюдений и сведений письменных источников А. Н. Бернштам попытался проследить генезис средневековых оазисов Ферганы.

Раскопки последующих лет на Ахсыкете, в Куве и Узгене дали новые материалы, выявили отдельные моменты и уточнили некоторые детали, но не внесли ничего принципиально нового в понимание структуры ферганских городов. Исследования Пенджикента показали, что только широкие археологические раскопки могут раскрыть достоверную картину жизни

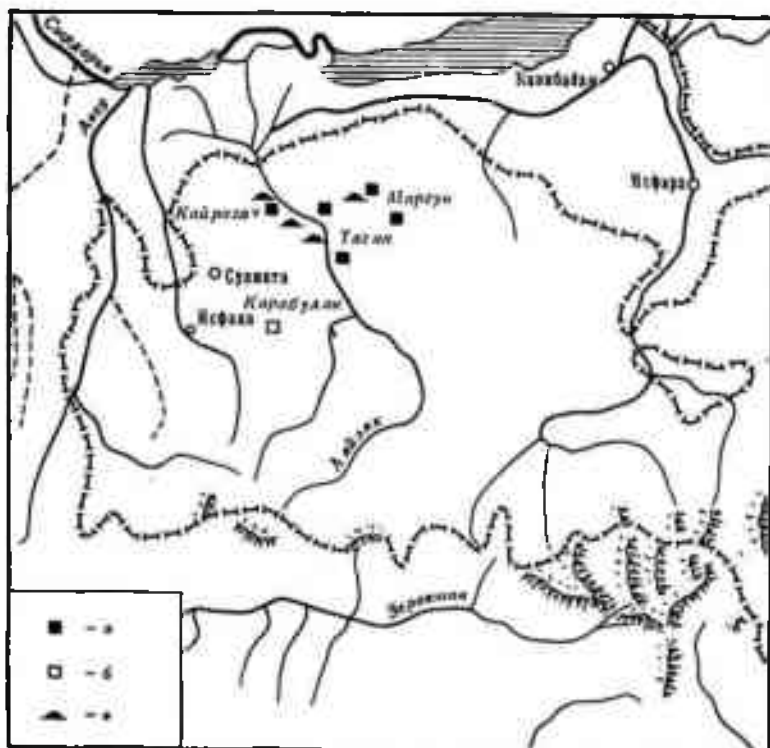

Рис. 1. Карта расположения памятников

а — раннесредневековые поселения; б — средневековые города; в — могильники

рых древние авторы имели наиболее полную информацию от своих современников. О городах горных районов сведения менее полные и более отрывочные. Видимо, внимание географов привлекали наиболее экономически развитые районы этой области. К их числу относится район Исфары, богатый различными полезными ископаемыми, широкая разработка которых велась уже в IX—XI вв. Помимо самой Исфары—Аспары Истахри и безымянный автор «Худуд-ал-Алем» называют два городка — Бамкакуш-Намкакуш и Тамакуш, располагавшиеся в предгорном районе. По мнению В. В. Бартольда, оба города располагались севернее Исфары⁹. Это мнение В. В. Бартольда разделяют Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский¹⁰.

Изучение ферганских древностей началось почти сразу же после присоединения Средней Азии к России. Первыми исследователями края были путешественники — географы, военные, деятельность которых корректировалась Туркестанским кружком любителей археологии. Их наблюдения нашли отражение в печати¹¹.

Первый этап изучения Ферганы был наиболее длительный. Он связан с именами крупнейших русских востоковедов: В. В. Бартольда, К. А. Иностранцева, Н. И. Веселовского, М. Е. Массона. В этот период шло накоп-

ление сведений об археологических памятниках различных эпох. Делались попытки исторического осмысления материала. В. В. Бартольд на основании сведений письменных источников дал историко-географический обзор Средней Азии предмонгольского времени. Значительное место в нем занимают разделы исторической географии Ферганы и соседней с ней Уструшаны¹². Бартольдом намечены границы обеих областей и сделано отождествление отдельных городов и округов-рустаков с известными в его время археологическими памятниками. Отдельные вопросы исторической топографии горных районов Ферганы и Уструшаны затронуты в работах М. Е. Массона¹³ и П. П. Иванова¹⁴.

Широкие и планомерные археологические исследования Ферганы развернулись только в 30-е годы, когда Б. А. Латыниным были начаты раскопки в Центральной Фергане и в Исфаринском районе. Большое значение имели работы археологического надзора на строительстве Большого Ферганского, Южно-Ферганского и Северо-Ферганского каналов. В результате специалисты-археологи получили обширный материал, характеризующий различные этапы истории области. Именно этот материал лег впоследствии в основу первых обобщающих исследований по истории древней Ферганы¹⁵.

В 40—50-е годы широкие и планомерные исследования Ферганы проводились экспедициями, руководимыми А. Н. Бернштамом. За несколько лет были обследованы почти все районы Ферганы. Обследовались памятники различных эпох и разного характера. А. Н. Бернштама в большей степени, чем остальные проблемы, интересовала история кочевого мира, окружавшего земледельческую Фергану. В связи с этим основное внимание экспедиции было обращено на исследование памятников древних кочевников. В разных районах предгорной Ферганы было раскопано большое количество курганов, где был добыт богатый и разнообразный материал, характеризующий разные стороны культуры населения, оставившего могильники. Небольшие раскопки проведены и на городищах. Раскопки велись в Узгене, Куве, Касане, на Мархаматском городище, в Ахсыкете. Раскопки, начатые А. Н. Бернштамом, имели рекогносцировочный характер. Добытые материалы позволили А. Н. Бернштаму определить время жизни городов, а также дать первую археологическую характеристику Узгену, Ахсыкету, Касану¹⁶.

Работы А. Н. Бернштама открыли новый, качественно отличный от предшествующих этап в изучении Ферганы. Впервые проблема древней истории области была поставлена широко, для ее изучения были привлечены самые разнообразные источники. А. Н. Бернштам первый среди археологов обратил внимание на своеобразие топографии ферганских городов¹⁷. На основании археологических наблюдений и сведений письменных источников А. Н. Бернштам попытался проследить генезис средневековых оазисов Ферганы.

Раскопки последующих лет на Ахсыкете, в Куве и Узгене дали новые материалы, выявили отдельные моменты и уточнили некоторые детали, но не внесли ничего принципиально нового в понимание структуры ферганских городов. Исследования Пенджикента показали, что только широкие археологические раскопки могут раскрыть достоверную картину жизни

древнего города, выявить его топографию и социальную структуру. Объем же работ на Ферганских городищах был невелик, а публикации, связанные с этими раскопками, посвящены только отдельным частным вопросам¹⁸.

В течение десятилетий объектами археологического изучения были города, расположенные в равнинной части Ферганы. Из-за слабой изученности горной периферии создавалось впечатление, что именно здесь, на равнине, в средневековье была сосредоточена городская жизнь. А предгорные районы составляли сельскую округу области. Этого мнения придерживался А. Н. Бернштам. Он писал, что «города средневековой Ферганы сосредоточены в равнинной части»¹⁹. Это же положение он высказал и в другой работе: «Феодальные центры выдвигаются в равнинную часть, соединяясь между собой трассой торгового пути. В горных и подгорных районах они сохраняют вид совокушности замков, стоящих на адырах»²⁰.

Еще раньше В. В. Бартольд писал, что в горной Уструшане городская жизнь была слабо развита. Он объяснял это обстоятельство тем, что «эта область менее других подверглась влиянию арабской культуры и поэтому должна была дольше других сохранять особенности древнеарийского аристократического строя»²¹. Это мнение В. В. Бартольда разделяла О. И. Смирнова²².

Археологические работы, проводившиеся в послевоенные годы в горных районах Ферганы и особенно Уструшаны, показали ошибочность этих предположений²³. Городов здесь было меньше, чем на равнине. И они не были такими обширными. Но здесь, так же как и в равнинных городах, были высоко развиты ремесла; в некоторых случаях и в благоустройстве они не уступали столичным городам. Об этом свидетельствует находка водопровода в Карабулаке.

Удаленные от традиционных путей и городских центров, труднодоступные из-за бездорожья, горные районы Баткена и особенно Ляйляка долгое время оставались вне поля зрения археологов. Между тем эта обширная область, находящаяся на стыке двух древнейших государств — Ферганы и Уструшаны, — несомненно интересна в археологическом отношении, а изучение ее крайне важно для решения многих историко-культурных проблем не только Ферганы и Уструшаны, но и Средней Азии в целом.

Археологическое изучение районов Баткена и Ляйляка начинается лишь в 50-е годы. Первым их исследователем был А. Н. Бернштам, осмотревший здесь в 1951 г. несколько поселений и могильников, в том числе и развалины древнего поселения в кишлаке Карабулак²⁴. Во время разведок в 1954 г. в Баткенском районе Ю. Д. Баруздиным был открыт Карабулакский могильник²⁵.

В 1957—1958 гг. в этих районах работал Южно-Киргизский отряд Киргизской экспедиции, руководимый Ю. А. Заднепровским. Результатом работ явилось открытие ряда ранее неизвестных поселений и могильников различных эпох²⁶.

В 1959—1960 гг. Ляйлякско-Баткенским отрядом той же экспедиции обследованы новые поселения и могильники. Раскопки проводились на двух поселениях, относившихся к разным эпохам, и на нескольких могильниках²⁷.

В последующие годы раскопки под руководством автора настоящей работы велись на территории Ляйлякского района, где основным объектом исследования являлось Карабулакское городище. Первые разведочные раскопки Ю. А. Заднепровского показали, что мы имеем здесь дело не с заурядным сельским поселением, а с городом, где были развиты различные ремесла, а население его находилось в тесном общении с населением соседних областей Ферганы и Уструшаны. Раскопки показали также, что Карабулакское городище является весьма перспективным памятником и что широкие его исследования могут дать очень ценные материалы для изучения разных сторон истории области. Поэтому было решено начать здесь стационарные раскопки. Здесь полностью раскопан небольшой дом середины I тысячелетия н. э. На большом тене, расположенном в центре кишлака, на площади около 1600 кв. м открыты сооружения, относящиеся к пяти строительным горизонтам. Карабулакское городище является в настоящее время единственным в Фергане в такой степени изученным средневековым памятником. Обильные и яркие, хорошо стратиграфически расчлененные находки характеризуют материальную культуру XI—XII вв.

К сожалению, огромный и разнообразный материал, полученный при раскопках, характеризует только один хронологический этап — XI—XII вв. Между тем отдельные находки красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом и материалы из замка VI—VII вв. свидетельствуют о том, что жизнь на городище не прекращалась с первых веков н. э. Следует также иметь в виду, что в силу географической удаленности и изолированности района карабулакские материалы характеризуют материальную культуру не всей Ферганы, а только этого горного района ²⁸.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, стр. 221—226; Н. Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, стр. 5—24; *он же*. Историко-географический очерк Уструшаны в древнейших времен по X в. н. э. МИА, № 37, 1953, стр. 237.

² Е. К. Ветгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абдул-Касыма Ибн-Хаукаля. «Труды САГУ», т. IV. Ташкент, 1957, стр. 26.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. II. М., 1950, стр. 149; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 104.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 220.

⁵ Н. Н. Негматов. Уструшана в древности. . . , стр. 17 и сл.; *он же*. Ходжент и Уструшана в древности и в средневековье. М., 1969, стр. 14.

⁶ Н. Н. Негматов. Уструшана в древности. . . , стр. 34.

⁷ В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 222—223; Н. Н. Негматов. Уструшана в древности. . . , стр. 34—35.

⁸ В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 220; Е. А. Давидович. Саманидские монеты Кубы. СА, № 2, 1960, стр. 186—201; *она же*. Канибадамский клад караханидских монет. СА, 1961, № 1; *она же*. Из области денежного обращения на территории Ферганы. «Труды Музея истории Уз. ССР», вып. II. Ташкент, 1954, стр. 39—52.

⁹ В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 217.

¹⁰ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 176.

¹¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950; М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. «Среднеазиатский вестник», май 1896; Е. Н. Малицкий. Рудник гибели (пещера Кон-и-Гут). ПТКЛА, т. II. Ташкент, 1897, стр. 11—13; А. Д. Петров. Развалины Муг-тепе около селения Сары-Кургана. ПТКЛА,

- т. 18. Ташкент, 1914, стр. 29—30; Л. Зимин. Краткая историческая справка о древнем Сохе. ПТКЛА, т. 18. Ташкент, 1914, стр. 21—23.
- ¹² В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 211—226.
- ¹³ М. Е. Массон. К истории добычи ртуты в Средней Азии. «Народное хозяйство Средней Азии». Ташкент, 1930, № 5; он же. По поводу работы П. П. Иванова. К истории развития горного промысла в Средней Азии. «За недра Средней Азии», 1933, № 3; он же. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых (Таджикско-Памирская экспедиция. Материалы экспедиции, вып. XX), Л., 1934.
- ¹⁴ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. Л.—М., 1932.
- ¹⁵ М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. КСИИМК, вып. 4, 1940, стр. 52—54; М. Э. Воронец. Археологические исследования Узбекского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г. ВДИ, 1940, № 1, стр. 208; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южно-Ферганского канала. «Иzv. УзФАН», № 10. Ташкент, 1940; «Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР», т. IV. Ташкент, 1953; Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. КСИИМК, вып. 76, 1952, стр. 17—27; Б. А. Латынин. К вопросу об истории ирригации. Сб. «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935; он же. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. «Иzv. ГАИМК», вып. 110, т. II, 1935, стр. 120—157; он же. Вопросы ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 15—26; он же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы (Доклад на I совещании по археологии Средней Азии). КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 12—15; он же. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. СА, 1959, № 3, стр. 19—27; он же. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. «Исследования по археологии СССР. Сб. ЛГУ в честь проф. М. И. Артамонова». М., 1961, стр. 111—118; он же. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1939 г. Археологический сборник № 3. Гос. Эрмитаж. Л., 1961, стр. 133—145; он же. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. М., 1962.
- ¹⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952. Вопросы древней истории Ферганы нашли отражение также в ряде других работ А. Н. Бернштама. См.: А. Н. Бернштам. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. Сб. «Академику К. И. Скрябину». Фрунзе, 1945; он же. К истории Фергано-Тяньшанских культурных отношений (из итогов археологических работ 1945 г.). «Иzv. Кирг. ФАН», вып. 4—5, 1946; он же. Из истории Восточной Ферганы и Алая (краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.). «Иzv. Кирг. ФАН», вып. 6, 1947; он же. Древняя Фергана (Тезисы доклада). КСИИМК, вып. XXI, стр. 86—88; он же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951 и др.
- ¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, стр. 248 и сл.
- ¹⁸ Д. П. Вартолова. Об одном керамическом блюде из Кувы. СА, 1964, стр. 312—314; И. Азраров. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 80—86; он же. Средневековые чернильницы с городища Кува. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 1; он же. Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 8; он же. Каменные котлы средневековой Ферганы. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1966, стр. 4—12; он же. К исторической топографии Ахсыкета. Сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Л., 1970, стр. 20—22; Д. Ф. Винник. Археологические работы Узгенского отряда. АО, 1970 года. М., 1971, стр. 423; В. Горячева. Археолого-топографическое изучение древнего Узгена. АО 1971 года. М., 1972, стр. 550.
- ¹⁹ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, стр. 33.
- ²⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки. . . , стр. 249.
- ²¹ В. В. Бартольд. Туркестан. . . , стр. 224.
- ²² О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрухане в 1950 г. МИА, № 37, 1953, стр. 190.
- ²³ О работах в этих районах см.: Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Указ. соч.: О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимики Зарав-

- шана. МИА, № 15, 1950, стр. 55, 56; *Н. Н. Негматов*. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. МИА, № 37, стр. 231—252; *он же*. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, стр. 49; *Н. Н. Негматов*, *С. Г. Хмельницкий*. Средневековый Шахрхистан. Душанбе, 1966; *Н. Н. Негматов*. Ходжент и Усрушана в древности и в средневековье, стр. 8, 14.
- ²⁴ *Ю. А. Заднепровский*. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 г. Отчет. Архив ИА АН СССР, д. 1630.
- ²⁵ *Ю. Д. Баруздин*. Карабулакский могильник (раскопки 1954 г.). «ИИАН Кирг. ССР», вып. II. Фрунзе, 1956; *он же*. Кара-Булакский могильник «ТИИАН Кирг. ССР», вып. 3, 1957, стр. 17, 32; *он же*. Кара-Булакский могильник. «Изв. АН Кирг. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, стр. 43—81.
- ²⁶ *Ю. А. Заднепровский*. Археологические памятники южных районов Отской области. Фрунзе, 1960.
- ²⁷ *Ю. Д. Баруздин*, *Г. А. Брыкина*. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- ²⁸ Там же, стр. 105 и сл., *Г. А. Брыкина*. Раскопки Карабулакского городища в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 116—124; *она же*. Раскопки замка в Карабулаке. КСИА, вып. 108, 1965, стр. 116—122; *она же*. Раскопки на городищах Майда-тене и Карабулак. «АО 1965 года». М., 1966, стр. 185—187; *она же*. Раскопки в юго-западных предгорьях Ферганы и на поселении Ана-Кызыл. «АО 1966 года». М., 1967, стр. 342—344; *она же*. Стекло из Карабулака. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 252—256; *она же*. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв. н. э. КСИА, вып. 122. М., 1970, стр. 95.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСКОПОК

Карабулакское городище является одним из самых значительных среди других средневековых памятников юго-западных предгорий Ферганской долины. В течение восьми полевых сезонов оно было одним из основных объектов работ Ляйлякского отряда Киргизской археологической экспедиции.

Городище находится в кишлаке Карабулак к востоку от районного центра Исфана. Оно занимает небольшую котловину в межгорной долине. Судя по отдельным находкам фрагментов красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом, возникновение поселения здесь можно относить к первым векам н. э. Жизнь на поселении продолжалась в VI—VII вв. К этому времени относится небольшой замок, раскопанный в 1964 г. на юго-западной окраине кишлака¹. Наивысшего расцвета город достиг в XI—XII вв., когда он занимал обширную площадь. К этому времени относится большое овальное в плане тепе, расположенное в центре кишлака. Оно заключало в себе руины здания, возведенного на высокоглинобитном цоколе и неоднократно перестраивавшегося². Тепе вытянуто с юга на север. Его длина равна 100 м, наибольшая ширина — 60 м. В высоту оно сохранилось до 8 м (рис. 2). В южной части тепе находится небольшое возвышение, заключавшее, как показали раскопки, массивную глинобитную стену из нарезной пахсы. Большую часть площади тепе занимает ровная площадка, слегка повышающаяся к северу. Расположение тепе в центре кишлака отразилось на его сохранности: его поверхность нарушена современными ямами, а в юго-западной части сохранились фундаменты домов, стоявших здесь в начале века. На отдельных участках оказались снесенными слои наиболее поздних периодов жизни сооружения. Неукрепленное городище располагалось вокруг здания и занимало значительную территорию в котловине и на прилегающем к ней с юга плато. Почти вся площадь городища скрыта под современными постройками и садами, что делает невозможным изучение его топографии. Приходится лишь по отдельным находкам фиксировать наличие культурных напластований в разных местах кишлака и по ним судить о площади, которую занимал город. К востоку от тепе слои с керамикой XII в. обнаружены в нескольких местах при рытье котлованов под фундаменты для сооружаемых домов. Самые дальние находки керамики XI—XII вв. сделаны здесь на расстоянии 200 м от тепе. К северу и западу от тепе ана-

логичную керамику находили на расстоянии 200—250 м. У самого подножья адыра, окаймляющего котловину с юга, при прокладке дороги найден клад из 22 караханидских бронзовых монет. Здесь же найдена поливная и неполивная керамика. В 300 м к югу от тепе на этом же адыре обнаружен целый хум, стоявший на трехногом керамическом столике (рис. 3).

Обилие керамических изделий и находки предметов печного припаса свидетельствуют о наличии местного гончарного производства. Остатки одной мастерской открыты в 400 м к югу от тепе на склоне адыра. Здесь помимо подставок сипая и колотушки, использовавшейся при формовке больших сосудов, — обнаружена сильно разрушенная гончарная печь, круглая в плане; о конструкции ее судить невозможно. Рядом с гончарной, видимо, находилась и металлообрабатывающая мастерская — на месте ее найдены куски шлакированного железа.

Город имел хорошо налаженное водоснабжение: в двух пунктах зафиксировано наличие водопровода. В обоих случаях керамические трубы-кубуры лежали в определенном порядке в направлении к тепе. Одна линия водопровода была обнаружена в котловане в 300 м к югу от тепе. Другая линия открыта при строительстве дома на адыре в 400 м к юго-востоку от тепе. Фрагменты водопроводных труб и целые кубуры были найдены также и при раскопках на тепе.

Итак, благодаря этим находкам мы располагаем данными для суждения о площади, занимаемой городом. Она не превышала, очевидно, 5 га.

Городище впервые было обследовано в 1951 г. А. Н. Берштямом, отметившим большое тепе в центре кишлака.

С 1957 г. начались систематические исследования городища. На западном склоне тепе был заложен шурф площадью около 22 кв. м, доведенный

Рис. 2. Вид на тепе с юго-запада

Рис. 3. План расположения памятников в Карабулаке

x1 — тепле № 1; x2 — хуж; x3 — водопровод; x4 — мастерские; x5 — тепле № 2

до глубины 3 м от поверхности. В шурфе открыта стена, тянущаяся с северо-запада на юго-восток и сложенная из прямоугольных сырцовых кирпичей. Стена была возведена на завале из обломков кирпичей. С востока к ней примыкает яма конусовидной формы, заполненная золой, обломками керамики и костей животных. Толщина культурного слоя в шурфе равна 2,5 м. Ниже этого уровня лежит однородный лес. Исследовавший городище Ю. А. Заднепровский полагает, что стратиграфия шурфа дает возможность говорить о трех периодах в жизни городища.

В 1958 г. раскоп площадью 220 кв. м был заложен в южной, наиболее возвышенной части тепе (рис. 4), где были открыты сооружения двух строительных горизонтов, сохранность которых очень плохая: нам удалось открыть лишь обрывки нескольких комнат и массивную стену из нарезной пахсы, относившуюся, видимо, к зданию первоначального периода (рис. 5). Эта стена была прорезана двумя более поздними глубокими мусорными ямами, заполненными золой, рыхлой супесью. В заполнении ям найдены фрагменты керамики и два сохранившихся неполностью лепных сосуда.

Рис. 5. Стена из нарезной
палсы

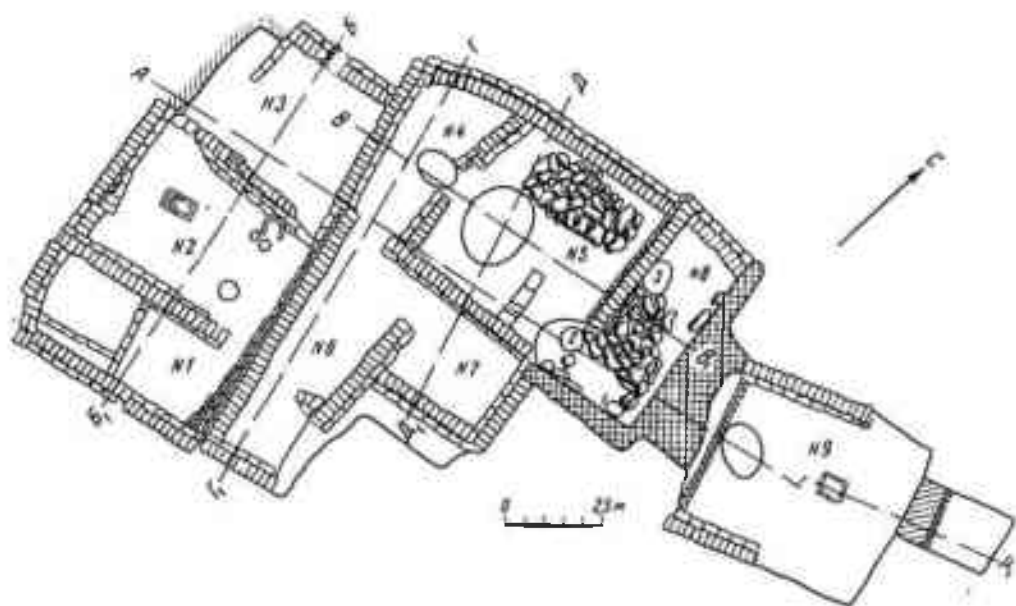
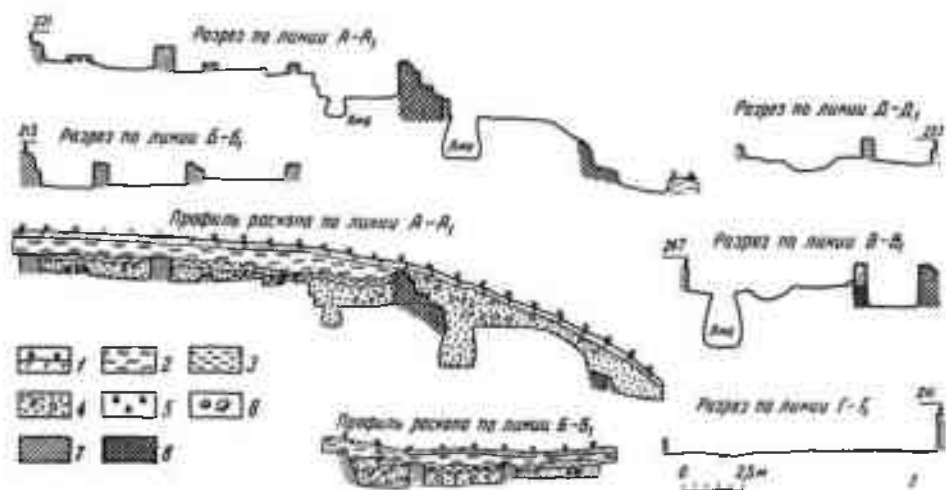

Рис. 6. 1 — План раскопа 1959 г.; 2 — разрезы

1 — дерновый слой; 2 — золотый слой; 3 — плотная глинистая масса; 4 — завал из супеси с кирпичами, камнями; 5 — уголь древесный; 6 — камни; 7 — стены из сырцовых кирпичей; 8 — глинобитные стены

Рис. 7. Вид на раскоп 1959 г. с севера

В 1959 г. раскоп был заложен в восточной половине площадки к северу от раскопа 1958 г. и в непосредственной близости от него (рис. 6, 1). В раскопе выявлены три четко различающихся слоя, связанные с тремя периодами в жизни здания. Первый слой сверху связан скорее не с периодом жизни, а с периодом запустения. Он состоит из рыхлой золистой супеси и выявлен сразу же после снятия дерна. Толщина этого слоя на разных участках раскопа неодинакова. В западной части раскопа она достигает 70—80 см, а в восточной — уменьшается до 25—30 см. В этом слое найдено много керамики и костей животных (рис. 6, 2).

Слой золистой супеси перекрывал стены помещений предшествовавшего периода. Открытые на том участке девять комнат составляли три одновременных жилых комплекса (рис. 7). Первый расположен вдоль западного края раскопа и включает три последовательно соединенные дверными проемами комнаты удлиненной формы. Второй комплекс занимает центральную и восточную часть раскопа. От первого комплекса его отделяет стена, сложенная из длинномерных кирпичей цепной кладкой. Он состоит из пяти комнат различного плана и разной площади.

В основном — это удлиненные коридорообразные комнаты, мало пригодные для жилья и использовавшиеся скорее всего в хозяйственных целях. Самая большая в этом комплексе комната была почти квадратная в плане, а площадь ее равна около 14 кв. м. Глинобитный пол ее в центре просел, около северной стены он выложен крупной, хорошо окатанной речной галькой (рис. 8). В западной части комнаты находилась большая овальная в плане мусорная яма, переставшая функционировать еще при жизни помещения: — завал, заполнявший яму, был хорошо утрамбован, а сверху покрыт саманной обмазкой.

Рис. 8. Помещение № 5, раскоп 1959 г.

Рис. 9. Помещение № 9, раскоп 1959 г.

Интересным с точки зрения стратиграфических наблюдений является помещение № 8, расположенное у восточного края площадки. Раскопки показали, что эта комната пережила два периода, не изменяя своего плана (она удлиненная, прямоугольная, вытянутая длинной осью с севера на юг). В комнате были проведены лишь небольшие ремонтные работы, когда над глинобитной западной стеной была сделана надстройка из сырцовых кирпичей. Восточная и южная стены комнаты были возведены в I период, но продолжали функционировать и во II период. Пол комнаты первоначального периода частично вымощен крупной галькой. Его прорезали три ямы (две — в южной части комнаты, одна — в северной).

В третий комплекс входила одна комната, открытая нами на восточном склоне тепе. Она была пристроена к внешней стене первоначального здания. Комната имела удлиненную прямоугольную форму. Сохранилась она

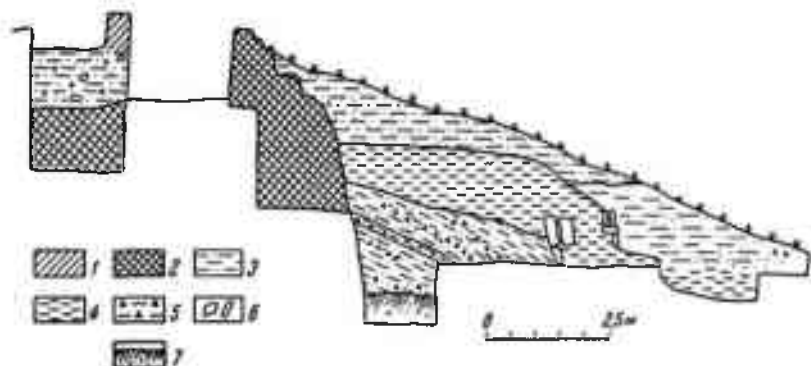

Рис. 10. Северная стена траншеи на восточном склоне тепе

1 — стена из сырцовых кирпичей; 2 — глинобитная масса; 3 — сунесь; 4 — глина; 5 — уголь, зола; 6 — сырцовые кирпичи; 7 — материк

неполностью. В центре комнаты находился очаг прямоугольной формы, выложенный из керамических плит (рис. 9).

В том же году была проведена зачистка восточного склона холма. В траншее, которая прорезала слой до самой подошвы холма, обнаружена стена из сырцовых кирпичей, облицовывавшая массив из битой глины. К этой стене с востока на глубине 8,16 м примыкала плотная глинобитная поверхность с известковыми включениями и угольками.

В 1960 г. раскопки велись также на восточной половине площадки, где был разбит раскоп площадью 414 кв. м. Вторым объектом работ была стратиграфическая траншея, прорезавшая всю толщу холма на восточном склоне (на месте раскопа 1959 г.). Работами в траншее установлено, что в основе здания лежит глинобитный цоколь, на котором были возведены стены первоначального здания. Оно имело глинобитную внешнюю стену, в разрезе которой выявлена очень интересная конструктивная деталь: в стену была вмонтирована деревянная балка диаметром 15 см, лежавшая горизонтально³. Раскопки в траншее подтвердили наше предположение о времени возведения помещений 3-го комплекса, одно из по-

мещений которого открыто в 1959 г. Пол этого помещения подстилает аморфный завал из золистой супеси, строительного мусора. Судя по характеру напластований, этот завал образовался постепенно в течение первого периода жизни здания. В нем четко прослеживаются слои аморфной супеси с золистыми прослойками (рис. 10).

На основном участке открыты сооружения, относившиеся к трем периодам жизни здания.

От наиболее позднего периода сохранились лишь остатки каменных фундаментов из окатанной крупной речной гальки. Фундаменты расположены рядами, показывающими направления стен. Камни были обнаружены под слоем рыхлой супеси с большим количеством керамики и костей животных. Они лежали на плотной глинобитной массе, выявленной на всей площади раскопа и лежавшей вровень со стенами помещений предшествующих периодов (рис. 11, 1).

На участке открыты две разновременные группы помещений (рис. 11, 2). Наиболее поздней является западная группа, включавшая восемь комнат, удлиненных или почти квадратных в плане. В комнатах открыты очаги, располагавшиеся около стен или же в центре комнат. В каждой из комнат при зачистке полов найдены отдельные фрагменты керамики, поливные и неполивные сосуды, которые удалось восстановить (рис. 12).

Восточная группа комнат относилась к более раннему периоду, что подтверждается стратиграфически (рис. 13).

Сохранность этих комнат гораздо хуже, чем в западной части раскопа. В отдельных случаях стены их сохранились неполностью, поэтому не всегда возможно судить об их плане. Среди других комнат интересна одна, открытая в юго-восточном углу раскопа. Она интересна тем, что дает более полное представление о стратиграфии памятника, чем это представлялось ранее. Не изменяя своих очертаний, она пережила два периода. В наиболее ранний период эта комната имела около западной и восточной стен высокие суфы, покрытые толстым слоем саманной обмазки. В более поздний период в комнате суф уже не было. На их уровне была обнаружена плотная глинобитная поверхность с включениями углей и золы. Уровень этой поверхности совпадает с уровнем полов в соседних комнатах (рис. 14).

Раскоп 1961 г. занял западный угол тепе (рис. 15). Здесь, как и на других участках, открытых в прошлые годы, под дерном открыт слой золистой супеси, толщиной до 50 см. В нем найдено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Под этим слоем открыты каменные фундаменты, вытянутые в направлении с северо-запада на юго-восток. Камни лежали на плотной глинобитной поверхности, а в ряде случаев, как показали последующие раскопки, — на стенах сооружений предшествовавшего периода. Глинобитная масса, подстилавшая фундаменты, выполняла роль забутовки при возведении стен помещений, от которых сохранились лишь фундаменты. Эта масса перекрывала стены помещений и составляла верхнюю часть заполнения этих комнат. Толщина слоя от 20 до 50 см. На участке открыта 21 комната (рис. 15; 16). Стратиграфические наблюдения показали, что большая часть этих комнат (18) относится к одному периоду. И лишь три комнаты, очень узкие прямоугольные, расположенные около восточного края раскопа, связаны с более поздним

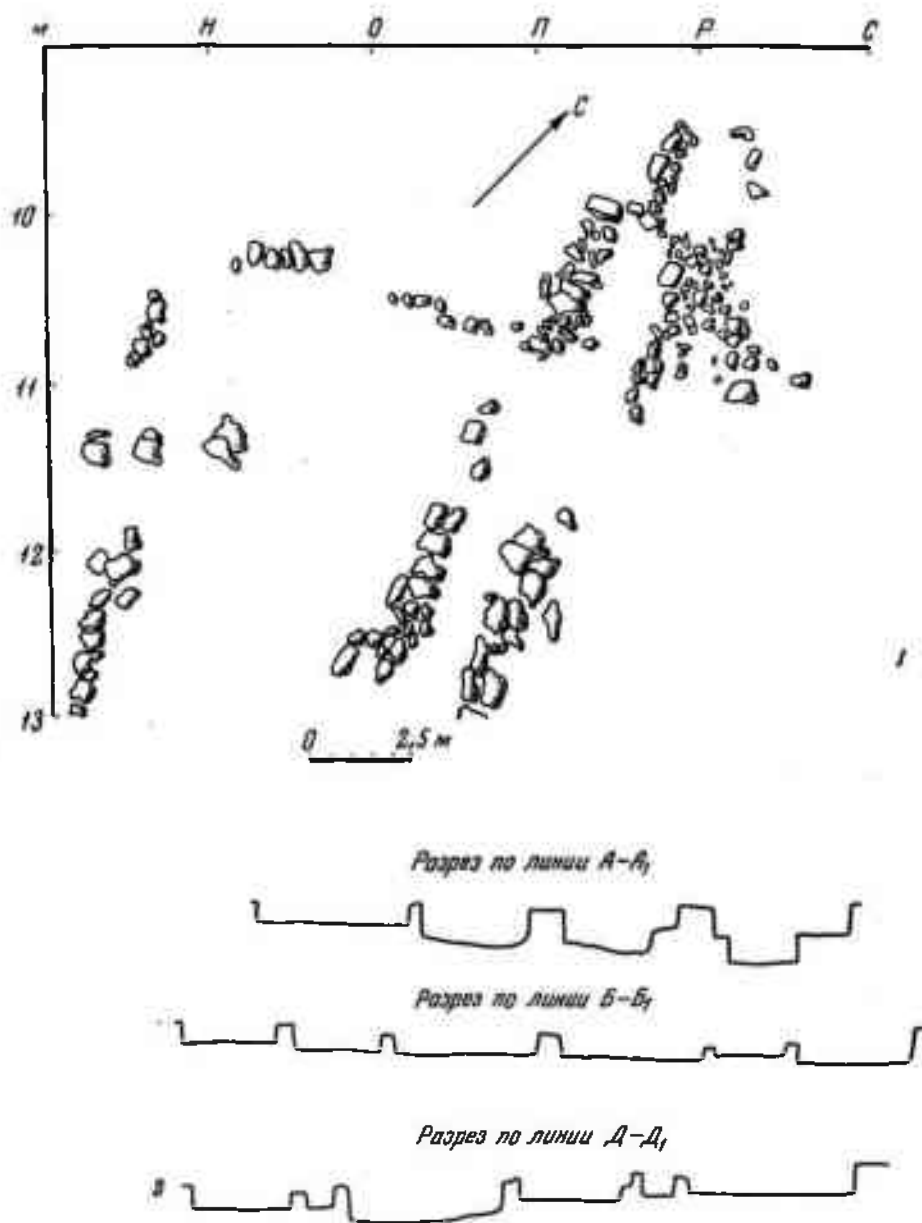
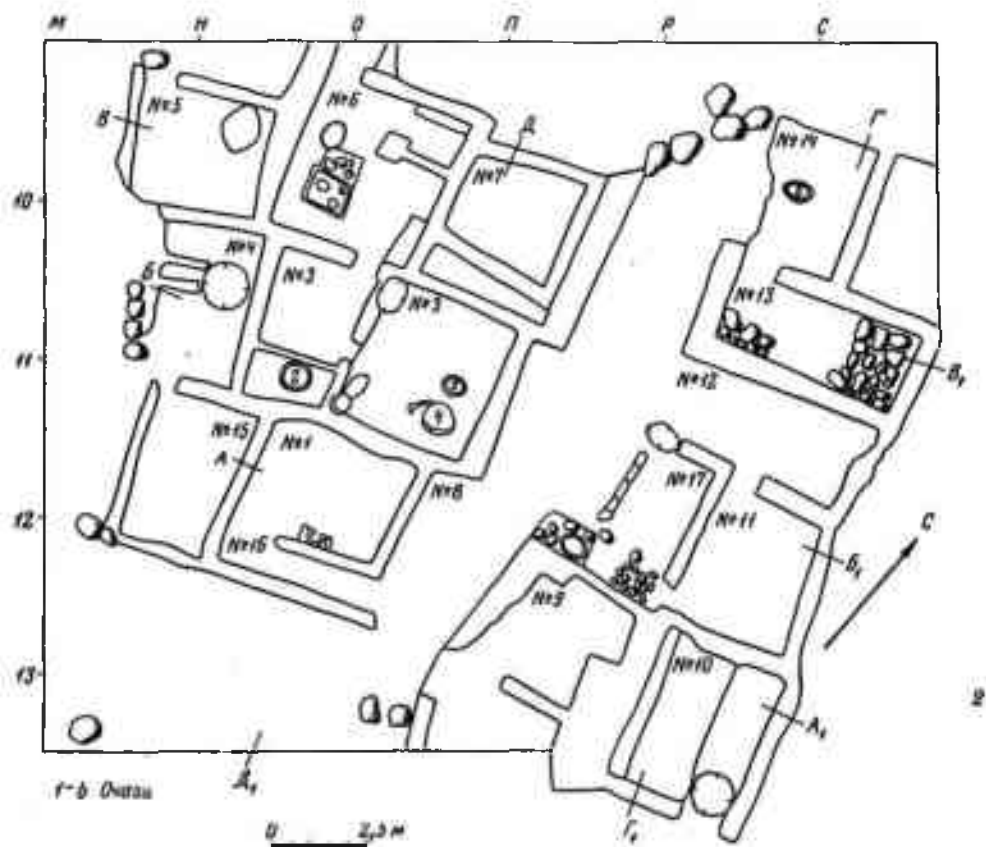

Рис. 11. Раскоп 1960 г.

1 — фундаменты построек V периода; 2 — план сооружений III и IV периодов; 3 — разрезы в профиле раскопа;
 4 — суглесь; 5 — плотная глинистая масса; 6 — завал на суглесь с кирпичами; 7 — вола, угли

Разрез по линии В-В₁

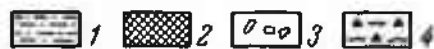

Разрез по линии Г-Г₁

0 25 м

3

Рис. 12. Вид на раскоп 1960 г. с востока

Рис. 13. Вид на раскоп 1960 г. с юго-запада

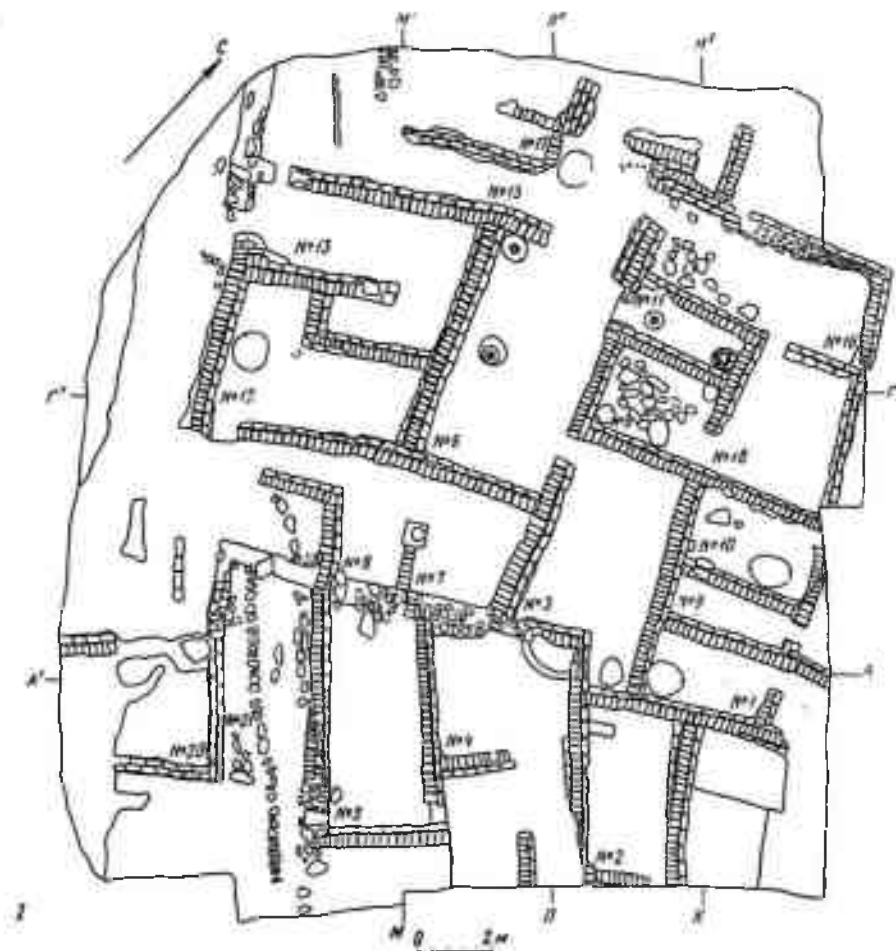
Рис. 14. Помещение № 10, раскоп 1960 г.

периодом жизни памятника. Они были пристроены к стене более раннего помещения.

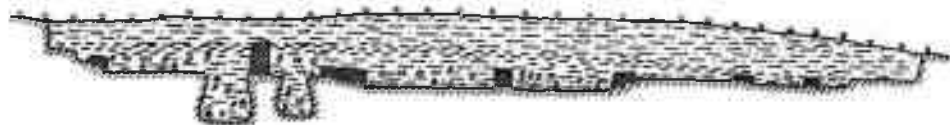
Плохая сохранность сооружений не позволяет высказать какие-либо суждения о планировке здания на этом участке и выделить отдельные жилые или хозяйственные комплексы. Здесь выделяются отдельные группы комнат, связанных друг с другом дверными проемами. Но не удается пока выяснить их взаимосвязь. Одно лишь несомненно, что эти помещения возведены в одно и то же время. Раскоп дал большое количество материалов, среди которых есть уникальные керамические и стеклянные изделия.

Северная часть больше, чем остальные участки памятника, пострадала от деятельности наших современников. Поверхность ее изрыта ямами. Именно этот участок стал объектом исследования нашей экспедиции летом 1962 г. (рис. 17). Раскопки внесли существенные коррективы в представление о стратиграфии памятника. В результате раскопок выявлены сооружения четырех последовательно сменяющихся строительных горизонтов. Сохранность строительных остатков на разных участках раскопа неодинакова. Сооружения трех наиболее поздних периодов сохранились в юго-восточной части раскопа. В северо-восточной части раскопа нам удалось выявить только помещения наиболее раннего периода жизни здания. Более поздние постройки оказались разрушенными современными ямами. Всего на участке открыты 24 комнаты различных периодов. В ряде комнат имелись очаги, хозяйственные и мусорные ямы. В ряде случаев ямы прорезывали стены комнат, что очень ярко свидетельствует о разновременности сооружений (рис. 18).

Основной задачей работ 1965 г. было уточнение стратиграфии памятника и выяснение планировки здания первоначального периода. Поэтому

Профиль раскопа по линии А-А,

Профиль раскопа по линии Л-Л,

Рис. 16. Вид на раскоп 1961 г. с юга

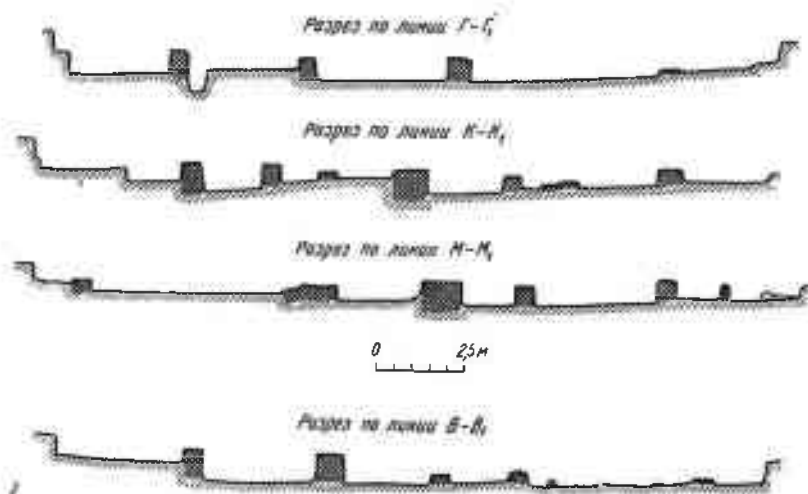

Рис. 15. Раскоп 1961 г.

1 — план сооружений I и III периодов; 2 — профили и разрезы раскопа;

1 — почвенный слой; 2 — супесь; 3 — глина; 4 — кирпичи; 5 — зола; 6 — угли; 7 — стены из сыровящих кирпичей

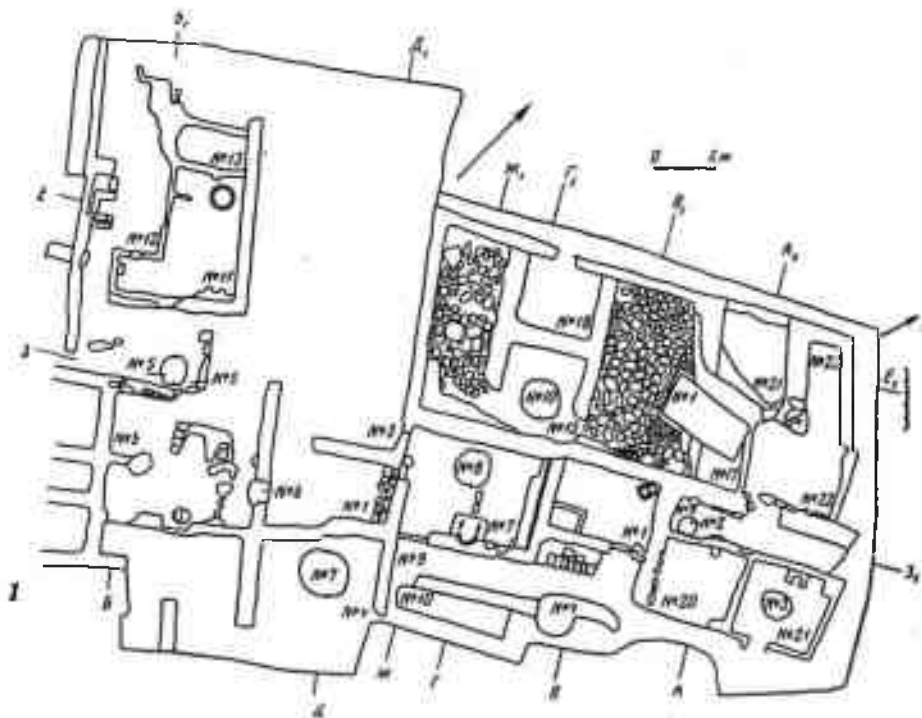

Рис. 17. Раскоп 1962 г.

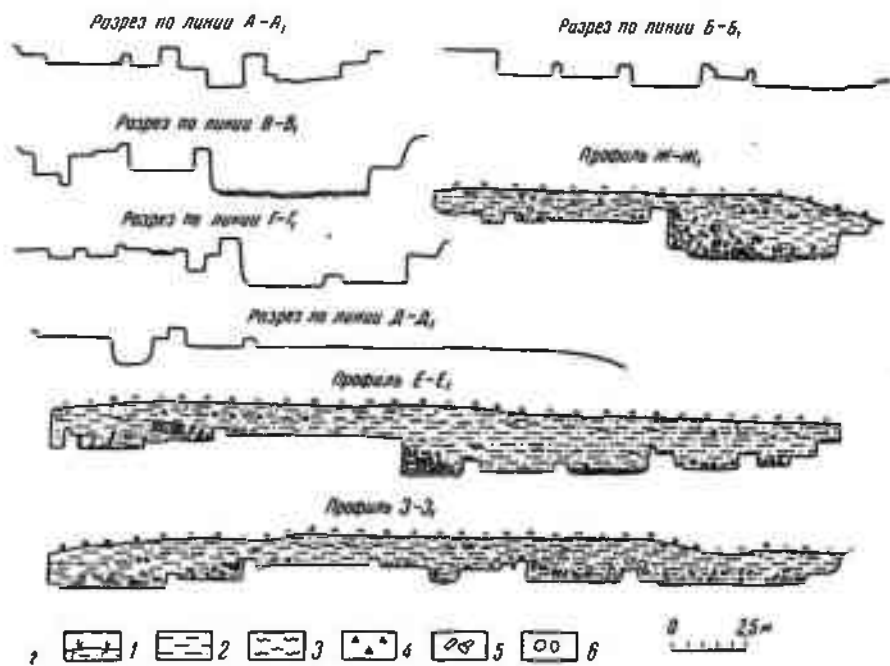
1 — план сооружений I, III, IV периодов; 2 — разрезы; 3 — фасады стен
 1 — почва; 2 — супесь; 3 — зола; 4 — уголь; 5 — завал кирпичей; 6 — камни

раскоп был заложен в северо-восточной части площадки, где в 1960 и 1962 гг. были открыты сооружения трех более поздних периодов.

В 1965 г. было решено разобрать сооружения II—III периодов и на большой площади открыть сооружения I периода жизни здания. Это помогло бы изучить планировку здания и выявить некоторые закономерности в строительных приемах. Раскопки 1965 г. позволили уточнить стратиграфию памятника. Оказалось, что во время между I и II периодами значительную площадь здания занимал хозяйственный двор с огромным количеством хозяйственных и мусорных ям (рис. 19). После того как были разобраны стены помещений III периода, на всей площади раскопа был открыт аморфный завал, состоящий из рыхлой волнистой супеси. В этом слое найдено большое количество керамики и костей животных. В центральной части раскопа было много углей. Здесь же найдены большие куски обуглившегося дерева — бревна и доски, лежавшие в завале над одной из ям. Толщина зольного слоя достигала 45—65 см.

На глубине 3,19 и 3,30 м обнаружены зольные прослойки; первая прослежена почти на всей площади раскопа. Наиболее интенсивны они в южной и северной частях раскопа.

В северной части раскопа слой с большим количеством золы и углей подстилает стены помещений II и III периодов жизни здания (рис. 20).

Южная стена помещений N 14, 15, 17

Северная стена помещения N 7

Западная стена помещения N 12

Западная стена помещений N 7, 9, 10

Северная стена помещений N 14, 18, 16

Восточная стена помещения N 2

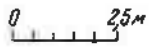

Рис. 18. Вид на раскоп 1962 г.

Под слоем золистой супеси открыта плотная глинобитная, очень неровная поверхность, которая прорезана мусорными и хозяйственными ямами. Уровень ее в центральной части более высокий, чем в южной и западной. В центральной части отметка поверхности от 3,28 до 3,35 м, в западной части — 3,59—3,60 м, в южной — 3,55 м.

Всего открыто 49 ям. Наибольшая их концентрация в южной и северо-восточной частях раскопа. Формы и размеры ям различны (рис. 24). Все они заполнены рыхлой землей. Ямы, использовавшиеся в качестве мусорных, заполнены золистой супесью с большим количеством керамики и костей животных (рис. 22; 23).

В центральной части раскопа (в помещениях 7, 8, 9, 10, 11) был снят слой, связанный с горизонтом ям. Оказалось, что его подстилает плотный слой из глинобитной массы, толщина которого достигает 60—80 см. Этой массой были забутованы помещения более раннего периода. При разборке глинобитного слоя оказалось, что стены помещений периода, предшествующего по времени сооружению ям, были разрушены и прорезаны этими ямами. От стен сохранились лишь небольшие обрывки, по которым невозможно судить о планировке здания на этом участке.

Стратиграфия

Большое значение для Ферганы в целом имело бы стратиграфическое изучение крупных городских центров, поскольку именно они определяли культурное и экономическое развитие области. Раскопки, проводившиеся в Узгене, из-за незначительности вскрытой площади не дают сколько-нибудь цельной картины истории развития города, бывшего на протяжении двух столетий столицей Ферганы⁴. Результаты археологического изучения

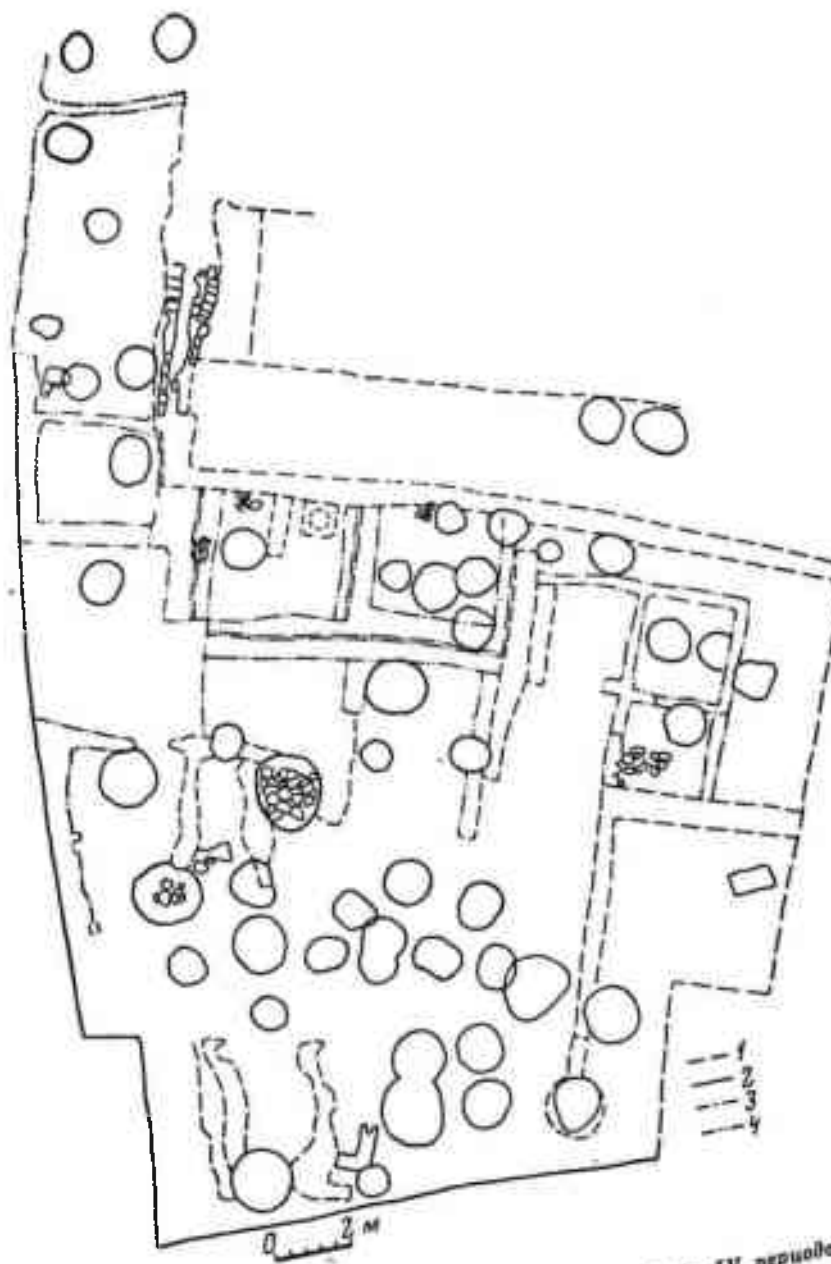

Рис. 19. Раскоп 1965 г. Сводный план сооружений I—IV периодов
 1 — I период; 2 — III период; 3 — II период; 4 — IV период

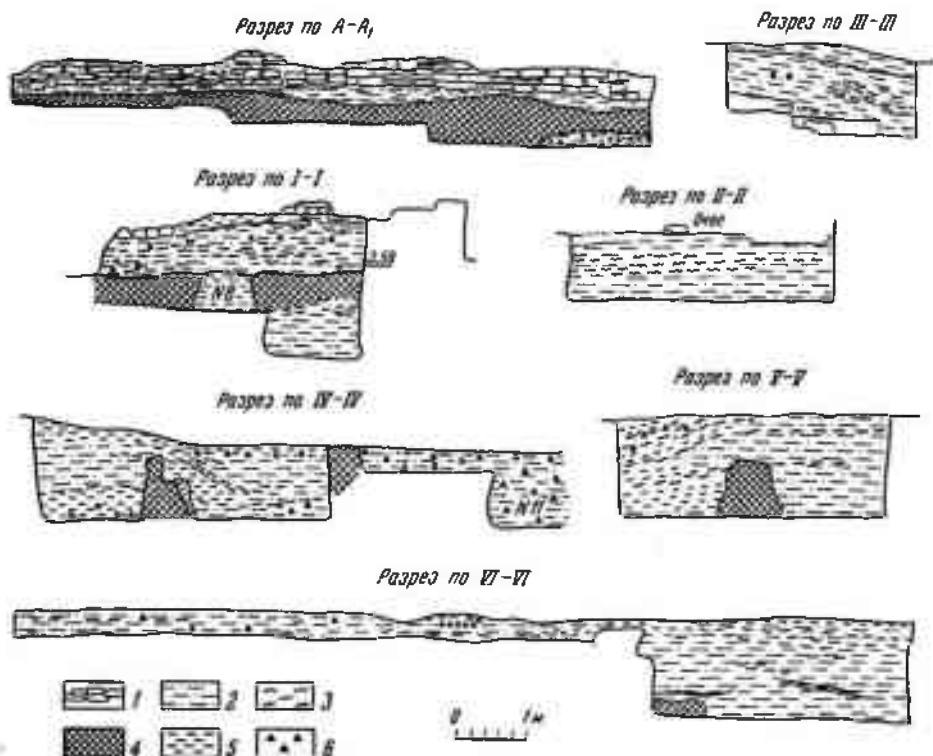

Рис. 20. Раскоп 1965. Разрезы

1 — сырцовые кирпичи в кладке стен; 2 — супесь; 3 — волстые слои; 4 — глинобитная масса; 5 — глина; 6 — древесный уголь

Ахсыкета и Кувы пока еще не нашли отражения в печати. Вскрытые же площади там невелики ⁶.

Единственным более или менее полно изученным памятником в этом районе является Карабулакское городище. В течение шести полевых сезонов основным объектом изучения было большое тепе, расположенное в центре кышлака Карабулак. На нем раскопками вскрыта площадь, равная 1600 кв. м, что составляет более $\frac{2}{3}$ всей площади тепе.

В результате раскопок выяснилось, что почти четырехметровая толща культурных напластований скрывала в себе сооружения, относившиеся к пяти строительным горизонтам, каждый из которых характеризует определенный период в жизни здания.

Сооружение построек каждого из периодов сопровождалось перестройками и существенным изменением планировки здания. Планировка каждого последующего периода не совпадала с планировкой предыдущего периода. В отдельных случаях стены первоначальных построек использовались и в более позднее время. Этим, видимо, объясняется тот факт, что стены сооружений различных периодов имеют одинаковое направление. При возведении сооружений каждого из периодов стены предшествовав-

Карабулак - 1965 г.

Разрезы мм

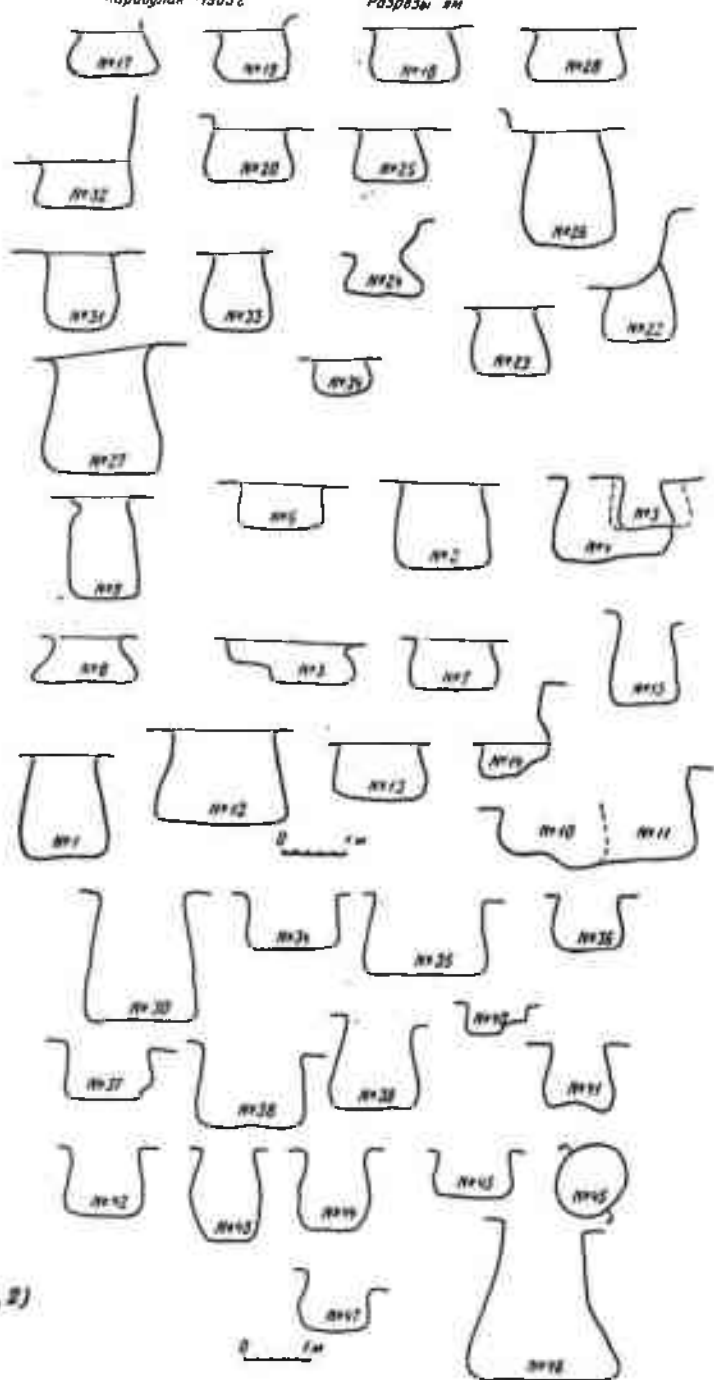

Рис. 21. Разрезы ам (1, 2)

Рис. 22. Вид на раскоп 1965 г.

Рис. 23. Вид на раскоп 1965 г.

ших зданий или совершенно уничтожались, или же сохранялись на незначительную высоту. Это обстоятельство очень затрудняет изучение планировки каждого из периодов. Наиболее сложная картина многочисленных перестроек открылась в центральной части площадки.

Замеры глубин проводились от нулевого репера, находившегося в наивысшей точке тепе, в южной его части.

В результате раскопок стратиграфия памятника и история здания вырисовываются следующим образом.

I период. Сооружения этого периода выявлены на разных участках тепе и, несмотря на плохую сохранность, весьма полно характеризуют первоначальное здание.

Раскопками установлено, что в его основе лежит глинобитный цоколь четырехметровой высоты. Часть его была открыта в стратиграфическом шурфе на восточном склоне холма в 1960 г. Массивные внешние стены здания были из нарезной пахсы и глинобитные. Первая, обнаруженная в 1958 г. в южной части тепе, имела направление восток—запад. Вторая открыта на восточном склоне холма и была вытянута с севера на юг. Эти стены ограничивали здание прямоугольных очертаний. Сооружения, открытые в западном углу тепе, имеют хаотический характер, что не дает возможности выявить какие-либо закономерности планировки здания на этом участке. Здесь удалось выявить отдельные группы комнат, связанных между собой дверными проемами. Установить связь между этими группами не представляется возможным. Комнаты удлиненной или почти квадратной формы и имеют площадь от 10 до 20 кв. м.

В двух комнатах открыты очаги подковообразной формы. В одной из комнат очаг был вмонтирован в суфу, в другой находился около стены. Почти в каждой из комнат были глубокие хозяйственные или мусорные ямы. Одна из комнат (самая большая из всех открытых) являлась кладовой. В ней, помимо ям, прорезавших пол, обнаружены два больших сосуда, врытые в пол и использовавшиеся для хранения продовольственных запасов.

Сооружения, открытые в северо-восточной части тепе, несмотря на сильную разрушенность, все же дают возможность высказать некоторые суждения о планировке здания. Можно предположить, что в ее основе лежит деление здания параллельными стенами на большие массивы, заключающие группы помещений. Лучше всего это выявлено в северном углу тепе, где открыт один такой массив, состоявший из восьми комнат. Причем удлиненные в плане помещения чередуются с попарно расположенными квадратными. Площадь каждого из квадратных помещений составляет $\frac{1}{2}$ площади комнаты удлиненных пропорций. В восточной части тепе обнаружены три параллельные стены, сложенные из сырцовых кирпичей цепной кладкой и имеющие направление север — юг. Две из них примыкают к южной стене только что описанного массива. Видимо, эти стены также ограничивали массивы, располагавшиеся вдоль восточного края здания. Один из них заключал четыре небольшие комнаты, открытые в 1960 и 1961 гг. Комната, открытая в 1960 г., имела около восточной и западной стены высокие суфы из сырцовых кирпичей. В трех небольших комнатах, раскопанных в 1961 г. и примыкавших с севера к помещению № 10, также имелись суфы. В двух комнатах были очаги подковообразной формы.

В одной из комнат рядом с очагом находилось небольшое углубление, в которое, видимо, ставили сосуды с округлым дном. В центральной части тепе постройке первоначального периода оказались разрушенными ямами следующего II периода. От стен сохранились лишь небольшие обрывки, по которым невозможно судить о планировке здания на этом участке. Лишь местами удалось выявить полы этого периода. Их абсолютные отметки 3,60—3,78 м. На полу на участке помещения № 7 обнаружены крупные куски обгоревшего дерева, очевидно, остатки рухнувшей кровли. У северной стены открыт очаг прямоугольной формы. Около него лежали два раздавленных лепных сосуда с сильно закопченной поверхностью. В одном из них были зерна пшеницы. Помимо этих двух горшков в помещениях I периода найдены большое количество поливной и неполивной керамики, предметы украшения, изделия из железа и бронзы.

Сохранность стен здания первоначального периода различна. Лучшие всего они сохранились в северном углу комнаты; высота их до 1,5 м. На остальных же участках она колеблется от 40 до 70 см, в редких случаях достигает 1 м.

Комнаты были заполнены строительным мусором, состоявшим из рыхлой золистой супеси и обломков кирпичей. Глинобитные полы, как правило, перекрывала золистая супесь. В некоторых комнатах на полу открыт древесный или камышовый тлен, представлявший собой, несомненно, остатки рухнувшей кровли.

II период. Слой, относившиеся к этому периоду, открыты в восточной и центральной частях тепе. Здесь после того, как были разобраны стены II и III горизонтов, под глинобитными полами на всей исследуемой площади был открыт аморфный завал, состоящий из рыхлой золистой супеси. В этом слое найдено много керамики, костей животных и большое количество древесных углей. Особенно большое скопление их находилось в центральной части раскопа, где находились большие куски обуглившегося дерева. Бревна и доски, лежавшие в завале, перекрывали одну из ям. Толщина зольного слоя достигала на отдельных участках 45—65 см.

В слое помимо керамики найдены изделия из железа (проушной топор, наконечники стрел, ножи), из бронзы (бляшки, фрагмент браслета), предметы украшения. В помещении № 3 на уровне ям найдены три китайские бронзовые монеты. По определению Н. Ивочкиной, чекан монет принадлежит династии Южная Сун периода Цянь-дао (?) 1165—1173 гг. (легенда монет Цянь-дао Юань-бао).

Слой перекрывал плотную глинобитную поверхность, открытую на глубине 3,28—3,40 м. Она прорезана мусорными и хозяйственными ямами различного размера и формы. На площади около 400 кв. м открыто 49 ям. Наибольшая их концентрация в южной и юго-восточной части исследуемого участка. Большая часть ям была грушевидной формы, но есть также ямы в форме трубки. Диаметры устья колеблются от 90 до 110 см. Ямы заполнены рыхлой супесью; в них найдено большое количество костей животных, керамики, в том числе и целые сосуды, как поливные, так и неполивные. В одной из ям (№ 27) найдена бронзовая монета, принадлежавшая, по мнению Е. А. Давидович, караханидскому чекану последней четверти XII в.

Большая насыщенность слоя ямами дает возможность предположить, что этот участок здания во II период его жизни был занят обширным хозяйственным двором.

Другие сооружения, относившиеся к этому периоду, на тепе не обнаружены.

III период. Сооружения этого периода открыты вдоль восточного края тепе, а также в северной его части. Абсолютные отметки полов помещений этого горизонта 2,5—2,8 м. Помещения удлиненные, прямоугольные в плане, площадь каждого из них не превышала 16—17 кв.м, но были комнаты площадью до 6—8 кв. м. Их стены сложены из длиномерных сырцовых кирпичей цепной кладкой. Полы глинобитные; в некоторых помещениях они дополнительно выложены хорошо окатанной крупной речной галькой.

Жилой и хозяйственный характер помещений подчеркивается наличием в них очагов, хозяйственных и мусорных ям.

Помещения этого периода выявлены небольшими группами на разных участках площадки. Сохранность их не очень хорошая. Оба эти обстоятельства делают затруднительным суждения о планировке здания этого периода. Единое направление стен в помещениях III периода дает возможность предположить одновременность возведения построек. Направление стен сооружений III периода совпадает также с направлением стен I периода. Очевидно, это обусловлено тем, что при возведении их использовались стены первоначального периода.

В III период проведена существенная перестройка и перепланировка здания. Площадь здания увеличилась за счет пристройки к внешним стенам первоначального периода ряда новых помещений. Примером этих перестроек является одна из комнат, открытая нами на восточном склоне тепе в 1959 г. Она была пристроена к внешней (восточной) стене здания, когда ее глинобитный массив был облицован сырцовыми кирпичами.

В основе планировки здания III периода, так же как и в I период, лежит деление его параллельными стенами на отдельные массивы, заключавшие группы комнат. Три таких массива-комплекса, разделенные параллельными стенами, открыты в юго-восточной части тепе. Три небольшие узкие комнаты, открытые в северо-западной части тепе, также ограничены двумя длинными параллельными стенами, вытянутыми с северо-запада на юго-восток. В комнатах открыты очаги различных типов — подковообразные, круглые, прямоугольные. Никаких иных следов убранства в помещениях не обнаружено. Для характеристики интерьера, пожалуй, наибольший интерес представляет одна комната, открытая в 1962 г. (помещение № 8). Это — небольшая комната прямоугольного очертания. Она имела в южном углу высокий квадратный в плане заком, сооруженный из кирпичей, поставленных на ребро; снаружи он покрыт толстым слоем саманной обмазки. Заком предназначался для хранения продовольственных запасов. Но впоследствии использовался как место для свалки. Он был заполнен рыхлой землей, в которой найдены обломки керамики, в том числе фрагменты двух котлов, кости животных. В северном углу комнаты находился подковообразный очаг. Фасадные стенки его украшены штампованным орнаментом. Перед топчым отверстием очага нахо-

дится небольшое прямоугольное в плане углубление, заполненное золой. Оно ограждено обожженными плитами, поставленными на ребро.

Сооружения этого горизонта хорошо датируются керамикой, предметами украшения конца XII в. Эту дату подтверждает монета, чеканенная в Узгене от имени Ибрагима Арслана.

IV период. Сооружения этого периода открыты на небольшой площади в северо-восточной части тепе. Их составляют семь комнат раскопа 1960 г. и примыкающие к ним с севера четыре комнаты, открытые в 1962 г. Абсолютные отметки полов этих комнат 2,05—2,40 м. Полы во всех комнатах глинобитные. Но в одной (№ 9) он покрыт толстым слоем алебастра⁶.

Стены помещений сложены из длинномерных сырцовых кирпичей цепной кладкой. Они возведены на фундаментах из крупной, хорошо окатанной речной гальки. Из-за незначительности вскрытой площади очень трудно судить о характере застройки. Можно предположить, что открытые сооружения представляют собой единый комплекс, состоящий из хозяйственных и жилых комнат. В помещениях открыты очаги подковообразной формы, тандыры, хозяйственные и мусорные ямы. В центре одного из помещений находилось небольшое квадратное в плане сооружение из кирпичей и использовавшееся, очевидно, для хранения продуктов. К нему примыкала небольшая глинобитная площадка. На ней и в оградке найдены раздавленные сосуды (котлы I и II типов, кувшины).

Для изучения стратиграфии и характера застройки очень интересно помещение № 7. Оно примыкает с юга к комплексу I периода, открытому в северном углу тепе. В первоначальном своем виде оно синхронно помещениям этого комплекса и помещению № 8, с которым имеет общую (восточную) стену из длинномерных сырцовых кирпичей. Северная стена, возведенная в I период жизни здания, продолжала функционировать в III и IV периоды. К восточной же стене, сооружение которой относится к III периоду, в целях ремонта была пристроена дополнительная стена шириной в 48 см. Между ней и первоначальной стеной — широкий шов, толщина которого равна 7 см. Он заполнен рыхлой коричневой супесью. Стена возведена на рыхлом завале, образовавшемся в результате разрушения построек предшествующего периода. Она прослежена до глубины 2,40 м. На этом уровне обнаружен первоначальный пол помещений IV периода. На пол неоднократно делались подсыпки. В результате самый поздний пол в комнате имеет абсолютную отметку 2,15 м. На нем около южной стены был сооружен подковообразный очаг с прямоугольной оградкой из керамических плит около топки. Фасадные стенки очага украшены штампованным орнаментом в виде заштрихованных кругов.

Сооружения этого периода датируются находками керамики XII в.

V период. Сооружения этого периода открыты раскопками 1960 и 1962 гг. в северном углу тепе. Они представлены только каменными фундаментами, лежащими на плотной глинистой массе, перекрывавшей степы помещений IV периода. Абсолютная отметка этой поверхности 1,30—1,40 м в южной части участка и 1,8 м — в северо-западной. Камни лежали правильными рядами в направлении север—юг и восток—запад⁷.

К этому периоду относятся две ямы. Одна из них цилиндрической формы, находилась в помещении № 7. В ней найдены фрагменты корчаги,

сделанной на гончарном круге. Вторая яма прорезала стену помещения № 1. Она имеет грушевидную форму. В заполнении ямы найден железный наконечник стрелы, обломки гончарной посуды и небольшой лепной сосудик.

Камни перекрывал слой золистой супеси, толщина которого колеблется от 30 до 50 см. Он содержал большое количество керамики и костей животных. Керамика, как поливная, так и неполивная, хорошо датирует этот период XII в. Эта дата подтверждается находками монет, чеканенных в Узгене в 1173—1175 гг. от имени Ибрагима Арслана.

Подводя итоги описанию стратиграфии, можно отметить, что все материалы, обнаруженные при раскопках в Карабулаке, хорошо расчленяются стратиграфически и в то же время материалы всех периодов имеют большое сходство. Оно прослеживается в идентичности строительных материалов и приемов строительной техники, тождестве форм посуды и ее ориентации. Все это свидетельствует о небольшом хронологическом разрыве между периодами, что хорошо подтверждается и монетными находками. Они все были выпущены в оборот в сравнительно короткий срок — конец третьей и четвертая четверти двенадцатого столетия.

Пока еще неясны причины столь частых перестроек. Следов стихийных бедствий в сооружениях последних и первого периодов зданий не обнаружено. Сооружению же построек III периода предшествовал грандиозный пожар. Мощные золистые слои и следы сильно прокаленной глины обнаружены на всех исследованных участках. Именно этот слой дал большую часть находок.

Строительная техника

Из-за плохой сохранности сооружений эта проблема не может быть освещена с должной полнотой. Поэтому остановимся лишь на некоторых ее аспектах.

Строительные материалы. На протяжении тысячелетий в Средней Азии основным строительным материалом был сырцовый кирпич различной формы и различных размеров. В Фергане с первых веков I тысячелетия н. э. используется длинномерный прямоугольный кирпич, соотношение длины и ширины которого находится в пропорции 1 : 2; размеры его 50×25×10 см (или близкие). Иногда же используются кирпичи, размер которых характерен для первых веков н. э. Они отмечены в кладках стен Ак-тепе⁸, Калаи-Боло⁹, в замке Карабулака¹⁰. С середины I тысячелетия в строительстве широко применяется битая глина, уложенная горизонтальными пластами и разделенная вертикальными полосами на блоки различных размеров (70×70 см, 60×50 см, 70×50 см и т. д.). Чаще всего ряды пахсы чередуются с рядами кирпичной кладки.

В XI—XII вв. сохраняются пропорции раннесредневекового кирпича. Но размер кирпичей уменьшается. В Карабулаке стены сложены из кирпичей размером 40×20×10 см; 38×19×10 см, 37×18,5×10 см; кирпичи такого же размера обнаружены при раскопках в Ана-Кызыле, близ Узгена.

В горных районах в строительстве широко применялся камень¹¹. В Ана-Кызыле кирпичная кладка чередуется с кладкой из камней. В Карабулаке же камни укладывались только в основания стен.

Находки жженого кирпича в соседнем Исфаринском районе отмечены дважды — в замке Калаи-Боло и в поселении на окраине с. Наугилем.

В Карабулаке обнаружены лишь отдельные его обломки, использованные при обкладке очагов.

Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский предполагают, что в постройках Исфаринского района жженный кирпич используется только для облицовок¹². Подобное использование жженого кирпича в средневековых постройках отмечает В. Л. Воронина¹³.

Приемы кладки. При возведении стен применялись следующие типы кладок:

а) кладка цепная, при которой чередуются ряды кирпичей, положенных тычком и ложком;

б) комбинированная кладка, представляющая собой чередование слоев пахсы и кирпичей. Этот тип кладки включает несколько вариантов, отмеченных на памятниках разных хронологических этапов: 1) сырец кладется без разрывов; 2) сырец кладется с интервалами в строчку; 3) шахматная кладка, получающаяся в результате расположения одних тычковых рядов с большими интервалами. К этому типу следует отнести широко распространенный прием кладки с использованием крупных нарезных пахсовых блоков прямоугольных или ромбических очертаний. Блоки, как правило, чередуются с кирпичной кладкой, которая составляет верхние ряды стен или же расслаивает ряды пахсы. Этот прием отмечен на многих памятниках как раннесредневекового, так и более позднего периода (Пенджикент, Ак-Бешимские храмы, Карабулакский замок, замки в Шахристане и другие памятники VI—VIII вв.); в Калаи-Боло эта кладка отмечена в сооружениях всех этапов; в здании XII в. Карабулака открыта только одна стена из нарезной пахсы.

Строительная техника Средней Азии отличается большой традиционностью; это проявляется в использовании одних и тех же строительных приемов и строительного материала в течение продолжительного времени. Но все же каждый отдельный период вносит что-то новое. К числу таких «новшеств», появившихся в X—XII вв., следует отнести кладку кирпичей на ребро. В. Л. Воронина считает ее антисейсмическим приемом в строительстве¹⁴. В самом деле, она отмечена на памятниках, расположенных в районах с высокой сейсмичностью. Кладка кирпичей на ребро применялась строителями в Карабулаке, Мунчак-тепе. Она отмечена на городище Ничке в Кетмень-тюбинской котловине. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский отмечают использование этого приема кладки в Исфаринском районе в VI—VIII вв.¹⁵ Строителям были известны и другие антисейсмические приемы. К числу их следует отнести камышовые подушки и прослойки в стенах¹⁶. В Карабулаке тлея камыша был обнаружен на всех обследованных участках под стенами. Б. Н. Засыпкин считает, что кладку нижних рядов стен из крупной речной гальки также можно считать антисейсмическим приемом¹⁷. Может быть, с антисейсмическими приемами можно связывать и самые конструкции стен. В Карабулаке продольные и поперечные стены не имеют перевязки, а сооружены впритык. Между кирпичами нет прочного сцепления. Они положены на очень рых-

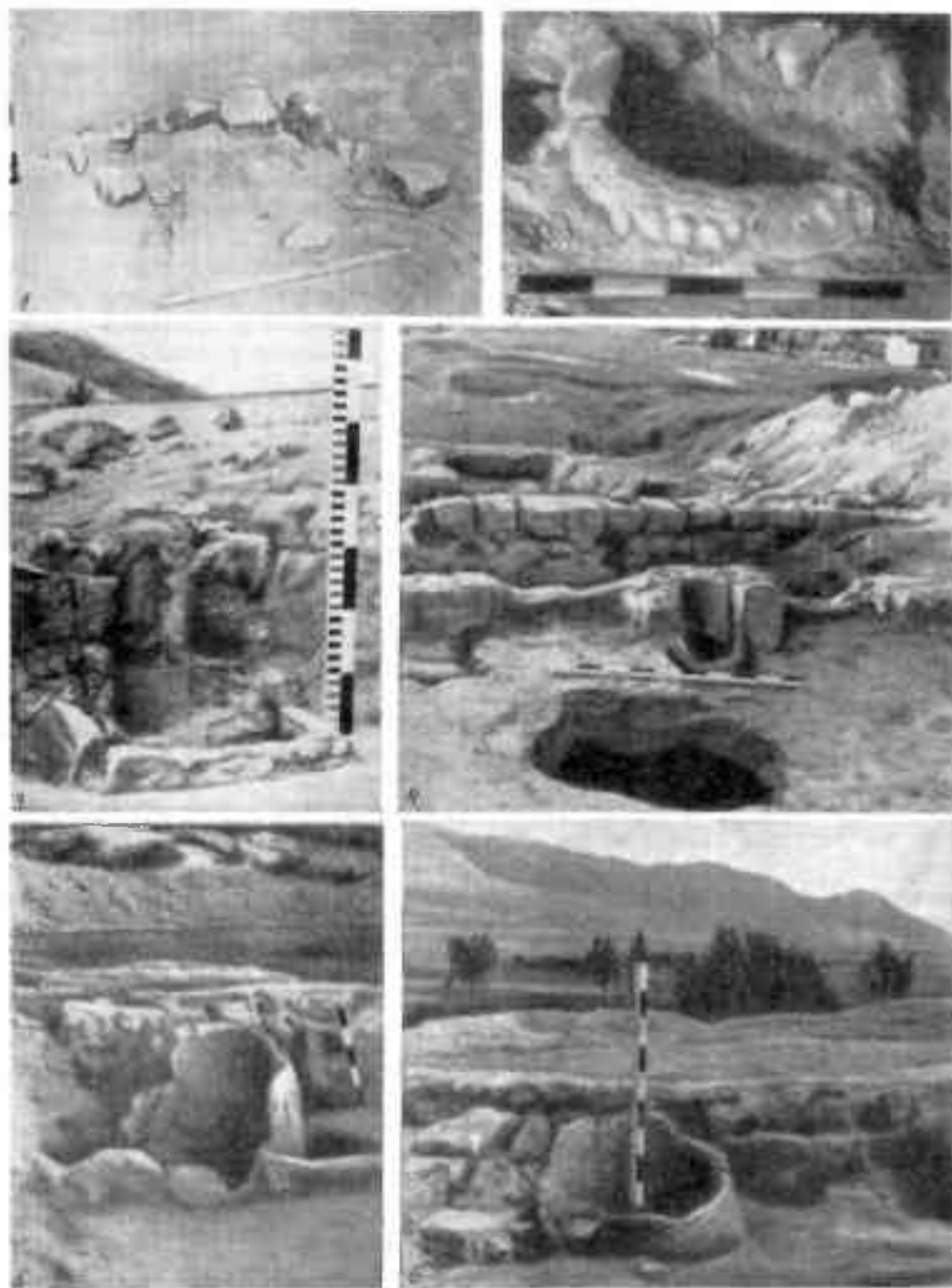

Рис. 24. Очаги

1 — I тип; 2 — II тип; 3—4 — III тип; 4—5 — тандыры

мый глинистый раствор или вообще без него; аналогичную картину отмечает В. Л. Воронина на Мунчак-тепе¹⁸.

Очаги. В помещениях всех периодов обнаружены очаги. Они различны по устройству, что дает нам возможность выделить четыре их типа.

I тип. Очаги прямоугольные в плане; пол и стенки их выложены обожженными плитами. Размер одного из очагов 60×65 см; стенки его сохранились в высоту на 5—7 см. Очаги этого типа помимо Карабулака выявлены в слое XI—XII вв. на городище Шурабашат¹⁹ и в Шахристане²⁰ (рис. 24, 1).

II тип. Круглые или овальные в плане очаги, несколько углубленные в пол и окруженные невысоким валиком из глины. Валик и поверхность пола вокруг очага обычно сильно прокалены (рис. 24, 2). Помимо Карабулака подобные очаги обнаружены при раскопках замка Калай-Боло, где они имеют вид округлого в плане углубления, окруженного валиком. Дно и стенки тщательно обмазаны²¹. Один из очагов прикрыт крышкой. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский полагают, что очаги этого типа использовались для обогрева помещений. Пищу в них не готовили. Они также обращают внимание на сходство этих очагов с очагами горных районов Таджикистана, где очаги этого типа называются «нахлак». В них пищу не готовят, только пекут лепешки, а в основном они используются для обогрева помещений²².

III тип составляют подковообразные очаги с сильно развитыми лицевыми сторонами, сделанных из грубой огнеупорной глины. Лицевые стороны и внутренняя поверхность очагов украшались прочерченным, резным и штампованным орнаментом (рис. 24, 3, 4). Прямоугольная плитка, найденная в помещении III периода и являвшаяся фасадной стенкой очага, сплошь покрыта штампованным орнаментом.

Параллельные поперечные линии разбивают поверхность плиты на ряд орнаментальных поясов, которые заключают concentрические круги, один из которых заполнен сеткой, в другие вписаны прямоугольники. Последние рассечены по диагонали парно расположенными параллельными линиями. При раскопках помещений всех строительных горизонтов найдены фрагменты и целые очаги этого типа. Один из них, сохранившийся полностью, находился у стены и был вмонтирован в суфу. Перед топочным отверстием — небольшое углубление, полукруглое в плане. Лицевые стороны украшены орнаментом в виде треугольников. Два очага были вмонтированы в стены комнат. Два других очага этого типа находились посередине помещений и также имели углубления перед топочным отверстием. Пол одного из них составляла алебастровая плита, являвшаяся, очевидно, фрагментом столика. Очень интересен очаг, обнаруженный в углу одного из помещений третьего периода. Лицевые стороны его сильно развиты и украшены штампованным орнаментом в виде линий и точек. Перед топкой находилось прямоугольное в плане углубление, огражденное обожженными плитками, поставленными на ребро. Очаг аналогичной конструкции обнаружен в одном из помещений четвертого периода.

Очаги этого типа служили для приготовления пищи и используются земледельческим населением Средней Азии до настоящего времени. В древности они имели обширный ареал.

Подковообразные очаги найдены при раскопках на Афрасиабе²³, в Ахангеране²⁴, в районе Ташкента, в средневековом слое городища Мунчак-тепе близ Беговата, в Южном Таджикистане в районе кишлака Рохаты²⁵. В Ферганской долине фрагменты очагов этого типа найдены на поселении Белес-Маазар (Ляйлякский район Ошской области)²⁶.

IV тип. Для обогрева помещений применялись переносные очаги, в качестве которых использовались толстостенные глиняные жаровни. Использование жаровен в качестве переносных очагов отметил Н. Н. Негматов при раскопках в Шахристане²⁷. Он же указывал, что подобные очаги бытуют у таджиков Матчи и в настоящее время.

В 1960 г. в двух помещениях обнаружены печи-тандыры. Подобные печи используются и сейчас населением Средней Азии для выпечки лепешек. Один из тандыров расположен у торцовой стены помещения и отгорожен кирпичами, положенными в один ряд, второй был в углу. Оба тандыра заглублены в пол на 10—15 см. Сделаны они из очень грубой огнеупорной глины с примесью мелкой гальки. Тандыры сохранились в высоту до 1 м; диаметр их 70—80 см. Внутренняя их поверхность сплошь покрыта пересекающимися зигзагообразными широкими и глубокими бороздками (рис. 24, 5, 6). Оба тандыра стоят вертикально. Топки не обнаружены. Очевидно, топливо в них клалось сверху. Тандыры подобной формы открыты в афригидских усадьбах Беркут-Калинского оазиса Е. Е. Неразик, отметившей их сходство с туркменскими тапдырами, также установившимися вертикально²⁸.

¹ Г. А. Брыкина. Раскопки замка в Карабулаке. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 116—122.

² Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 105—106; Г. А. Брыкина. Раскопки Карабулакского городища в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 116—124; она же. Раскопки на городищах Карабулак и Майда-тепе в 1965 г. «АО 1965 года». М., 1966, стр. 185—187; она же. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв. н. э. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 92—95.

³ Использование горизонтальных деревянных выкладов для укрепления наиболее ответственных участков крепостных стен Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский отмечают как наиболее типичный прием крепостного строительства Исфары. См.: Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 174.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-

Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 253—262; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960, стр. 244—246.

⁵ И. Азраров. К исторической топографии Ахсыкета. Сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Д., 1970, стр. 20—22.

⁶ Побелка полов алебастром была отмечена Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским при раскопках замка Калаи-Боло («Археологический очерк Исфаринского района», стр. 94).

⁷ Камни, лежащие правильными рядами, обнаружены также в западном углу теши и юго-восточной части его, где они перекрывают сооружения I и III периодов. Период, к которому относится сооружение этих фундаментов, неясен.

⁸ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники. . . , стр. 95, 98.

⁹ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 118.

¹⁰ Г. А. Брыкина. Раскопки замка в Карабулаке, стр. 118.

- ¹¹ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследие», 1953, № 3, стр. 18.
- ¹² Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 190.
- ¹³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника. . . , стр. 14.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 171.
- ¹⁶ Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949.
- ¹⁷ Б. Н. Засылкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948.
- ¹⁸ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника. . . , стр. 14.
- ¹⁹ Ю. А. Заднепровский. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. «Труды Института истории АН Кирг. ССР», т. V. Фрунзе, 1959, стр. 158.
- ²⁰ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. Сб.: Археологические работы в Таджикистане в 1956 г., вып. IV. Сталинабад, 1959, стр. 120.
- ²¹ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 76.
- ²² Там же.
- ²³ В. Л. Ваткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926, стр. 53.
- ²⁴ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 58, рис. 33.
- ²⁵ В. Ф. Гайдукевич. Работа Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 107; Е. Д. Салтовская. Археологические памятники близ кишлака Рохаты. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.» Сталинабад, 1956, стр. 102—105.
- ²⁶ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 22, 165.
- ²⁷ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.» Душанбе, 1959, стр. 120.
- ²⁸ Е. В. Неравик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 75.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАХОДОК

КЕРАМИКА

Основную массу находок составляет керамика. Она, за небольшим исключением, ремесленного производства. Всю посуду, изготовленную на гончарном круге, характеризует большая стандартность. Она выражается в единообразии форм, пропорций, орнаментации.

Вся керамика делится на два больших отдела. I отдел — неполивная посуда. Он включает гончарную керамику ремесленного производства и лепную, домашнего изготовления. II отдел составляет поливная посуда.

Внутри каждого из отделов по назначению сосудов выделяются категории. Характеристика материала дается по категориям, внутри которых по форме сосудов выделяются типы, делящиеся в свою очередь на варианты.

В неполивной керамике выделяются хумы, кувшины, горшки, котлы, корчаги, миски, крышки, фляги, сферокопусы, маслобойки, цедилки, сосуды-водолеи (мургоби).

Поливные изделия составляют тарелки, блюда, чаши, светильники, сосуды высоких форм (кувшины, горшочки, кружки).

Количественное изменение керамики по горизонтам отражает приводимая ниже таблица. Из этой таблицы следует, что лепная керамика составляет менее одного процента от всей найденной в Карабулаке посуды. Сравнение поливной и неполивной посуды показывает, что обе группы керамики представлены почти одинаковым количеством находок. В неполивной посуде на протяжении всех периодов количественно преобладают кувшины. На втором месте по численности находок стоят горшки, на третьем — котлы. Хумы же, столь многочисленные на памятниках раннего средневековья, в Карабулаке представлены единичными находками.

Неполивная керамика

Гончарные сосуды

Хумы. Эта категория представлена двумя целыми сосудами и обломками венчиков и стенок. Судя по находкам, карабулакские хумы имели профилированные, сильно отогнутые венчики различных очертаний (прямо-

угольные, овальные, подтреугольные). Один целый хум, найденный в помещении первого периода жизни здания, был вкопан в пол. Он имеет сильно отогнутый подпрямоугольный в сечении венчик с волнистым валиком в нижней части, невысокое горло, резко переходящее в широкое яйцевидной формы тулово. В верхней части (на плечиках) хум украшен штампованным орнаментом в виде кружков и крестов (рис. 25, 2). Второй хум найден в 300 м к югу от тепе при прокладке дороги. Он также имеет сильно отогнутый венчик, нижняя часть которого оформлена волнистым валиком. Хум стоял на небольшом трехногом керамическом столике (рис. 25, 1).

Карабулакские хумы сходны с сосудами этой категории из синхронных поселений и городищ Ферганы, Согда, Уструшаны.

Кувшины. Все кувшины, найденные при раскопках в Карабулаке, изготовлены из хорошо отмученной глины и характеризуются тщательностью формовки и отделки внешней поверхности. По форме тулова и горла кувшины могут быть разделены на два типа.

I тип составляют узкогорлые кувшины с широким грушевидным туловом, верхняя часть которого украшена прочерченным орнаментом. Высокое горло, как правило, завершается подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней площадкой. Ленточные ручки овального сечения, иногда рассеченные одной или двумя бороздками, прикрепляются одним концом к верхней части горла, другим — к наиболее широкой части тулова. Размеры кувшинов различны, так же как различны соотношения размеров каждого отдельного сосуда. Чаще всего высота горла составляет $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ общей высоты сосуда, а наибольший диаметр тулова в два или три раза больше диаметра дна, причем наиболее широкая часть сосуда находится на середине высоты сосуда. Но ряд сосудов отстает от этого правила, что свидетельствует о некоторых вариациях форм сосудов этого типа при общей стандартной линии их развития.

Остановимся на описании некоторых сосудов.

Большой кувшин (высота около 55 см) изготовлен из плотной глины, обжиг его желто-серый, поверхность покрыта плотным серым ангобом. Горло и верхняя часть тулова украшены прочерченным линейно-волнистым орнаментом, выполненным пятизубчатой гребенкой до покрытия сосуда ангобом и состоящим из нескольких поясов: в верхней части горла — прямые линии, под ними — два пояса из волнистых линий, отделенных друг от друга группами параллельных прямых линий. Верхнюю часть тулова украшает орнамент из четырех поясов, разделенных горизонтальными параллельными линиями. Первый (верхний) пояс составляют вертикальные группы параллельных линий (в каждой группе по пять); второй — волнистые линии, третий — аналогичен первому, а четвертый — второму поясу (рис. 26, 3).

Два больших кувшина из помещения III периода имели желто-красный обжиг. Их грушевидные тулова имели наиболее широкую часть вверху. Переход от горла к тулову был резким. Один кувшин украшен прочерченным орнаментом, аналогичным только что описанному выше, а другой — резным, наклонно расположенные овалы которого имитируют, очевидно, листья или же лепестки (рис. 26, 5, 27, 6).

Кувшин, найденный в помещении IV периода, отличается от остальных

Рис. 25. Хумы (1, 2)

пропорциями. Он имеет несколько удлиненное тулово, диаметр которого равен примерно полутора диаметрам дна. Сосуд украшен орнаментом, состоящим из двух поясов, разграниченных полосами из прямых прочерченных линий. Верхний пояс заключает полосу из волнистых линий. В нижнем поясе вертикальные параллельные прямые линии расположены вертикально. Вдоль нижней границы орнаментального пояса расположена полоса из параллельных волнистых линий (рис. 27, 4).

II тип составляет широкогорлые кувшины. Они небольших размеров, изготовлены из хорошо отмученной глины и имеют серый обжиг. Парадное назначение кувшинов подчеркивает богатая орнаментация горла и тулова сосудов. По форме тулова выделяются три варианта кувшинов.

Вариант 1 представлен кувшинами с широким цилиндрическим или слегка расширяющимся кверху горлом, резко переходящим в широкое шаровидное тулово, слегка и равномерно сплюсненное сверху и снизу. Поддон дисковидный или дисковидный с кольцевым вырезом. Ленточная ручка прикрепляется одним концом к верхней части горла, другим — к наиболее расширенной части тулова. Орнамент — штампованный, резной (по подсушенной глине) и налепной — иногда сплошь покрывает всю поверхность сосуда, но чаще всего отдельные его части. Для орнамента характерно деление его на отдельные горизонтальные пояса, разделяющиеся парными глубокими бороздками. Тулово одного из сосудов украшают два орнаментальных пояса. Один из них составляет чередующиеся concentрические круги и вертикальные волнистые линии; второй пояс заключает чередующиеся concentрические двойные круги и группы прямых вертикальных линий (по четыре в каждой группе) (рис. 28, 12). Верхняя часть тулова другого кувшина украшена concentрическими кругами с реснич-

Рис. 26. Кушанцы, I тип (1—6)

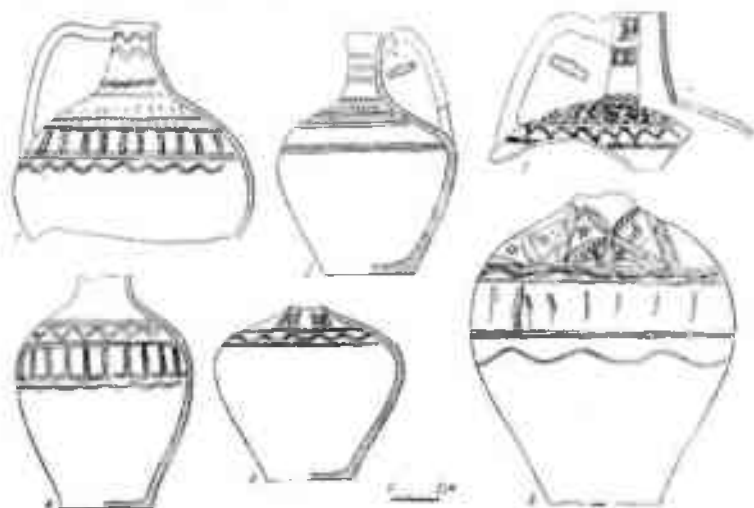

Рис. 27. Кушанцы I тип (1—6)

Рис. 28. Кувшины II тип (1—15)

ками и парными крестообразными вытянутыми фигурами. Нижний пояс составляют треугольники, образованные глубокими вырезанными, наклонно расположенными бороздками. Внутри этих треугольников расположены треугольные фигуры из сочетания линий и маленьких треугольников, выполненных штампом (рис. 28, 8).

Оба орнаментальных пояса, украшающие третий сосуд, однотипны. Они состоят из сочетания кругов, рассеченных расходящимися от центра радиальными линиями и вытянутых крестообразных фигур (рис. 28, 11). Очень нарядным был сосуд, горло которого покрывает очень сложный резной орнамент из завитков и побегов; свободное пространство между ними заполнено точечным штампованным орнаментом. Точечное заполнение хорошо подчеркивает основной рисунок и делает его выпуклым (рис. 28, 2).

Вариант 2 составлял сосуды с цилиндрическим горлом, резко переходящим в расширяющееся книзу тулово, которое резко суживается, образуя высокую полую внутри ножку. Сосуды украшались штампованным и прочерченным орнаментом (рис. 28, 14).

Вариант 3 включает кувшины, широкое горло которых плавно переходит в грушевидное тулово, наиболее широкая часть его находится на $\frac{1}{3}$ высоты сосуда. Сосуды украшались очень сложным орнаментом, включающим горизонтальные пояса, заполненные вертикальной штриховкой. Орнаментальный пояс, опоясывающий тулово, разделен вертикальными линиями на ряд секций, заключающих прочерченные и заштрихованные овалы и наклепные блешки со штампованным орнаментом (рис. 28, 15).

Небольшие богато украшенные сероглиняные кувшинчики различной формы, имитирующие, очевидно, серебряные сосуды, широко использовались населением Средней Азии в XI—XII вв., и карабулакские кувшины находят аналогии в коллекциях Ферганы, Уструшаны, Согда, Чача. Наиболее широкие аналогии обнаруживают кувшины третьего варианта. Помимо Карабулака, они найдены в Андижане при строительстве медицинского института ¹, а также в Мунчак-тепе ². При большом сходстве формы они отличаются друг от друга деталями орнамента, неизменным компонентом которого являются круглые или овальные наклепные блешки со штампованным орнаментом. Сосуды второго варианта по форме тулова и ножки обнаруживают сходство с кувшинами из Афрасиаба (коллекция Отдела Востока Гос. Эрмитажа; Афр — 1939 — № 1249—180, коллекция Самаркандского Государственного Музея истории и культуры Узб. ССР А-6-89). В Андижане также найдены кувшины формы, сходной с карабулакской, но в отличие от последних они имеют полую ножку усеченно-конической формы ³.

Круг аналогий кувшинам I варианта весьма узок. Сосуды, аналогичные карабулакским, найдены только при раскопках замка Калаи-Боло ⁴. Причем сходство проявляется не только в форме сосуда, но и в некоторых деталях орнамента. Это дает возможность выделить кувшины этого варианта в особую локальную группу, характерную для памятников юго-западных предгорий Ферганы XII в.

Особенностью ферганских кувшинов II типа, в том числе и карабулакских, является способ их изготовления и нанесения орнамента. Они все изготовлены на круге, а штампованный, наклепной и резной орнамент на-

носился уже на готовые изделия. Основная же масса изделий этого типа из Мерва, Афрасиаба формовалась в форме—калыбе.

Прототипом для изготовления кувшинов послужила металлическая посуда. Это подтверждается характером обжига изделий, дающего серый цвет черепку⁶, самой формой сосудов, очень напоминающей тюркские серебряные широкогорлые кувшины, и характером орнамента. Сюжеты орнамента, а также способы его нанесения исследователи также связывают с металлическими прототипами и считают, в частности, что штампованный орнамент является подражанием чеканке по металлу. Налепные круглые, овальные и сердцевидные бляшки, украшенные стилизованным растительным орнаментом, В. И. Козенкова⁶ и Гарден сравнивают с бляшками тюркского поясного набора и конской узды. Распространение сосудов с налепными бляшками в Афганистане (в частности в Бусте и Лашкари-Базар) Гарден объясняет приходом сюда тюркских племен⁷.

Водолеи-мургоби. Все сосуды имеют сильно расширенное в верхней части тулово, где симметрично по отношению друг к другу располагаются цилиндрическое, вертикально стоящее горлышко и носик-слив. Горизонтальная ленточная ручка прикрепляется одним концом к основанию горлышка, другим — к основанию носика. Горлышко имеет расширенное воронкообразное устье. Форма носика различна. Чаще всего он утоньшен к концу, но есть отдельные экземпляры, оформленные в виде сильно стилизованной головки животного, скорее всего быка.

Сосуды этой категории предназначались для переноски воды и имели различные размеры. Большая часть найденных сосудов изготовлена на гончарном круге и имеет желтый или серый обжиг. Поверхность сосудов желтого обжига покрывалась светло-желтым ангобом и украшалась росписью в виде небрежных полос, пятен или сложных завитков и побегов. Сероглиняные сосуды украшались мазками, выполненными черной краской (рис. 29).

Сосуды имели очень удобную для переноски воды форму, что обусловило их обширный ареал в древности. Водолеи найдены на многих памятниках Ферганы (Андижан, Узген, Кува, Чун-тепе и др.). До недавнего времени они изготавливались сельскими мастерами Таджикистана⁸.

Горшки. Эта категория посуды имела различное назначение. Двуручные горшки предназначались для переноски готовой пищи (в них, очевидно, носили пищу в поле). По наблюдениям Е. М. Пещеревой, горшки использовались женщинами для переноски молока и пахтанья⁹. В селении Сари Шухти горшки называют Харман ширбари, что прямо определяет их назначение, горшки для носки молока.

Горшки имеют различную форму, что позволяет выделить два типа.

I тип включает сосуды с широким устьем с сильно отогнутым прямоугольным в сечении венчиком; невысокое горло слегка расширяется книзу и переходит в широкое тулово. Ленточные петлевидные ручки прикрепляются к горлу и верхней части тулова. Поверхность покрывалась светло-желтым или белым ангобом и украшалась прочерченным линейно-волнистым орнаментом. Кроме того, тулово украшалось росписью в виде широких мазков, нанесенных черной и красно-бурой красками.

Размеры основной массы находок одинаковы: диаметр венчика 19—20 см, тулова 20—22 см, дна — 9 см, высота сосуда — 19.5—20 см (рис. 30, 2—7). Но есть отклонения от общего правила: один небольшой горшочек имел высоту 8 см при диаметре дна 4 см, тулова 13 см, венчика 11 см (рис. 30, 1).

На верхней площадке венчика одного большого горшка прочерчена надпись на арабском языке. По предположению А. М. Беленицкого и О. Г. Большакова, смотревших надпись, неграмотный гончар списал надпись со штампа-калыба. Поэтому получилось зеркальное ее изображение. Очевидно, здесь мы имеем имя — Шамседдин. Судя по надписи, горшок был изготовлен не ранее XI в., так как имена с добавлением частицы «дин» появляются только в XI в.

Из Карабулака происходят также небольшие горшочки с подтреугольным в сечении венчиком, высоким горлом, шаровидным туловом, резко суживающимся к маленькому дну, образующему невысокую ножку, и небольшие горшочки с шаровидным туловом, прямостоящим горлом со скругленными краями.

II тип составляют горшки без горла, широкий венчик опоясывает верхнюю часть шаровидного тулова, круглые или овальные в сечении ручки прикрепляются к верхней части тулова. Горшки этого типа имели различные размеры и в связи с этим различное назначение.

Большие толстостенные горшки служили, видимо, для хранения продовольственных запасов. Широкие подпрямоугольные или подтреугольные в сечении венчики часто имели упор для крышки. Нижний внешний край венчика оформлялся зажимами или вдавлениями. Тулово украшалось налепным и штампованным орнаментом. Один экземпляр богато украшен налепным орнаментом в виде круглых бляшек со штампом. Бляшки расположены под венчиком. Под бляшками — вырезанные широкие линии, образующие углы (рис. 31, 2).

Небольшие горшочки с шаровидным туловом, верхнюю часть которого опоясывает подпрямоугольный в сечении венчик, обычно изготавливались из хорошо отмученной тонкой глины и украшались расписным прочерченным и штампованным орнаментом.

Горшки первого типа представлены большим количеством находок как в Карабулаке, так и на других средневековых городищах Ферганы XII в. Для горшков более раннего периода (X—XI вв.), судя по находкам в Ана-Кызыле, характерны более вытянутое тулово и иной формы венчик. Сосуды второго типа не нашли широкого применения в быту. Этим, очевидно, объясняется сравнительная малочисленность их находок.

Крышки. Крышки делятся на три типа:

I тип включает крышки выпуклой конической формы с цилиндрической или грибовидной ручкой. По форме края крышки делятся на два варианта.

Вариант 1 составляют крышки с краем, образующим горизонтальный или слегка отогнутый кверху пояс. Крышки этого варианта богато украшены прочерченным или расписным орнаментом. В некоторых случаях расписной орнамент сочетается с прочерченным (рис. 32, 1, 2). На одной крышке орнамент, выполненный семизубчатой гребенкой, располагается вокруг грибовидной ручки концентрическими кругами, разделенными про-

Рис. 29. Водолеи-мурзоби (1—4)

Рис. 30. Горшки, I тип (1—7)

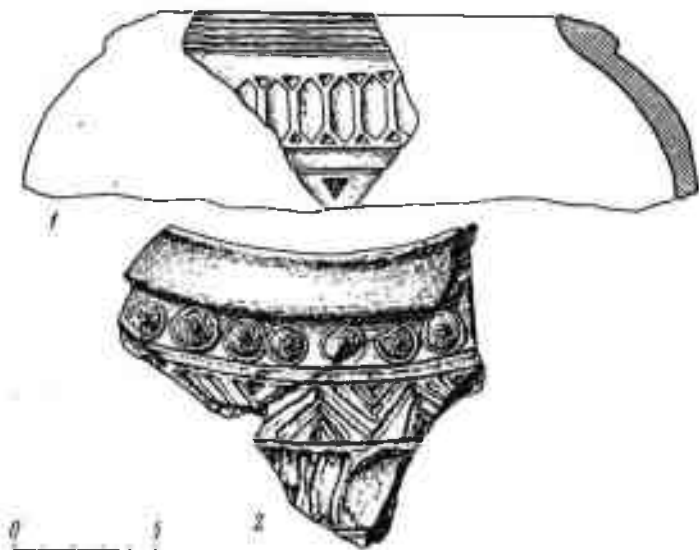

Рис. 31. Горшки, II тип (1—2)

черченными линиями и валиком (рис. 32, 4). Другая крышка украшена росписью в виде широких полос, расходящихся от центра и образующих вихревую розетку. Вдоль бортика идет широкая волнистая полоса с точками. Ручка украшена крестообразной фигурой и точками (рис. 32, 3).

Вариант 2 составляют крышки конической формы без бортика.

II тип включает крышки вогнутой конической формы с утолщенным краем, вдоль которого прочерчена глубокая бороздка, и грибовидной или цилиндрической ручкой (рис. 32, 5—7).

Большая часть крышек имеет очень плавные округлые очертания. Исключение составляют отдельные экземпляры с хорошо выраженной донной частью, резко переходящей в усеченно-конический корпус.

III тип составляют плоские крышки из очень грубой огнеупорной массы диаметром в 20—25 см. Но есть крышки и меньшего размера: их диаметр 10—15 см. Последние снабжены цилиндрическими ручками (рис. 32, 8, 9) Судя по размерам, крышки третьего типа предназначались для закрывания котлов и других кухонных сосудов. Их диаметры совпадают с диаметрами устья котлов.

Среди находок во всех горизонтах преобладают вогнутые крышки. Наименьшим количеством представлены крышки третьего типа.

Крышки описанных форм широко использовались населением обширных территорий Средней Азии в X—XII вв. Но пока из-за слабой изученности стратиграфии и хронологии трудно увязать каждый из типов с определенным узким хронологическим этапом.

Котлы. К этой категории керамических изделий относятся сосуды, связанные с приготовлением пищи. Их назначение обусловило форму сосу-

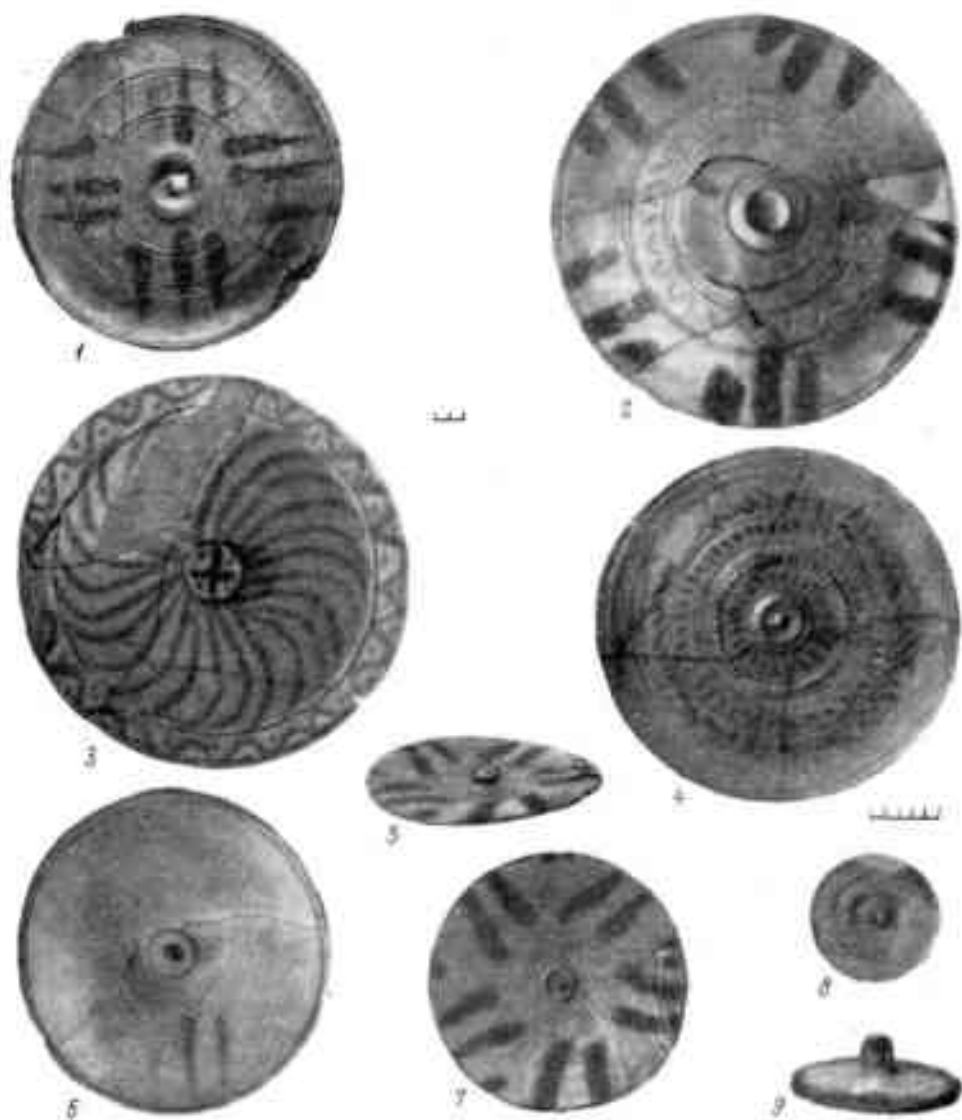

Рис. 32. Крышки (1—9)

дов, а также выбор теста, из которого они сформованы. Анализы керамической массы показали, что ее состав был очень продуман, а свойства каждого из ее компонентов хорошо известны гончарам с глубокой древности.

Кухонная посуда должна отвечать двум требованиям: она должна обладать высокой термостойкостью и не должна реагировать на резкую смену температур. Термические анализы кувинской кухонной посуды показали, что котлы обжигали при температуре 500 градусов¹⁰. Кувинская посуда выдерживала резкие температурные колебания; нагретая до 200—300°, она могла охлаждаться до 19°. Это вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кухонной посуде.

Высокой термостойкости посуды способствовали, во-первых, материал, из которого она была изготовлена, и, во-вторых, форма самих сосудов. Котлы изготавливались из лёсса с большим количеством отощителей, которые предохраняли сосуд при нагревании и резких сменах температур от растрескивания и деформации¹¹. Результаты химических анализов позволили Ф. А. Бурнашевой выделить два типа керамической массы, использовавшейся гончарами двух разных районов, — афрасиабский и кувинский. Первый характеризуется повышенным содержанием окислов алюминия и двуокиси кремния; второй — повышенным содержанием окиси кальция¹²; последняя применялась в качестве отощителя и уменьшала усадку сосудов во время сушки и обжига. Н. И. Ездаков, проводивший анализы самаркандской (афрасиабской) керамики, отмечал, что керамическую массу жаростойкой посуды XII в. составляют дробленый кварц — 40,2%, смесь чупан-атинской сухой глины и пылевидного лёсса — 59,8%¹³.

Количество анализов керамической массы, из которой делалась кухонная посуда, пока незначительно, что затрудняет и выявление локальных особенностей керамической массы и изменения ее во времени. Анализы показали, что кашка-дарьинская керамика по составу близка к афрасиабской. Ахсыкетская и кувинская посуда дает почти одинаковый состав керамической массы¹⁴. Э. В. Сайко отмечает, что для кухонной посуды Хульбука, Магиана свойственна масса с крупнозернистыми отощительными примесями¹⁵. В одной из групп кувинской посуды присутствует в качестве отощителя гипс. На присутствие такого рода примеси в хорезмийской кухонной посуде XII—XIII вв. указывает Н. Н. Вактурская¹⁶. Химические анализы карабулакских котлов не были проведены. Но чисто визуальное их сравнение с кувинской посудой обнаруживает их сходство, что дает возможность судить об идентичности состава керамической массы кувинских и карабулакских котлов. Некоторые экземпляры последних отличаются большим содержанием известковых включений — мелкотолченой ракушки. Среди большого количества котлов, изготовленных из грубого теста, в Карабулаке встречены отдельные экземпляры, сформованные из плотной лёссовой массы с добавлением очень незначительного количества мелкой дресвы. Обжиг светло-желтый. Верхняя часть двух котлов украшена росписью в виде широкой буро-черной полосы с подтеками. Эти котлы отличаются от остальной серии и большой толщиной стенок (она равна 0,8—1 см).

Очень интересные данные получены Э. В. Сайко при исследовании педжикентской посуды. Анализы показали, что в педжикентских котлах грубой выделки в качестве отошителя применялся шамот, в то время как плоскодонные котлы хорошей выделки из верхнего слоя Педжикента отошены дресвой. Изменение отошителя Э. В. Сайко связывает с различным назначением сосудов¹⁷. На афрасиабском материале удалось выявить хронологические различия в составе керамических масс котлов: в керамической массе котлов XII—XIII вв. содержится приблизительно в два раза больше окислов кальция и меньше окислов алюминия, чем в котлах X—XI вв.

Вторым моментом, обуславливающим термостойкость котлов, является их форма. Ф. А. Бурнашева считает, что очертания сосудов «должны быть плавными, закругления должны проводиться большими радиусами, верхняя часть должна утолщаться. Толщина стенок котлов допускается в пределах 4—7 мм, а дна 4—8 мм»¹⁸. Карабулакские котлы, как и кувинские, вполне отвечают этим требованиям. Наименьшая толщина стенок котлов в средней части тулова — 0,4—0,5 см. К венчику и дну стенки утолщаются и достигают толщины 0,7—0,8 см.

К сожалению, на материалах изучаемого памятника мы не можем проследить эволюцию котлов. Раскопки в Карабулаке дали большую серию котлов конца XI—XII в. Исследовавший кувинскую керамику И. Ахраров отмечает большое сходство кухонной посуды X и XI вв. Он выделяет пять типов котлов, использовавшихся населением Кувы в это время: горшковидные, яйцевидные, сферические, шаровидные, сфероидальные. Ведущими и наиболее многочисленными являются котлы горшковидной и шаровидной формы, суживающиеся к горлу. Размеры основной массы кувинских котлов невелики. Они рассчитаны, как полагает И. Ахраров, на приготовление пищи для 3—5 человек¹⁹. Но есть и котлы больших размеров.

В выделении типов и вариантов мы придерживались наиболее общих и устойчивых признаков — форма тулова, при выделении типа, и форма венчика при выделении варианта. Не брались в расчет размеры котлов и пропорциональное соотношение их диаметра и высоты. При выделении вариантов не учитывалась также форма ручки, так как обе их формы отмечены на котлах 1 и 2 вариантов.

Котлы, найденные в Карабулаке, четко делятся по форме тулова на три типа.

I тип составляют котлы с шаровидным туловом, слегка сдавленным сверху и снизу, и слегка уплощенным дном, в центре которого находится тамга.

Котлы этого типа формовались на гончарном круге со специальной подставкой в форме миски. Использование круга с подставкой в виде миски при изготовлении круглодонных котлов имеет длительную традицию и доживает до наших дней. В частности, на использование круга такой конструкции современными гончарами Средней Азии указывает Е. М. Пещерова²⁰. В центре подставки изображалась тамга. Рисунок ее был различен. Чаще всего это был круг, заполненный ломаными линиями

Рис. 33. Котлы, *Тил* (1—4); чайник (5)

ями. На подставке тамга изображалась углубленными бороздами. На изделии поэтому она была выпуклой.

Форма венчика дает возможность выделить два варианта котлов этого типа. Первый вариант составляет котлы с утолщенными венчиками, широким поясом, охватывающим верхнюю часть сосуда. Ширина такого пояса различна (от 2 до 4 см). Нижняя часть венчика часто украшалась защипами или вдавлениями, сделанными по сырой глине.

Самый большой котел найден в верхней части мусорной ямы одного из помещений; он имел широкое тулово, сужающееся к уплощенному дну, в центре которого тамга—круг. Венчик широкой полосой опоясывает верхнюю часть сосуда. Нижняя его часть рассечена широкой поперечной полосой и оформлена овальными вдавлениями. Две дугообразные ручки прикреплены под венчиком и расположены симметрично по отношению друг к другу. Между ручками также под венчиком прикреплены два дугообразных налета с овальными защипами (рис. 33, 3).

Котел, найденный при зачистке пола в одном из помещений III строительного горизонта (пом. № 8 — 1962 г.), имеет шаровидное тулово, сильно сплющенное сверху и снизу. Уплотненный венчик широким поясом охватывает верхнюю часть тулова. Нижняя часть венчика оформлена жгутом и защипами. Две четырехугольные в сечении ручки прикреплены под венчиком. В центре уплощенного дна изображена тэмга в виде круга, в который вписаны три расходящихся из одной точки валика. Изображение напоминает отпечаток куриной лапы (рис. 33, 4; 34, 1).

Остальные котлы этого варианта отличаются друг от друга размерами и пропорциями: одни из них более вытянуты по вертикальной оси, другие более сплющены.

Второй вариант представляют котлы с прямостоящим и прямоугольным в сечении венчиком, внутренний нижний край которого оттянут, образуя упор для крышки. В верхней части шаровидного тулова симметрично по отношению друг к другу располагаются дуговидные ручки. Котлы этого варианта отличаются друг от друга размерами и пропорциями шаровидного тулова (рис. 33, 1; 35, 1).

II тип составляют плоскодонные котлы с прямыми стенками. Прямоугольный в сечении венчик сильно отогнут, а нижний край его часто бывает оформлен волнистым валиком. Вертикально стоящие овальные или прямоугольные в сечении ручки прикрепляются к верхней площадке венчика. Один экземпляр имеет в верхней части (под венчиком) носик-слив. Округло-уплощенное дно свидетельствует о том, что котлы этого типа также формовались на круге с подставкой. Размеры котлов II типа: диаметр 40—50 см, высота стенок 15—18 см. Но есть отдельные экземпляры меньшего диаметра (рис. 35, 4).

III тип составляют котлы горшковидной формы с невысоким (до 3 см) слегка расширяющимся горлом с утоньшенным краем; шаровидное тулово слегка суживается книзу и резко переходит в уплощенное дно. Этот тип представлен двумя сосудами, найденными на полу комнаты I периода. Оба сосуда сильно закопчены. На внутренних стенках одного из них следы сторевшей пищи; под обломками другого найдены обгоревшие зерна мягкой пшеницы²¹. Эти сосуды сходны с горшковидными кувинскими котлами²². Сопоставление карабулакских находок с кувинскими дает возможность предположить, что описанные сосуды являются наиболее ранними из всех найденных в Карабулаке котлов. Однако их сходство с кувинскими котлами X в. — еще недостаточное основание для отнесения их к этому же времени. В Карабулаке котлы найдены в хорошо датированном комплексе XII в. И, очевидно, их нужно рассматривать как раннюю форму, продолжающую бытовать в XII в.

Как видно, котлы представлены тремя типами и несколькими вариантами. Особенно большое разнообразие выявляется в котлах первого типа, где оно выразилось в форме венчика, в размерах и пропорциях тулова, в форме ручек, в наличии или отсутствии налепного орнамента.

Несмотря на четкую стратиграфию, нам не удалось выявить изменение типов котлов по горизонтам.

Из числовой таблицы видно, что среди находок во всех горизонтах количественно преобладают котлы первого варианта I типа, за ними сле-

дуют котлы второго варианта I типа. Находки котлов III типа единичны. Немногочисленны также и котлы II типа.

При сравнении карабулакских котлов с сосудами этой категории из других памятников Ферганы и близлежащих районов Уструшаны обнаруживается их большое сходство. В большей степени это относится к котлам I типа. Они есть среди керамики Мунчак-тепе, Андижана²³, Чун-тепе в Керкидонском оазисе²⁴ и др.

В Согде котлы, аналогичные карабулакским, обнаружены при раскопках на Афрасиабе в комплексе, датированном саманидскими монетами IX—X вв.²⁵

И. Ахраров, занимавшийся кухонной керамикой Кувы и посвятивший ей специальную работу и раздел в диссертации, не дает детального анализа этой категории посуды, не приводит статистических данных и принципов, на основании которых он проводит типологию котлов. На наш взгляд, эта типология имеет весьма условный характер, так как основана на очень фрагментированном материале.

Неубедительны также и реконструкции котлов²⁶. Думаю, что котлы, выделенные И. Ахраровым в 3, 4 и 5 типы, можно было бы объединить в один тип, так как существенных отличий друг от друга эти сосуды не имеют. Нет никаких оснований считать котлы 5 типа плоскодонными. Котлы с шаровидным туловом в настоящее время представлены большими сериями в коллекциях со средневековых памятников Ферганы, Согда, Уструшаны. Во всех случаях они имеют округло-уплощенное дно; большая часть их изготовлена на круге со специальной подставкой в виде миски. Следы ее хорошо видны на сосудах.

Стратиграфические наблюдения позволили Ахрарову сделать вывод, что котлы открытой цилиндроконической формы, с которыми сходны котлы II типа из Карабулака, появляются в XI в.²⁷ Судя по описанию Ахрарова, среди кувинских котлов есть сосуды, имеющие венчики с упором для крышки. Ахраров считает, что они вошли в употребление только в X в.²⁸

Я бы не стала ограничивать время бытования шаровидных котлов X в., как это делает И. Ахраров²⁹. Эти котлы имели более широкий хронологический диапазон, что подтверждается их находками также на памятниках XI—XII вв.

Горшковидные котлы, видимо, являются более ранними в этой группе посуды. Это подтверждается стратиграфическими данными. Прототипы их, видимо, следует искать в раннесредневековой посуде. В частности при раскопках усадьбы Кайрагач обнаружена большая группа котлов именно этого типа. В Карабулаке же котлы этого типа найдены только в нижнем горизонте.

Фляги. Флягами называют сосуды, предназначенные для перевозки воды и уплощенные с одной или с обеих сторон. Эти сосуды являются древней формой. Наиболее ранние среднеазиатские фляги происходят из Хорезма, где они найдены на раннекангюйских памятниках. Большое количество фляг с одним уплощенным боком обнаружено в подбойно-катакомбных захоронениях могильников Ташкентского оазиса³⁰, Нижней и Средней Сырдарьи (Джеты-Асар-3³¹, Шаушукумтобе³²,

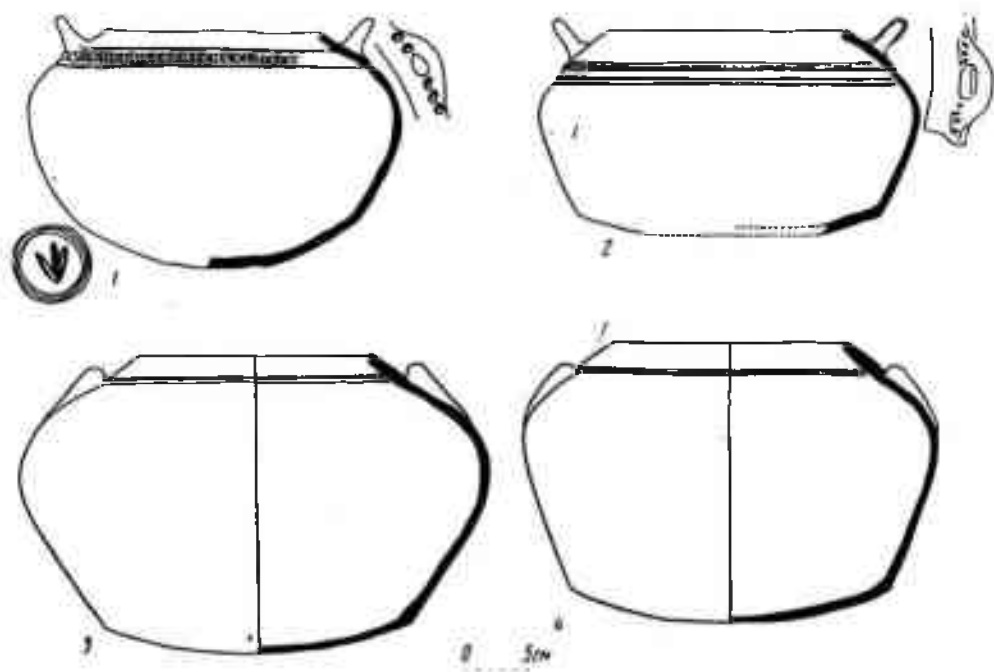

Рис. 34. Котлы, I тип (1—4)

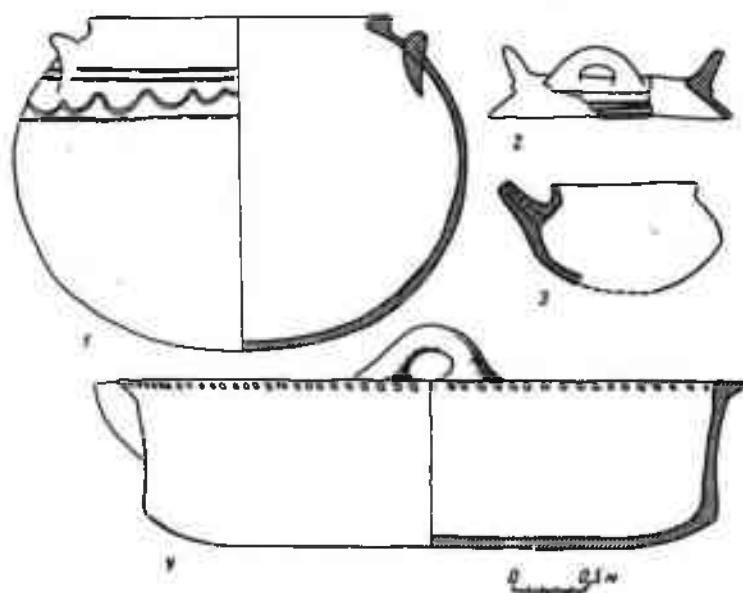

Рис. 35. Котлы, I тип (1); чайник (2); котел, II тип (4)

Рис. 36. Фляга

Рис. 37. Штампованная керамика (1—15)

Юго-западных предгорий Ферганы (Кара-Мойнок, Кайрагач³³, Карабулак³⁴) и др. Большие сосуды с сильно выпуклым одним боком и плоским другим найдены также на поселении Ак-тобе 2³⁵ и при раскопках на усадьбе Кайрагач.

Все перечисленные выше находки происходят с памятников первой половины I тысячелетия н. э. Они имели чисто утилитарное назначение — фляги использовались для перевозки воды. Этим собственно и объясняется их форма: сосуды с плоским боком были удобны при транспортировке. На средневековых памятниках фляги не частая находка. В качестве примера назовем фляги из Пенджикента, Варахши, Пайкенда, Мерва, Хорезма, Мунчак-тепе. Средневековые фляги отличаются от древних формой тулова и техникой формовки. Они имеют круглое уплощенное с боков тулово, узкое горло, по сторонам которого располагаются ручки. Фляги изготавливаются отливкой в форме и состоят из двух половин, каждая из которых формовалась отдельно.

В Карабулаке найдено 29 фрагментов и один целый сосуд этой формы. Целая фляга имеет круглое уплощенное с боков тулово, узкое горло, к которому симметрично по отношению друг к другу прикреплены две ленточные ручки. Тулово украшено очень сложным рельефным орнаментом, расположенным двумя поясами, идущими по кругу. Центр также заполнен орнаментом. Все карабулакские фляги имеют серый обжиг и покрыты светло-серым ангобом (рис. 36, 37).

Средневековые фляги, конечно, ведут свое происхождение от древних сосудов. Но, очевидно, постепенно они утратили свое былое назначение, превратившись в декоративную столовую посуду. Действительно, трудно допустить, чтобы нарядные изящные сосуды использовались как выючные и служили для перевозки воды.

На основании этнографических наблюдений Е. М. Пещерева пришла к выводу о том, что ареал производства фляг совпал с зоной непосредственных контактов кочевого и оседлого населения. Сами кочевники гончарством не занимались. Они покупали удобные для кочевого быта сосуды у оседлых гончаров-земледельцев³⁶. По сведениям информаторов из Гыдждувана и Риштана, которые приводит Е. М. Пещерева в своей работе, гончары Гыдждувана и Ура-тюбе изготавливали фляги для кочевников-арабов и казахов. Гончарам центральной Ферганы эта форма сосудов была неизвестна³⁷.

Археологические находки подтверждают мнение Е. М. Пещеревой. Перечень памятников, в которых найдены фляги, показывает, что все находки их происходят из районов самых тесных контактов земледельцев и кочевников. Именно в этих местах могла выработаться форма сосудов, удобная для перевозки воды, впоследствии, вероятно, утратившая свое первоначальное назначение. Этим, видимо, объясняется сравнительная малочисленность находок на средневековых памятниках.

Тагары (лохани). Тагары принадлежат к числу наименее распространенных видов посуды. В сооружениях всех периодов они представлены 38 находками, в их числе — два целых сосуда. Оба сосуда имеют усеченно-коническую форму; прямые их стенки расширяются кверху и завершаются сильно отогнутыми прямоугольными в сечении венчиками,

верхняя площадка которых, как правило, украшена прочерченным волнистым орнаментом. Форма венчика — признак, характерный и устойчивый для всех сосудов этого вида. Форма же тулова позволяет выделить, по крайней мере, два типа.

К первому типу относятся сосуды, высота стенок которых достигает 40 см, а усеченно-коническое тулово сильно суживается книзу (рис. 38, 2).

Второй тип составляют сосуды с невысокими стенками и почти цилиндрическим туловом (рис. 38, 1).

Стенки одного из сосудов, относящегося к первому типу, украшены прочерченным линейно-волнистым орнаментом, а к верхней части тулова прикреплены дуговидные ручки.

Тагары найдены на многих средневековых памятниках Ферганы, Семиречья, Согда, Хорезма. Известны они также и в этнографических материалах. Е. М. Пещерева считает, что тагары широко использовались в хозяйственных целях. В них замешивалось тесто. Внутренняя поверхность их покрывалась поливой. Лоханки для стирки белья имели форму, близкую сосудам тагара, но в отличие от них они не покрывались глазурью³⁸.

Чаши. Чаши являются наименее распространенной среди керамических находок формой. Находки позволяют выделить три их типа, различающихся формой тулова.

I тип составляют чаши с усеченно-коническим туловом и прямостоящим утолщенным или утоньшенным венчиком (рис. 39, 1—3).

II тип представлен чашами полусферической формы с уплощенным дном и прямостоящим утолщенным или утоньшенным венчиком.

III тип включает чаши с прямостоящим невысоким бортиком и усеченно-коническим корпусом; край бортика (венчика) округлен.

Как видим, чаши всех типов имеют венчики утолщенные или утоньшенные, в коллекции нет ни одного экземпляра с отогнутым венчиком. Но есть несколько фрагментов, имеющих на внутреннем крае упор для крышки.

Чаши представлены в основном фрагментарным материалом. В коллекции есть только одна целая чаша, которую мы относим ко второму типу. Она имеет широкое дно, округлый бортик, заканчивающийся утолщенным венчиком, рассеченным с внешней стороны глубокой бороздкой. Стенки чаши украшены росписью в виде широких мазков, нанесенных красной краской (рис. 40).

На памятниках, синхронных Карабулаку, чаши также являются редкими находками. Очевидно, это обстоятельство можно связывать с тем, что они были вытеснены из обихода поливными сосудами (мисками и чашами).

Среди этнографических материалов их также мало. Е. М. Пещерева отмечает, что женщины-гончары делают чаши редко и количество их в хозяйстве невелико³⁹. Емкость чаш различна — от $\frac{1}{3}$ до 1 литра (такую же емкость имели и средневековые чаши). Назначение чаш в быту было двойным. Они предназначались для питья воды, но употреблялись также и для пищи. Чаще всего из них кормят детей⁴⁰.

Рис. 38. Тазара-лохану (1—2)

Рис. 40. Чаша

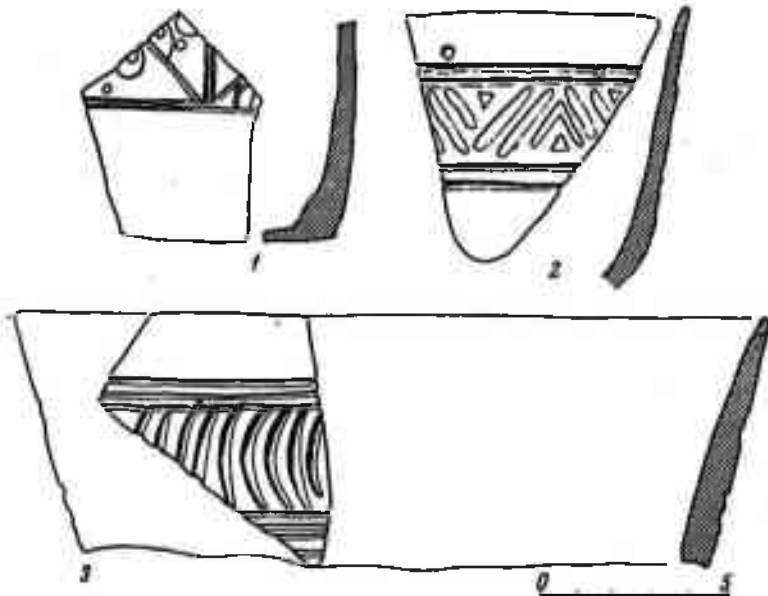

Рис. 39. Чашы (1—3)

Рис. 41. Корчаги (1, 5—7), цедилки (2—4)

Корчаги. Они имеют горло высотой до 2—3 см, увенчанное прямоугольным или подтреугольным в сечении венчиком и резко переходящее в широкое тулово, плавно суживающееся ко дну. Диаметр дна и устья, как правило, одинаковы. Диаметр наиболее широкой части тулова равен высоте сосуда. Но некоторые корчаги имеют вытянутые пропорции. В этих случаях диаметр тулова меньше высоты сосуда. У одного же экземпляра диаметр тулова превышает высоту сосуда на 2 см. Размеры корчаг обычно небольшие. При высоте 18—22 см они имели диаметр устья 10—15 см. Они изготовлялись из хорошо отмученного теста с небольшими количеством мелких примесей. Поверхность покрывалась светло-желтым или белым ангобом. Некоторые экземпляры украшены росписью в виде широких горизонтальных полос, нанесенных по плечикам. От полос вдоль сосуда идут нерегулярные потеки. Цвет росписи обычно красно-коричневый (рис. 41, 1, 5—7).

Цедилки. Цедилки имели форму круглодонной миски с биконическим корпусом, нижняя часть которого провизана круглыми отверстиями диаметром до 0,7 см. Невысокий бортик слегка отогнут наружу; край его округлен. Петельчатая ручка с продольной бороздкой прикрепляется одним концом к корпусу, другим — к бортику. Размеры цеделок различны: диаметр устья 17,6—13,5 см, высота 7,5—13,5 см (рис. 41, 2, 3, 4). Цедилка в виде миски является обычной формой средневековых сосудов этой категории. Наиболее древней формой цеделок являются

плоскостные сосуды корчаговидной формы, тулово которых сплошь пронизано круглыми отверстиями. Они использовались кочевыми народами, занимавшимися скотоводством. Е. М. Пещерева отмечала цедилки в виде кувшинов с ручками в современной керамике Гыждувана, где в таких сосудах отцеживали кислое молоко при изготовлении творога ⁴¹.

Маслобойки. Представлены многочисленными фрагментами, найденными в сооружениях всех периодов, и двумя целыми сосудами, обнаруженными вкопанными в пол, что, очевидно, связано со вторичным их использованием. Обе маслобойки имеют форму высокогорлых корчаг с очень широким туловом, в верхней части которого (в месте перехода от горла к тулову) есть отверстие, окруженное валиком с насечками. Сбоку от отверстия, ниже его, на наиболее широкой части тулова, располагаются две горизонтальные ленточные ручки. Широкое горло завершается прямоугольным в сечении венчиком. Верхнюю часть горла опоясывает треугольный в сечении валик. Одна из маслобоек украшена прочерченным линейно-волнистым орнаментом, состоящим из нескольких поясов (рис. 42, 1). На второй — прочерченный орнамент дополнен штампованным (рис. 42, 2).

Помимо Карабулака маслобойки описанной формы есть в материалах из Мунчак-тепе, близ Беговата, где найдены два сосуда (один лепной, другой гончарный). Одна маслобойка найдена в с. Ургут в 40 км от Самарканда. Эти находки отличаются от карабулакских меньшими размерами; к их тулову прикреплялась одна ручка. Помимо Средней Азии подобные маслобойки бытовали на Кавказе, где они имеют очень древнюю и длительную традицию, и в Иране у лугов ⁴².

Населению Центральной и Восточной Ферганы маслобойки этого типа не были известны. Здесь использовались высокие цилиндрические маслобойки, форма которых, как полагает Е. М. Пещерева ⁴³, была заимствована от деревянных цилиндрических маслобоек, бытовавших у кочевого тюркского населения.

Интересно отметить, что современные ареалы маслобоек совпадают с древними. Корчагообразные маслобойки с ручками, аналогичные карабулакским, были характерны для Уструшаны и Согда. В настоящее время они известны таджикам-ягнобцам и узбекам Бухары и Мерва, причем в последнем они изготовлялись гончарами, выходцами из Каракульского района Бухарской области ⁴⁴. Цилиндрические маслобойки имели более широкий ареал как в древности, так и в настоящее время. Использование их в XI—XII вв. подтверждается находками в Куве. В настоящее время они бытуют у узбеков Хорезма, Ферганы, Бухары, Ташкента ⁴⁵.

Сопоставление керамических находок из Карабулака с этнографическими данными позволило определить хозяйственное назначение некоторых категорий средневековой посуды. С молочным хозяйством, несомненно, связаны цедилки и маслобойки. Назначение их очевидно. К этой же группе посуды могут быть отнесены корчаги, применявшиеся в качестве поддошков и для хранения молока и других молочных продуктов. Такое же назначение имели и двуручные горшки. Использование их при доении современными таджиками Вахша отмечает Е. М. Пещерева ⁴⁶. Этнографические наблюдения показывают, что ассортимент по-

Рис. 42. Маслобойки (1, 2)

суды, связанной с молочным хозяйством, ее количество и размеры обусловлены ролью молочного хозяйства в экономике района. Е. М. Пещерева отмечает, что в густонаселенных районах, где пастбищ нет и коров держат мало, эту группу посуды составляют только горшки, употреблявшиеся в качестве подойников, и сосуды для заквашивания молока. В районах же, богатых пастбищами, ассортимент посуды для молока весьма широк, а ее изготовлению уделялось большое внимание. Посуда включает в себя сосуды различного назначения: цедилки, различные виды сосудов для хранения молока и молочных продуктов, маслобойки⁴⁷. Очевидно, это наблюдение Е. М. Пещеревой можно распространить и на археологические материалы. Действительно, по сравнению с другими исследованными средневековыми городами, расположенными в долине, Карабулакское городище, расположенное в районе, где естественные условия обеспечили большую роль молочного скотоводства, дало большее количество разнообразных сосудов, связанных с молочным хозяйством.

Сфероконусы. Два сосуда этой категории происходят из сооружений последнего периода жизни здания. Они имеют узкое невысокое горлышко с утолщенным краем и валиком в нижней части, широкое грушевидной формы тулово, резко суживающееся к небольшому (около 1,5 см в диаметре) доньшку. Верхняя часть тулова обоих сфероконусов украшена четырьмя продольными симметричными по отношению друг к другу валиками. Орнаментальный пояс в верхней части сосуда ограничен глу-

бокими парными бороздками и включает изображения, выполненные штампом. В одном случае они имеют вид круга с углублением (штампом служила полая трубочка с зубчатым краем — вид штампа, неоднократно использовавшийся при орнаментации карабулакской посуды) (рис. 43, 1). В другом случае изображения имели вид семилепестковой розетки с подтреугольными лепестками (рис. 43, 2). Сосуды изготовлены на гончарном круге из очень плотной массы и в результате специального клинкерного режима обжига приобрели зеленовато-серый цвет.

Найденные в Карабулаке сферокопусы отличаются от сосудов этой категории, обнаруженных при раскопках в Фергане и других областях размером и пропорциями: большая часть изделий, происходящих с памятников, синхронных Карабулаку, имеет меньший размер и менее вытянутые пропорции. Второй особенностью карабулакских сферокопусов является форма плоского донца, образующего вместе с вытянутой придонной частью сосуда невысокую ножку, в то время как основная масса сферокопусов с других памятников имеет донца в форме вершины кокуса. Пока еще невозможно судить о причинах различия, обусловлены ли они временными различиями, или имеют чисто локальный характер.

Лепная керамика

Лепная посуда является продуктом домашнего производства. В городе, где высокого расцвета достигло гончарное ремесло, она, очевидно, играла незначительную роль в быту населения. Этим объясняется ничтожный процент находок и очень узкий ассортимент изделий.

Лепная посуда, как правило, толстостенна и изготовлена из грубого теста с большим количеством крупных и мелких примесей — дресвы, шамота, известковых включений. Вся лепную посуду из Карабулака характеризует небрежность изготовления; это проявляется как в формовке сосудов, так и в отделке их поверхности. Большая часть сосудов формовалась из одного куска глины. Но некоторые из них, судя по отпечаткам грубой ткани на внутренней поверхности, изготавливались на шаблонах. Внешняя поверхность покрывалась неровным слоем красного, белого или желтого ангоба и украшалась росписью в виде небрежных полос и пятен, нанесенных черной и буро-коричневой красками. Поверхность большинства сосудов сильно закопчена, что свидетельствует об использовании их при изготовлении пищи.

Лепная посуда представлена следующими шестью категориями изделий: корчагами, кувшинами, хумами, жаровнями, мургоби, мисками.

1. **Корчаги** имеют невысокое горло, резко переходящее в широкое тулово. По форме горла и венчика выделяются пять типов корчаг: I тип представлен корчагами с оттянутым наружу треугольным в сечении венчиком.

II тип составляют корчаги с расширяющимся кверху горлом и утолщенным венчиком.

III тип представлен корчагами с прямостоящим горлом, завершающимся утоньшенным венчиком.

IV тип — корчаги с прямостоящим невысоким горлом и овальным в сечении венчиком.

Рис. 43. Сфероконусы (1—2); лепной кувшин (3); лепная миска (4)

V тип — корчаги с прямостоящим горлом и прямоугольным в сечении венчиком.

2. **Кувшины**, судя по находкам, имели узкое высокое горло, расширяющееся ко дну тулова. Диаметр дна почти равен наибольшему диаметру тулова. Ручки массивные, сечение их различное: овальное, прямоугольное, круглое. Некоторые ручки украшены орнаментом в виде глубоких насечек, расположенных елочкой. Все кувшины толстостенны. Размеры их невелики — высота 22—25 см, диаметр тулова 15—18 см (рис. 43, 3). Кувшины, очевидно, употреблялись для подогревания воды. Судя по описанию, кувшины аналогичной формы были найдены в Куве. И. Ахраров называет их кумгонами и считает, что в них кипятили или подогревали воду⁴⁶.

3. **Хумы** представлены одним типом сосудов, имеющих расширяющееся вверх горло с утолщенным краем и яйцевидной формы тулова.

4. **Жаровни** имели различную форму и размеры. К I типу относятся наиболее распространенной формы круглые жаровни с массивным вертикально стоящим прямоугольным в сечении бортиком высотой до 5 см; вариантом этого типа являются небольшие тонкостенные жаровни со слегка наклоненным вовнутрь невысоким бортиком. II тип составляют жаровни прямоугольной формы. Они, как правило, изготовлялись из очень огнеупорной массы с большим количеством дресвы и известковых включений. Край бортика одного экземпляра оформлен косо расположенными глубокими вдавлениями. Жаровни использовались, очевидно, в качестве сандалов — переносных очагов для обогрева жилищ помещений.

5. **Мургоби** изготовлялись более тщательно из менее грубого теста, чем остальные лепные сосуды. Они повторяют форму гончарных сосудов этой категории, отличаясь от тех лишь меньшими размерами. Как и гончарные, они имеют широкое грушевидной формы тулова, в верхней части которого располагались симметрично по отношению друг к другу носик-слив и горлышко. Горизонтальная ленточная ручка прикреплялась одним концом к основанию горлышка, другим — к основанию носика. Поверхность украшалась росписью, выполненной красной и бу-

рой красками по белому или кремовому ангобу. Орнамент бывает очень сложным, его составляют комбинации сложных завитков и побегов.

6. **Миски.** Находки их единичны. Думаю, что это можно объяснить широким использованием поливных блюд и тарелок. По форме корпуса выделяю два типа мисок: I тип составляют миски полусферической формы с плоским венчиком; II тип представлен большими мисками усеченно-конической формы с расширяющимися кверху стенками и утоньшенным краем (рис. 43, 4).

Поливная керамика

Поливная посуда составляет почти половину керамических находок из Карабулака. Основную массу находок этого отдела представляют тарелки, блюда, чаши. Использовались как глухие, так и прозрачные глазури, наносившиеся, как правило, по белому ангобу. Сосуды, покрытые прозрачной глазурью светло-фисташкового или лимонного цвета, украшены расписным и гравированным орнаментом. Сосуды, покрытые глухими глазурями, иногда украшались гравированным орнаментом.

Тарелки представлены изделиями четырех типов, отличающихся друг от друга формой бортика и корпуса.

Тип I составляют тарелки с почти плоским корпусом и сильно отогнутым горизонтальным бортиком. Последний отделен от корпуса невысоким валиком треугольного сечения. Два экземпляра тарелок (один целый, другой в обломках) покрыты лимонно-желтой глазурью и украшены под глазурью росписью и гравировкой. На первой тарелке гравированный узор в виде спиралевидных завитков располагается по бортику. Гравировку перекрывает роспись в виде последовательно соединенных кружков. Корпус и дно также украшены гравированным узором, который дополнен расписным. Причем расписной узор подчеркивает и повторяет орнамент, выполненный гравировкой. В центре блюда выгравирована пятиконечная звезда. От нее по радиусам отходят три линии, каждая из которых, раздваиваясь, образует около валика треугольник. В каждый из треугольников вписаны ромбы. Роспись, выполненная зеленой (травянистой) и желто-зеленой красками, тремя широкими языками идет от центра к бортику. Контур рисунка подчеркнут коричневой широкой линией (рис. 44, 4).

Бортик второй тарелки украшен расписным и гравированным узором из пересекающихся линий, образующих ромбы.

Тип II представлен большими тарелками с почти плоским корпусом и сильно отогнутым бортиком, край которого оформлен фестонами (рис. 44, 1).

Тип III составляют тарелки с плоским корпусом, невысоким бортиком, край которого отогнут и оформлен фестонами, расположенными группами (по три фестона в каждой из групп) (рис. 44, 3).

Тарелки II и III типов покрыты яркой зеленой глазурью.

Тип IV. К этому типу относятся небольшие тарелочки с усеченно-коническим почти плоским корпусом и сильно отогнутым горизонтальным

Рис. 44. Поливные тарелки (1—4)

бортиком. Изделия этого типа покрыты прозрачной светло-фисташковой глазурью (рис. 44, 2).

Блюда. Эти изделия разделяю на два типа.

I тип составляют блюда с усеченно-коническим корпусом и невысоким бортиком. Последний от корпуса отделен валиком треугольного сечения. Орнамент по рисунку и манере исполнения очень сходен с орнаментом тарелки I типа. Отличия составляют детали: в центре блюда изображена семиконечная звезда, а бортик украшают треугольники, образованные ломаными линиями (парными гравированными и росписью) (рис. 45, 2). (Цветные рисунки 45—51 помещены на стр. 80—81.)

II тип представлен однородными по форме и разнообразными по оформлению поверхности сосудами. Форма блюд довольно стандартна. Блюда имеют дисковидный или дисковидный с кольцевым вырезом подом, усеченно-конический сильно расширяющийся кверху корпус и бортик с утонченным краем (вертикальный или слегка отклоненный наружу).

Характер покрытия поверхности блюд различен. Внутреннюю поверхность одних блюд покрывают глухие глазури. Все блюда этой группы, найденные в Карабулаке, как и на других городищах Ферганы, покрыты яркой зеленой глазурью и украшены гравированным орнаментом, стилистические различия которого позволяют выделить три варианта.

Вариант *а* — очень лаконичный орнамент, состоящий из треугольников, обращенных вершинами к центру и заполненных спиралевидными завитками, от вершин к центру идут волнистые линии. Треугольники чередуются с группами линий, расположенными по радиусам. Каждая из них состоит из трех линий — двух прямых и одной волнистой.

Вариант *б*. Орнамент также очень лаконичен; он представляет собой пояс, обрамляющий верхнюю часть корпуса и заключающий в себе вписанные один в другой треугольники.

Вариант *в* представлен пышной орнаментацией, сочетающей волнистые линии, всевозможные комбинации из спиралевидных и валутообразных завитков. Судя по найденным фрагментам, орнамент покрывал почти всю поверхность корпуса (рис. 45, 4).

Большая часть блюд покрыта прозрачными глазурями различных оттенков (светло-лимонной, светло-фисташковой, желтой). Характер нанесения орнамента различен. Это — роспись, гравировка и сочетание гравировки с росписью.

Найденные блюда с росписным орнаментом позволяют судить о богатой цветовой гамме, о большом разнообразии орнаментов. Сюжеты росписи столь многообразны и неповторяемы, что каждую находку можно было бы выделить в самостоятельный вариант.

Четко различаются два вида росписи: нечеткая, расплывчатая пятнистая роспись, выполненная ярко-желтой и ярко-зеленой красками (рис. 46, 1—5), и четкий геометрический или растительный узор. Последний по характеру расположения на поверхности сосуда делится на три варианта.

Вариант *а* составляет роспись, сплошь покрывающая поверхность сосуда.

1. Блюдо, бортик которого рассечен продольными парными параллельными линиями на секции; они заполнены точками, расположенными в строчку. Корпус, отделенный от бортика широкой красной полосой, украшен росписью из чередующихся зеленых и красных кружков.

2. Блюдо, в центре которого расположен круг с вписанной очень сложной фигурой из переплетающихся треугольников. Вокруг центрального круга располагаются небольшие концентрические круги; во внутренние круги вписаны кресты, образованные пересечением парных параллельных линий (рис. 47, б).

3. Сложные переплетения образуют овалы из широких темно-красных полос, контур которых подчеркнут коричневыми линиями (рис. 47, д).

Вариант б. Роспись имеет локальный характер — украшает или дно, или часть корпуса, или бортик.

1. В центре блюда располагаются два концентрических круга. Рисунок дан контуром. Парные параллельные линии образуют треугольники, пространство внутри которых заполнено пятнистой росписью, выполненной красной и зеленой красками (рис. 48, з).

2. В центре блюда два концентрических круга; внешний круг оформлен маленькими четкими пятнышками. Поверхность внутреннего круга рассечена пересекающимися параллельными линиями. В каждую ячейку образовавшейся сетки вписано ярко-красное пятно. Пятнами (зелеными) оформлены места пересечения линий ⁴⁹ (рис. 48, 1).

3. Часть корпуса блюда украшает полоса из чередующихся треугольников, одни из которых обращены вершинами вверх (к бортику), другие — вершинами к центру сосуда. Первые заполняет точечный орнамент, вторые — заштрихованы параллельными линиями (рис. 48, 2).

Вариант в. Орнамент представляет собой чередование однотипных фигур.

1. Три полосы, образованные парными параллельными линиями и заключающие по два ряда пятен, делят невысокий бортик и верхнюю часть корпуса на три сектора, в каждом из которых изображена розетка, состоящая из четырех соприкасающихся кругов с точками в центре и по сторонам (рис. 49, з).

2. В центре блюда пятнистой росписью изображен круг, от которого по радиусам расходятся пятнистые линии, выполненные зеленой краской и заканчивающиеся изображениями заштрихованных треугольников. Треугольники чередуются с изображениями двойных неправильных овалов, как бы имитирующих изображения фруктовых деревьев. Контур выполнен широкой линией; внутренняя поверхность заполнена красными пятнами; от овалов к центру идут парные линии (рис. 49, 1).

Среди находок преобладают блюда с четким геометрическим рисунком. Изделия же с пятнистой росписью представлены единичными находками, происходящими из нижних строительных горизонтов.

Блюда, орнамент которых представляет собой сочетание гравировки с росписью, составляют наибольшее количество находок этой категории. Различие в сюжетах орнамента позволяет выделить несколько их вариантов.

Вариант *а* представлен очень лаконичным орнаментом, состоящим из полосы, расположенной вдоль верхнего края бортика и ограниченной выгравированными парными concentрическими кругами; внутри полосы парные ломаные линии, также выполненные гравировкой, образуют треугольники; полосы, образованные гравировкой, заполнены пятнистой росписью коричневого цвета. Пятна, расположенные по кольцу, ограничивают дно блюда. Бортик обрамлен широкой коричневой расплывчатой полосой.

Вариант *б* — гравированный узор, образует пояс, обрамленный парными кольцевыми линиями; пояс заполнен чередующимися спиралевидными завитками и всевозможными процарапанными линиями (прямыми или в виде галочек). Кольцевой пояс окаймляет только часть корпуса. В пространстве, не занятом им, расположен треугольник, образованный парными линиями. Внутри треугольника выгравирован спиралевидный завиток, вдоль края бортика — две параллельные бороздки, самый же край оформлен зеленой широкой полосой (рис. 45, 3; 50, 2).

Вариант *в* составляет кольцевой орнаментальный пояс, обрамленный парными линиями и заполненный спиралевидными завитками и петлевидными фигурами. Роспись в виде широких расплывчатых полос и пятен расположена вдоль края бортика, по бортику и корпусу блюда (рис. 45, 1, 50, 1).

Вариант *г* представлен кольцевым орнаментом, поле которого ограничено парными кольцевыми линиями и расположенной по кольцу пятнистой росписью. Пятна также оформляют край бортика и дно блюда. Орнаментальный пояс включает в себе непрерывную петлевидную выгравированную линию, которая перекрыта росписью в виде трех широких расплывчатых линий зеленого цвета (рис. 46, 7).

Вариант *д* представляет собой чередование однотипных фигур, заключенных в широкий кольцевой пояс, образованный выгравированными бороздками, заполненными пятнами. Пояс включает в себе треугольники и спиралевидные завитки, контуры которых даны гравировкой. Внутри треугольников расположены выгравированные спиралевидные завитки. Вся поверхность треугольников покрыта пятнистой росписью; вокруг спиралевидных завитков также расположена пятнистая роспись (рис. 46, 6).

Разновидностью этого варианта является гравированный орнамент, представляющий собой чередование треугольников с отходящими от вершин к центру блюда волнистыми линиями. Треугольники включают в себе спиралевидные завитки.

Вариант *е* — зооморфный. Рисунок выполнен в обычной для карабулакской керамики манере. Контур его дан гравировкой и подчеркнут пятнистой росписью. На дне и на корпусе блюда изображен плавно идущий фазан с длинным загнутым хвостом. Бортик оформлен чередующимися полуovalами и треугольниками, контур которых дан гравировкой, а внутренняя поверхность заполнена пятнистой росписью. Роспись выполнена красно-коричневой и зеленой красками.

Чаши. Размеры корпуса позволяют выделить два типа, каждый из которых включает варианты, отличающиеся формой корпуса.

Тип I составляют большие чаши с усеченно-коническим (вариант «а») или полусферическим корпусом (вариант «б»). Край чаш или вертикальный утоньшенный, или слегка загнут вовнутрь, или отогнут наружу и оформлен фестонами.

Внутренняя поверхность всех сосудов этого типа покрыта прозрачной поливой светло-желтого или лимонного цвета и украшена гравировкой и росписью. Роспись в большинстве случаев сочетается с гравировкой. Варианты орнамента следующие:

Вариант а. Верхняя часть корпуса, край которого слегка загнут внутрь, украшена расписным орнаментом в виде групп запятых, выполненных красной или коричневой красками. Gardin, прослеживающий эволюцию этого орнамента, считает, что он ведет свое начало от куфических надписей⁵⁰ (рис. 51, 5).

Вариант б составляет пятнистая роспись, расположенная кругами по краю корпуса и по его середине (рис. 51, 4).

Вариант в включает изделия со сложным узором, сочетающим гравировку и роспись (рис. 52, 1—3).

Тип II включает небольшие чаши, форма корпуса которых позволяет выделить четыре варианта.

Вариант а — полусферические чаши с утоньшенным краем.

Вариант б — усеченно-конические чаши с плавно расширяющимися вверх стенками и утоньшенным краем. В нижней части при переходе ко дну неглубокий желобок опоясывает корпус чаши.

Вариант в — усеченно-конические чаши, сильно расширяющийся корпус которых в верхней части образует резкий изгиб.

Вариант г — усеченно-конические чаши, край которых отогнут наружу и оформлен фестонами (рис. 51, 6).

Изделия этого типа покрыты прозрачной глазурью лимонно-желтого, светло-фисташкового или зеленоватого цвета, а также глухими глазурями — голубой и зеленой.

Чаши, покрытые прозрачными глазурями, украшались расписным орнаментом: 1) в виде овальных пятен — запятых, изображенных на дне, и аморфных крупных пятен по венчику; 2) в виде треугольников, вершины которых обращены к центру. Контур треугольников выполнен темно-коричневой краской. Поверхность внутри треугольников раскрашена темно-бурой и зеленой красками. Зеленые и темно-бурые треугольники чередуются (рис. 51, 2)⁵¹.

Полусферические чаши, покрытые темно-зеленой глазурью, иногда украшались подглазурной гравировкой в виде волнистых линий, расходящихся по радиусам.

Чаши с волнистым краем, а также чаши, покрытые голубой глазурью, орнаментом не украшались. Последние имели особенность, прослеженную на всех изделиях, найденных в Карабулаке, Калаи-Боло⁵², Мунчак-тепе⁵³ и других памятниках: внешнюю поверхность чаш опоясывает широкая полоса, нанесенная красным ангобом.

Кувшины, горшки, кружки. Сосуды высоких закрытых форм нетипичны для карабулакской посуды, и находки их единичны. Целых форм нет, поэтому о типах сосудов можно судить предположительно.

Рис. 53. Полные сосуды (1—3)

Рис. 54. Сосветильники (1—2)

Рис. 55. Светильники (1—2)

Очевидно, эта группа включала следующие виды посуды.

1. Кувшины на дисковидных поддонах. Одни изделия имели граненый корпус, покрытый светло-голубой глазурью. Цилиндрический корпус других изделий резко переходил в усеченно-коническую донную часть и к плечикам. Плечики украшают орнамент в виде косорасположенных овалов, вырезанных острым инструментом до подсушки сосуда. Полива покрывает как внешнюю, так и внутреннюю поверхность сосуда, причем последняя покрыта поливой худшего качества, жидкой и мутной.

2. Небольшие горшочки или кувшинчики с шаровидным туловом. Внутреннюю и внешнюю поверхность их покрывает непрозрачная ярко-зеленая глазурь, наносившаяся по белому ангобу. Верхняя часть корпуса одного экземпляра украшена штампованным орнаментом в виде кружков с сегментовидными вдавлениями.

3. Не типичными для Карабулака являются небольшие кружки цилиндрической формы, на которые прозрачная глазурь наносилась прямо по черепку. Поэтому изделие имело красный или терракотовый цвет. Продольные и поперечные широкие черные ленты опоясывают тулово сосудов. Вдоль них располагаются белые пятна с черными глазками. Над лентами — белые пятна, окаймленные коричневой полосой (рис. 53, 1). Подобные сосуды, происходящие из Самарканда и экспонирующиеся

Рис. 56. Керамика с зооморфными изображениями (1—5)

в экспозиции Отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа, датированы исследователями X—началом XI в.

Светильники. Светильники по форме тулова делятся на два типа. I тип. К нему относятся светильники с резервуаром в виде плоски с петлевидной ручкой и с длинным прямым носиком. Внешнюю и внутреннюю поверхность покрывает прозрачная бесцветная глазурь, наносившаяся по белому ангобу. Резервуар украшает роспись из пятен и завитков. Иногда она представляет собой сильную стилизацию надписей (рис. 54, 1).

II тип составляют сосуды с усеченно-коническим расширяющимся кверху каннелированным или граненым резервуаром. Длинный носик также граненый. Ручка, прикрепляющаяся к тулову симметрично по отношению к носику, имеет круглое или многогранное сечение и увенчивается листовидной формы пяткой (рис. 54, 2; 55, 1, 2). Последняя украшалась штампованным орнаментом в виде всевозможных завитков и побегов. На пятках двух светильников отмечены зооморфные изображения: на одной — две птицы, на другой — бегущий заяц (рис. 56, 3—5). Светильники этого типа, как правило, покрывались глухими глазурями (зеленой или голубой).

Светильники обоих типов были характерны для XI—XII вв., и находки их отмечены на многих городищах Ферганы и Средней Азии в целом. Светильники I типа являются более ранними, чем светильники II типа. Они отмечены среди находок X в. на городищах Ферганы, Согда, Чача. В XII в. количество их находок невелико, они уступают место светильникам с каннелированным резервуаром (II тип).

В целом, подводя итоги описанию керамики, отмечу большое сходство посуды, происходящей из далекого и изолированного в силу природных условий района, с керамикой не только из близлежащих районов Ферганы, но и Средней Азии в целом. Сходство прослеживается не только в тождественности форм посуды, но и в характере ее орнаментации. Лучше всего сходство прослеживается на поливной посуде. В XI—XII вв. на Ближнем Востоке была широко распространена поливная керамика с пятнистой росписью и подглазурной гравировкой. Изучение керамики из Самарры привело Зарре к выводу, что эта керамика является подражанием восточному штейнгутту с такой же пятнистой росписью⁵⁴. Керамика с орнаментацией такого характера была распространена в Иране (Нишапур), Афганистане (Лашкари-Базар, Буст, Бамиан). Гарден, изучавший афганскую керамику, также склоняется к ее восточному происхождению⁵⁵. В. А. Крачковская высказала предположение о возможности появления этой керамики в Средней Азии независимо от месопотамской и китайской посуды⁵⁶. Керамику с пятнистой росписью О. Г. Большаков делит на две группы: 1) без гравированного рисунка (вазы, кружки, горшки); 2) с росписью и гравированным рисунком (тарелки, миски, чашки). Вторая группа керамики, по его мнению, появляется позже первой⁵⁷. Гарден относит ее появление и широкое распространение к XI в.⁵⁸

К сожалению, ни афрасиабская, ни ферганская, в частности кувинская, керамика не нашла еще должного отражения в печати, не сделана еще ее увязка со стратиграфией культурных напластований, что затрудняет выявление ее локальных и хронологических особенностей.

Изучение керамики с двух памятников, расположенных в разных концах Ферганы (Карабулак в юго-западных предгорьях, Ана-Кызыл — в северо-восточных, в районе Узгена), позволяет наметить стратиграфическую колонку для некоторых форм керамических изделий Ферганы.

Карабулак дал в основном материал XII в. Дата определяется по монетам узгенского чекана последней четверти XII в. Поливную посуду составляют блюда с реаким перегибом, чаши, миниатюрные чашечки, светильники. Выделяются три вида орнамента: 1) расплывчатая пятнистая роспись (гамма желто-зеленая) представлена единичными находками; 2) многоцветная роспись с четким геометрическим орнаментом; 3) пятнистая роспись в сочетании с гравировкой. В Карабулаке светильники представлены в основном II типом изделий этой категории.

В Ана-Кызыле керамика, аналогичная карабулакской, происходит из сооружений верхнего строительного горизонта. Два нижних горизонта дали поливную посуду, отличающуюся от керамики верхнего горизонта как формой, так и орнаментацией. Поливная посуда из Ана-Кызыла представлена блюдами и чашами плавных очертаний.

Выделяются три вида орнаментации: 1) роспись пятнистая расплывчатая; 2) четкий геометрический узор; 3) сильно стилизованная эпиграфика.

Совершенно отсутствуют поливная посуда, украшенная гравировкой, и светильники II типа. Монеты, найденные в слое, относятся к X—середине XI в.

Предположительно можно высказать мнение, что ферганская поливная керамика с гравированным орнаментом находит большее сходство с изделиями из Чача и Уструшаны, чем из Согда; от последнего ферганская керамика отличается большей лаконичностью орнамента, о чем уже сказано выше. Поверхность афрасиабских блюд покрыта сплошь гравировкой и росписью. Но, может быть это различие является следствием хронологических различий, а не локальных⁵⁹.

Е. А. Давидович и В. А. Литвинский отмечали, что сходство ферганской керамики с ташкентской и согдийской идет по линии мраморовидной поливы коричнево-желто-зеленых тонов⁶⁰, но в Согде она преобладает, в Фергане же находки ее единичны. В XII в. голубая полива широко распространена в Согде, Хоросане. В Фергане же она применяется при изготовлении небольших чашечек.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА

Среди находок большого внимания заслуживают изделия из стекла. Они, как и керамика, обнаруживают сходство с продукцией средневековых стеклодувов Средней Азии в целом, и в то же время их отличает некоторое своеобразие. Хрупкость материала обусловила фрагментарность находок. Среди находок преобладают тонкостенные сосуды, изготовленные из прозрачного, хорошо проваренного стекла разных оттенков (зеленоватого, светло-желтого и изредка лилового и светло-бурого). Небольшое количество находок дает широкий ассортимент посуды, изго-

товленной в основном способом свободного выдувания, требовавшего от стеклодува большого мастерства и большой точности в работе.

Химический состав стекол различен. Качественный анализ, проведенный Ю. Л. Щаповой, позволил ей разделить карабулакские стекла на три группы, отличающиеся друг от друга содержанием щелочно-земельных компонентов и марганца. Основной же состав (по линии содержания щелочей) почти одинаков во всех подвергшихся анализу образцах. Все карабулакские стекла щелочные натриево-калиевые.

Первая группа представлена наименьшим количеством находок. Из 27 предметов, подвергшихся анализу, к ней принадлежат два фрагмента стенок сосудов неизвестной формы из желтоватого стекла. Стекла этой группы характеризуют повышенный процент щелочноземельных компонентов (СаО), а в составе щелочей некоторое преобладание окиси калия по сравнению с окисью натрия. Вторую и третью группы составляют натриево-калиевые стекла, идентичные по составу щелочей и щелочно-земельных компонентов, процент последних одинаково низкий в обеих группах. Особенностью третьей группы является низкий процент содержания окиси марганца.

Было бы интересно сопоставить составы стекол из Карабулака и из других пунктов Ферганы. В настоящее время накоплено большое количество стеклянных изделий из Кувы, Узгена, Ахсыкета, Андижана, Калаи-Боло. Найдены стеклянные изделия на памятниках древней Уструшаны, граничащей с Ферганой на западе. Но, к сожалению, анализу подверглись лишь стекла из Кувы, Андижана и Узгена. Кувинские стекла в зависимости от содержания щелочей могут быть разделены на три группы:

1) калиевые стекла, в которых натрий присутствует в виде незначительных примесей; 2) натриевые стекла, в них калий в виде примесей; 3) калиево-натриевые стекла, содержащие почти одинаковое количество калия и натрия. Причины различия состава кувинских стекол пока неясны. А. А. Абдуразаков пытается это объяснить непостоянством состава золы, которая применялась при варке стекла⁶¹.

Узгенские стекла характеризуются повышенным содержанием щелочей. В последних преобладает окись натрия. Второй особенностью узгенских стекол является пониженное содержание щелочноземельных компонентов⁶².

Сравнение карабулакских стекол с кувинскими и узгенскими затруднено тем обстоятельством, что анализы их были проведены разными методами (карабулакские — качественным спектральным, кувинские и узгенские — количественным химическим). Но все же можно предположить, что карабулакские стекла по химическому составу ближе к узгенским, чем к кувинским. С первыми их сближает пониженный процент щелочноземельных компонентов. Это же обстоятельство отличает их от кувинских. В то же время для узгенских стекол характерен высокий процент марганца, что не характерно для карабулакских и кувинских стекол. Пока еще трудно установить причину сходства и различий состава стекол, происходящих из разных пунктов. Может быть, они имели хронологический характер, а может быть, причина этого была более простая и заклю-

Рис. 45. Блюда (1—4). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 46. Поливные блюда (1—8). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 47. Поливные блюда (1—7). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 48. Поливные блюда (1—3). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 49. Поливные блюда (1—3). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 50. Поливные блюда (1—2). (Уменьшено в 2.5 раза)

Рис. 51. Поливные чашы (1-6). (Уменьшено в 2,5 раза)

Рис. 52. Поливные чашы (1—3). (Уменьшено в 2,5 раза)

чалась, как это предполагает А. Абдуразаков для кувинских стекол, в различии сырья, используемого при варке⁶³.

Точно так же незначительное количество анализов не позволяет связать определенные типы сосудов с различными по химическому составу группами стекол. Пример карабулакских находок, где к разным по составу группам стекол относятся одни и те же типы сосудов, дает возможность предположить, что стеклоделами, очевидно, не соблюдался принцип соответствия между формами сосудов и составом стекол, но этот вопрос может быть решен только при условии массовых анализов стеклянной посуды из разных центров.

Типологический анализ среднеазиатских стекол проведен в ряде работ⁶⁴. Исследования показали, что стеклянные изделия широко применялись и имели различное назначение. Большая часть их принадлежит сосудам бытового назначения; небольшие изящные флакончики использовались в качестве парфюмерных сосудов; и, наконец, особую группу составляют химические сосуды. Состав стеклянной посуды из Карабулака тот же, что и в других средневековых центрах.

Большая часть находок принадлежит кубкам, рюмкам и бокалам. Кубки на широком кольцевом поддоне и с усеченно-коническим корпусом находят аналогии среди стекол из Хульбука⁶⁵. Рюмки и кубки имели усеченно-конический корпус, резко переходящий в сплошную или полую невысокую ножку, завершающуюся плоским поддном. Описанные сосуды предназначались для вина и получили широкое распространение в XI—XII вв.⁶⁶ Их ареал весьма широк: они найдены в Куве⁶⁷, в Калаи-Боло⁶⁸ (Фергана), в Афрасиабе⁶⁹ и Нисе⁷⁰. Е. М. Пещерева отмечала, что стеклянные бокалы и рюмки заменили в IX—XII вв. широко бытовавшие бокалы из глины⁷¹.

Поскольку эта посуда имела парадное назначение, ее качеству и ornamentации уделялось большое внимание. Бокалы и рюмки украшались припаянными стеклянными нитями того цвета, что и сосуд, а также разноцветными. Орнамент различен: горизонтальные прямые нити, опоясывающие тулово сосуда, сложные спиралевидные завитки, всевозможные побег.

Графины представлены лишь одним фрагментом большого сосуда (рис. 57, 5). Его цилиндрическое горло слегка суживается к горизонтально оттянутому венчику. Ствол горла опоясан валиком, выпуклости на внешней стороне которого соответствует вогнутость изнутри. Графины с подобными горлами найдены в Хульбуке⁷², в Афрасиабе⁷³, в замке Калаи-Боло⁷⁴, в Мунчак-тепе⁷⁵. Судя по находкам, формы резервуаров различны. У графина из Афрасиаба высокое горло плавно переходит в шаровидный резервуар. Резервуар графина из Калаи-Боло был цилиндрический, слегка сужающийся книзу и резко переходящий к высокому горлу.

С большим мастерством сделал сосуд с широким почти шаровидным туловом, выдутый в форме (рис. 57, 1). Его стенки сплошь покрыты орнаментом в виде продольных линий, делящих поле на орнаментальные пояса, заполненные завитками, ломаными линиями, овальными выпуклостями. Верхнюю часть тулова опоясывает валик, слегка подкрашенный в лило-

ватый цвет. Край сосуда имел более интенсивную окраску. Очевидно, полоса стекла лилового цвета была припаяна к уже готовому сосуду. Фрагменты аналогичного сосуда, происходящего из Мунчак-тепе, хранятся в фондах отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа ⁷⁶.

Стекланные ритоны, напоминающие по форме металлические и роговые, принадлежат к числу наиболее интересных и редких находок. Два ритона найдены на цитадели Варахши в слое X—XI вв. Они имели конусовидный корпус, постепенно переходящий в трубковидную изогнутую ножку, завершающуюся шаровидным утолщением; нижняя часть резервуара украшена поперечными валиками, между которыми находились спиралевидные завитки. Ножка украшена продольными припаянными валиками из цветных стеклянных нитей с защипами ⁷⁷. Два ритона происходят из Ташкента; они найдены с керамикой XI—XII вв. медресе Кукельдаша ⁷⁸. Фрагмент одного ритона хранится в Самаркандском музее ⁷⁹. Ножки нескольких ритонов найдены во время строительных работ в Андижане в слое XI—XII вв. ⁸⁰ Один фрагмент ритона из коллекции Кастальского хранится в фондах отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа. Происхождение его неизвестно ⁸¹. В Карабулаке ножка ритона датируется всем комплексом находок XII в. (рис. 57, 2). Ритон изготовлен из прозрачного светлого стекла. Полая ножка завершается шаровидным утолщением и украшена припаянными продольными волнистыми валиками из стекла буровато-лилового цвета. Форма ножки и характер украшения очень сближают карабулакскую находку с ритонами из Варахши, Ташкента и Андижана. Отмечая большое сходство всех ритонов и малочисленность их находок, Амийджанова предполагала единый центр их изготовления ⁸².

Небольшой флакончик изготовлен из прозрачного стекла способом свободного выдувания. Высокое горло конической формы опоясано широким выпуклым валиком. Корпус почти цилиндрический, слегка сужающийся книзу. Судя по хранящемуся в Гос. Эрмитаже фрагменту, флакончики имели донышко диаметром около 2 см ⁸³. Корпус украшен идущими до дна продольными волнистыми жгутиками из стекла того же цвета, что и сосуд. Край сосуда, после того как была обрезана стеклодувная трубка, загнут вовнутрь. Сосудик имел овальную в сечении ручку. Следы ее прикрепления сохранились на горле у самого края и на верхней части тулова (рис. 57, 3).

Уникальной является кружка с высоким коническим поддоном и восьмигранным корпусом (рис. 57, 4). Петельчатая ручка увенчана вертикально стоящим овальным выступом с двумя продольными бороздками. Сосуд, очевидно, изготовлен способом свободного выдувания и сложную форму приобрел в результате тщательной отделки. На дне сохранился след понтия. При оформлении поддона стеклянный пузырь был вдавлен вовнутрь и получил коническую форму. Оба слоя стекла в верхней части поддона спаялись. Край же слегка утолщен и пологий внутри. После того как сосуд был укреплен на понтии, его отделили от стеклодувной трубки. Край его был обрезан и загнут вовнутрь. Следующим этапом оформления сосуда было нанесение орнамента. На край кружки напаяна стеклянная нить интенсивного синего цвета, а корпус украшен

Рис. 57. Изделия из стекла

1 — сосуд горшковидной формы; 2 — ложка ритона; 3 — флакон; 4 — кружка; 5 — горло графина

орнаментом, выполненным штампом. Орнамент очень четкий и рельефный. Он представляет собой два вписанных друг в друга прямоугольника. Длинные стороны большого прямоугольника имеют широкие валики, оформленные прямоугольными углублениями по девять с каждой стороны. Четко пропечаталась только левая сторона каждого прямоугольника. На правой стороне видны отдельные следы вдавлений. Внутренний прямоугольник заполняет сложный орнамент из валюток и спиралевидных завитков. Ручка припаяна после нанесения орнамента. Первоначальная форма резервуара кружки была цилиндрическая. Грани образовались в результате нанесения орнамента. Именно поэтому устье кружки сохранило круглый план, а грани имеют разный размер и слегка деформированы.

Среди стеклянной посуды Средней Азии подобные кружки не встречаются. Нам представляется, что эта форма была заимствована от металли-

ческой посуды. Подражанием чеканке по металлу является и сложный штампованный орнамент, который крайне редко встречается на стеклянной посуде. Стеклоделие является более молодым ремеслом по сравнению с металлообрабатывающими ремеслами и гончарством. Поэтому вполне закономерно, что образцами для многих форм стеклянных сосудов послужила металлическая и гончарная посуда. Серебряные кружки с граненым резервуаром на коническом поддоне есть в сасанидском металле⁸⁴. Они были известны тюркскому населению Средней Азии и Сибири. Говоря о влиянии тюрков на материальную культуру земледельческих оазисов Средней Азии, нельзя забывать, что контакты земледельческого населения с кочевым тюркоязычным населением были весьма тесными.

Подводя итоги, остановимся на двух моментах.

Первый — орнаментация и отделка поверхности сосудов. Как уже отмечалось выше, найденные изделия имели парадное назначение. Поэтому их отделке и орнаментации уделялось большое внимание. Поверхность большей части изделий хорошо обработана, но орнаментации не имеет. Однако стеклодувам были известны сложные приемы декорирования посуды.

1. Наиболее редким является штампованный орнамент, подражающий чеканке по металлу. В Карабулаке он отмечен только один раз.

2. Орнамент, полученный в результате выдувания в форме, является наиболее простым и наиболее распространенным способом изготовления сосудов сложной формы и орнаментации. Характерный признак этих сосудов — полное соответствие рельефов на внутренней и внешней стороне. Помимо Карабулака сосуды, изготовленные этим способом, найдены в Нисе⁸⁵, Афрасиабе⁸⁶, в Узгене⁸⁷ и других средневековых центрах.

3. Способ орнаментации напаянными стеклянными жгутиками или нитями был весьма широко распространен в Средней Азии. Изделия, украшенные нитями и жгутиками, дали комплексы от IX до XIII в. (Хульбук, Кува, Ниса, Афрасиаб, Узген и др.). Чаще всего они были иного цвета, чем сосуд. Иногда цветное стекло настолько тщательно припаявалось, даже впаивалось в изделие, что невозможно заметить следов наложения. Иногда при изготовлении сосудов применялась комбинация стекол различного цвета. Примером такого приема является флакон, найденный в Калаи-Боло; корпус его из прозрачного стекла, а верхняя часть из синего⁸⁸. Край основания ножки сосуда из Нисы также оформлен другим по цвету стеклом⁸⁹. Видимо, этот прием был распространен в Средней Азии в X—XII вв.

И наконец, последний вопрос — о месте изготовления найденного стекла. В Фергане стеклоделательные мастерские открыты в нескольких пунктах, бывших в средневековье крупными городскими центрами. В Куве печи стеклодува были в шахристане и в рабаде. Работа стеклодельных мастерских датируется здесь XI—XII вв. Но, по мнению Аминджановой, стеклодельная мастерская в шахристане города функционировала в X—XI вв., так как в XII в. все ремесленные мастерские Кувы были сосредоточены в ее рабаде⁹⁰. Стеклоделие установлено в Ахсыкете⁹¹. Очевидно, стеклодельное производство было и в Узгене, где большее количество фрагментированной посуды обнаружено в шурфе на горо-

дище Узген. Помимо изделий из стекла здесь найдены шлаки и куски кварцевой породы ⁹².

Очевидно, стеклодельная мастерская была и на поселении Ана-Кызыл (в 12 км к юго-западу от Узгена), где помимо прекрасных образцов стеклянной посуды найдены куски оплывшего стекла. Очевидно, стеклоделие было и в Андижане ⁹³.

В Карабулаке пока не обнаружены стеклоделательные мастерские. Поэтому для суждения о местном производстве стекла мы располагаем только косвенными свидетельствами. Одним из них является некоторое отличие состава карабулакских стекол от стекол других среднеазиатских областей. Особенностью карабулакских стекол является низкий процент щелочных земель-окисей кальция и магния ⁹⁴. В этом они сходны со стеклами из Узгена, в которых также понижено количество щелочноземельных компонентов ⁹⁵. Но в то же время карабулакские и узгенские стекла отличаются, как это отмечено выше, по содержанию марганца.

Два сосуда обнаруживают сходство по составу со стеклами из района Ташкента (Аблык, Тункет, Минг-Урюк).

Вторым свидетельством является то обстоятельство, что при большом сходстве карабулакской посуды со стеклом из других областей есть в коллекции сосуда, не находящие аналогий среди стеклянных изделий других центров.

И наконец, третье, при раскопках Тепе I в разных горизонтах найдены куски стекломассы — сырья для изготовления посуды.

Но пока это все предположения. И если они подтверждаются новыми и, может быть, более вескими доказательствами, то это будет еще одним свидетельством высокого уровня ремесла и городской культуры в XII в. в глухом горном районе, расположенном вдали от средневековых городских центров и торговых путей.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Орудия труда

1. **Мотыга** имеет прямоугольную рабочую часть, длина ее равна 6 см, ширина 7 см. Длина лезвия равна 7,5 см. Длина орудия 10,5 см. Втулка овальная, разомкнутая (рис. 58, 1).

2. **Топоры**. Найдены три топора различной формы, что позволяет выделить три типа этого орудия.

Тип первый составляют массивные топоры с узким обухом и широкой рабочей частью, утолщенной в средней части, утоньшенным к лезвию и обушку. Обухок скруглен (рис. 58, 3).

Тип второй представлен массивными топорами с расширяющимся к лезвию рабочим краем, нижний конец которого оттянут. Обухок уплощен и имеет прямоугольную форму. С торца форма обуха прямоугольная с утолщением у проушины (рис. 58, 2).

Третий тип представлен топорами с трапецевидной расширяющейся к лезвию рабочей частью. Обухок уплощен и имеет прямоугольную форму (рис. 58, 4).

Топоры — очень редкая находка на средневековых городищах Средней Азии. В коллекциях Музея истории и культуры Узбекистана имеется несколько топоров. Происхождение их неизвестно.

3. Серпы являются наиболее интересной находкой. Об их форме можно судить по экземпляру, найденному в одном из помещений I периода. Он представляет собой тонкую треугольную в сечении пластину, один край которой заострен. Другой конец, к которому должна прикрепляться рукоятка, загнут. Кривая лезвия серпа близка к эллипсу, но часть у рукоятки имеет больший изгиб, чем у конца. Длина лезвия по хорде равна 27 см (рис. 59, 10). Большое количество обломков аналогичных серпов было найдено при раскопках первого буддийского храма на Ак-Бешимском городище, в слоях, связанных с разрушением храма и относившихся ко II и III строительным горизонтам⁹⁶, и в слоях VII—VIII вв. на городище Пенджикент⁹⁷. На городище Муңчак-тепе в слое XI—XII вв. обнаружен целый серп, аналогичный серпу с Карабулакского городища⁹⁸.

Ножи. Все ножи отличаются друг от друга, что дает возможность выделить каждый из них в самостоятельный тип.

1. Большой черешковый нож, из помещения № 11, однолезвийный, имеет треугольное сечение. Спинка его прямая. Лезвие также прямое. Черешок образует угол с клинком. Общая длина равна 25 см. Длина черешка 5 см (рис. 59, 1).

2. Нож черешковый, однолезвийный. Длина его 15,5 см. Клинок имеет треугольное сечение. Спинка с небольшим прогибом. Лезвие прямое, скругляется к концу. Конец слегка загнут. Край лезвия у черешка оттянут и образует небольшой уступ. На черешке сохранились следы дерева от рукоятки (рис. 59, 5).

3. Нож плохой сохранности найден в помещении № 11. Он также однолезвийный. Клинок его имеет треугольное сечение. Спинка и лезвие изогнуты. Черешок не сохранился. Клинок согнут (рис. 59, 6).

4. Небольшой черешковый нож найден в верхнем слое, в северном углу раскопа. Он также однолезвийный и имеет прямую спинку и прямое лезвие. Общая длина ножа 8,1 см. Длина черешка 2,4 см (рис. 59, 3).

5. Нож длинный, узкий, однолезвийный, с изогнутой спинкой. Лезвие также изогнуто, но это, вероятно, является результатом сработанности. Длина ножа 17 см, сохранившаяся длина черешка 2 см (рис. 59, 8).

Формы ножей довольно обычные, и все они находят широкие аналогии среди изделий этой категории, происходящих с других средневековых памятников Средней Азии.

6. Кыпкыр имеет форму лопатки с овальной рабочей частью. Ручка длинная витая. Среди археологических находок этот предмет неизвестен. Но кыпкыры распространены в настоящее время у киргизов и узбеков и применяются для размешивания пицци при приготовлении (рис. 59, 27).

7. Бритвы. Есть всего один экземпляр, сделанный из плоской треугольной пластины. Лезвие прямое, обушок изогнут и слегка утолщен (рис. 59, 14).

8. Подковы имеют овальную форму. Изготавливались из плоских пластин, утоньшенных к загнутым концам, выполнявшим роль шипов, в середине находился третий шип (рис. 59, 22—25).

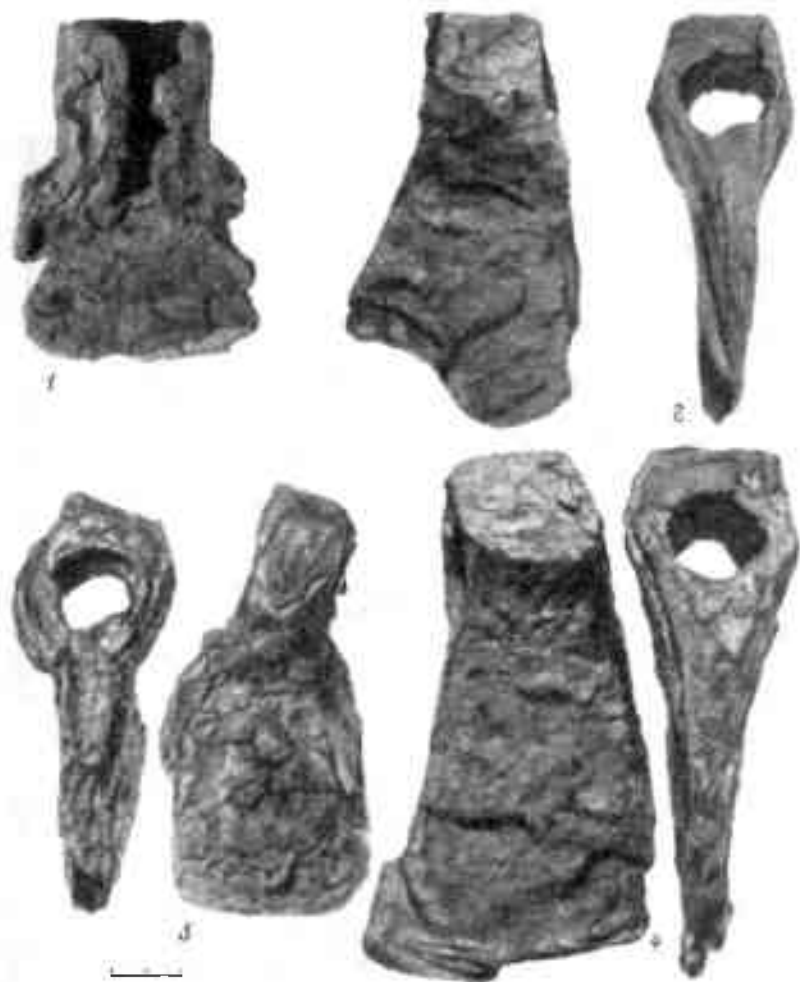

Рис. 58. Орудия труда
1 — мотыга; 2—4 — топоры

9. Скобы, гвозди. Для скрепления деревянных конструкций использовались скобы и гвозди. Скобы делались из четырехгранных в сечении стержней, их концы загнуты. Гвозди имеют разные размеры и разную форму. Большие гвозди четырехгранного сечения, шляпки прямоугольные. Небольшие гвозди (размером 2,5—2 см) бывают как четырехгранного, так и круглого сечения. Формы шляпки неправильные — овальные, круглые, подчетыреугольные (рис. 59, 21).

10. Кресало имеет подтреугольную форму и прямой рабочий край (рис. 59, 15).

Рис. 59. Изделия из железа (1-27)

Предметы вооружения

Типология и хронология средневекового вооружения являются одними из наименее разработанных областей среднеазиатской археологии. Объясняется это сравнительно небольшим количеством находок этой группы вещей на средневековых городищах и почти полным их отсутствием в погребениях. Не способствует изучению вооружения отсутствие сколько-нибудь полной публикации находок. В самом деле, относительно полно опубликованы только стрелы из Пенджикентских раскопок. О находках стрел на средневековых памятниках Ферганы нам ничего неизвестно. На памятниках других районов, судя по публикациям, находки их единичны.

Предметы вооружения представлены двумя категориями находок — стрелами и одним кинжалом.

Стрелы по форме боевой части могут быть разделены на три типа, каждый из которых включает несколько вариантов.

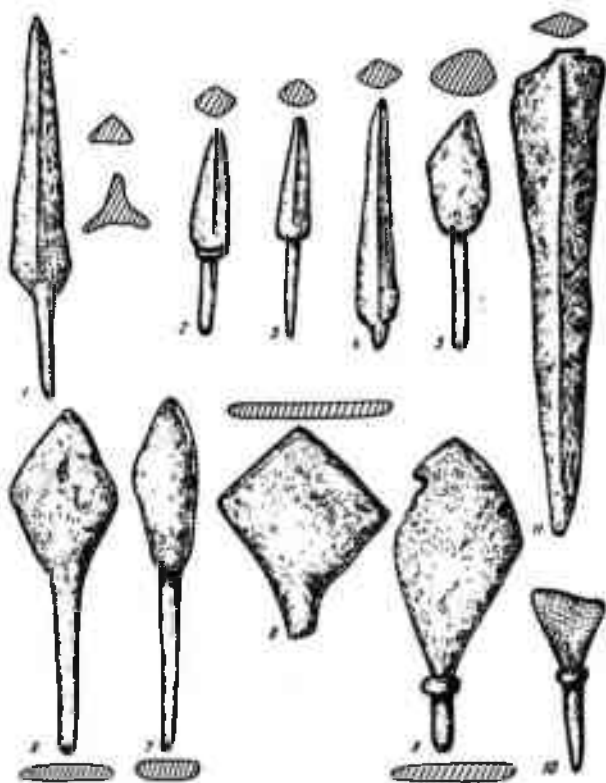

Рис. 60. Предметы вооружения (1—11)

Первый тип представлен крупными трехлопастными наконечниками и включает два варианта.

К варианту *a* относятся наконечники, имеющие трехлопастное сечение как у черешка, так и у бойка.

Вариант *б* составляют крупные удлиненных пропорций наконечники стрел, нижняя часть которых имеет трехлопастное сечение, верхняя — трехгранное (рис. 60, 1).

Второй тип составляют наконечники стрел, боевая часть которых имеет ромбическое сечение. Этот тип включает четыре варианта: вариант *a* — ромбические пирамидальные наконечники (т. е. плавно расширяющиеся от бойка к черешку); в нижней части около черешка боевая часть рассечена поперечной глубокой бороздкой (рис. 60, 2). Вариант *б* — ромбические пирамидальные наконечники стрел небольшого размера (рис. 60, 3). Вариант *в* — ромбические пирамидальные наконечники стрел удлиненных пропорций (60, 4). Вариант *г* — ромбические бипирамидальные наконечники небольшого размера (рис. 60, 5).

Третий тип составляют плоские наконечники стрел. Этот тип включает четыре варианта. Вариант *a* — плоские ромбические наконечники, нижняя часть которых плавно переходит в круглый в сечении черешок (рис. 60, 6).

Вариант *б* — ромбические почти квадратные наконечники (рис. 60, 8). Вариант *в* — чечевицеобразные в сечении ромбы вытянуты в длину, а углы его слегка скруглены. Форма приближается к лавролистной (рис. 60, 7). Вариант *г* — наконечники неправильной ромбической формы, к черешку они более вытянуты, чем к острию. Черешок, круглый в сечении, у основания имеет пояс, отделяющий его от боевой части (рис. 60, 9, 10).

Как уже указывалось выше, стрелы — не очень частая находка на средневековых городищах Средней Азии. Поэтому очень трудно проследить их эволюцию. Трехлопастные стрелы являются наиболее ранними из всех найденных. Их эволюцию можно проследить на протяжении почти полутора тысяч лет. Развитие этой формы наконечников стрел шло по линии увеличения их размеров, что исследователи связывают с изменением доспеха⁹⁹. Наиболее ранними находками этого типа стрел являются наконечники из подбойно-катакомбных курганов первых веков н. э.¹⁰⁰ На средневековых памятниках они найдены на Ак-тепе близ Ташкента¹⁰¹, в Пенджикенте¹⁰². Наиболее поздними являются наконечники стрел из первого буддийского храма в Ак-Бешиме¹⁰³. Свообразную форму представляют собой стрелы варианта «б» I типа из Карабулака. Они являются как бы сочетанием двух форм — трехлопастной и трехгранной бронебойной.

Пулевидные ромбические в сечении стрелы найдены в Пенджикенте (в слое VII—VIII вв.), в замке на горе Муг¹⁰⁴, в Семиречье, в тюркских захоронениях с конем (VI в.)¹⁰⁵. Наконечники этой формы найдены в слое X в. в первом буддийском храме в Ак-Бешиме¹⁰⁶. А. И. Тереножкин приписывает этим стрелам западное происхождение и склонен связывать их появление в Средней Азии с арабским нашествием¹⁰⁷.

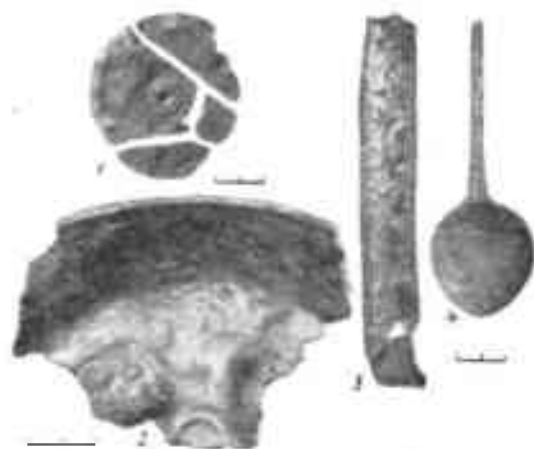

Рис. 61. Изделия из серебра и бронзы (1—4)

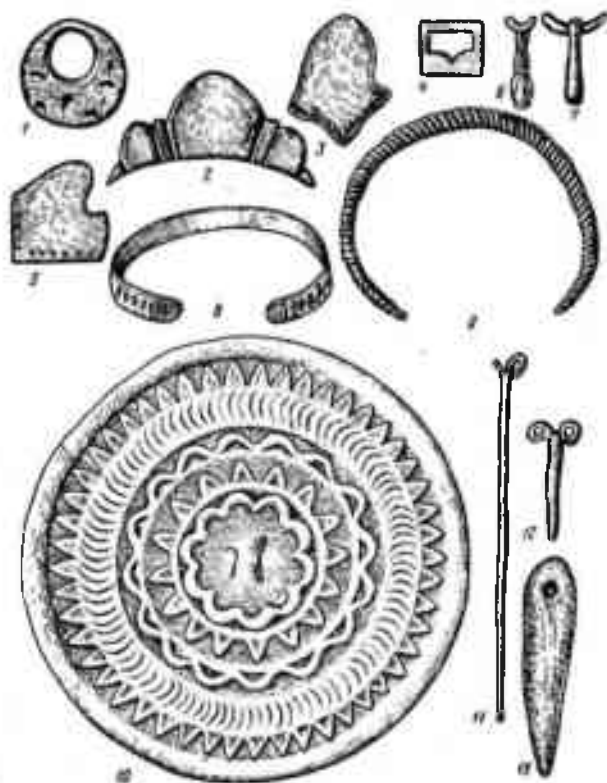

Рис. 62. Предметы украшения и туалета (1—12)

Другие исследователи, оспаривая точку зрения А. И. Тереножкина, считали их восточными и объясняли их проникновение в Среднюю Азию тюркским влиянием¹⁰⁸. Находки четырехгранных стрел на доарабских памятниках опровергают точку зрения А. И. Тереножкина. Но и второе предположение (о тюркском происхождении этой формы стрел) нельзя считать доказанным в связи с их находками на памятниках, предшествовавших распространению тюркского влияния в Средней Азии (Карабулакский могильник, Боркорбаз и др.)¹⁰⁹.

Плоские ромбические наконечники найдены на городище Баба-Ата (в северных предгорьях Каратау)¹¹⁰.

В Минусинской котловине подобной формы стрелы есть в Тюхтятском кладе (X—XI вв.)¹¹¹. Плоские ромбические наконечники известны в Средней Азии и в монголо-тимуридское время¹¹².

Появление плоских стрел и вытеснение ими трехлопастных стрел Г. А. Пугаченкова пытается объяснить чисто техническими причинами — легкостью их изготовления по сравнению с изготовлением трехлопастных стрел сложного профиля¹¹³.

Кинжалы представлены одним экземпляром, имеющим ромбическое сечение. Черешок не сохранился (рис. 60, 11). Кинжалы подобной формы на средневековых памятниках Средней Азии нам неизвестны. На Алтае же они встречены в кочевнических курганах VII—IX вв.¹¹⁴ Кинжалы, аналогичные карабулакскому, есть в Тюхтятском кладе, датированном Л. А. Евтюховой IX—X вв.¹¹⁵

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СВИНЦА

1. Фрагмент чаши из пластины. Утолщенный край ее неровен. На дне небольшое круглое углубление. Из-за плохой сохранности чаши трудно судить о ее форме. Может быть, волнистый край является результатом деформации чаши (рис. 61, 2).

2. Круглый предмет из свинцовой пластины толщиной около 1,5 мм. Диаметр равен 5 см, в центре его находится небольшое углубление, окруженное двумя концентрическими кругами. Вся поверхность заштрихована пересекающимися линиями (рис. 61, 1). Вдоль края пластины на равном расстоянии друг от друга располагаются маленькие сквозные отверстия. Весьма вероятно, что описанный предмет являлся чашечкой весов.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

Из бронзы изготавливались предметы различного назначения. Чаще всего это детали конской сбруи и поясов.

1. Прямоугольные небольшие обоймочки с загнутыми краями, вдоль одной из длинных сторон удлиненное прямоугольное отверстие, с оборотной стороны — два или три штыря для прикрепления. Подобные пластины были широко распространены в Средней Азии с VI—VII вв. В частности, они известны среди бронзовых изделий Пенджикента¹¹⁶, Ак-Бешима¹¹⁷ (рис. 62, 4).

2. Плоский предмет сделан, очевидно, путем отливки в форме. Пластинка имеет форму части овала, край которой составляет дуга, а другой оформлен тремя скругленными зубцами (в середине — большой, по краям — маленькие). Средний зубец отделен от крайних попарно расположенными линиями; к концам пластина утоньшена (рис. 62, 2).

3. Плоские пластины, предназначавшиеся, очевидно, для оковки. На одной пластине трапецевидной формы вдоль края — отверстия, пробитые гвоздями, четыре бронзовых гвоздя сохранились (рис. 62, 3).

4. Прямоугольная плоская пластинка, по углам которой маленькие отверстия для прикрепления к поясу. Вдоль края — орнамент в виде маленьких углублений, сделанных штампом (рис. 62, 5).

5. Круглая пластина, сделанная путем отливки в форме. Края ее загнуты, в верхней части круглое отверстие. Характер орнамента из-за плохой сохранности неясен. С обратной стороны пластина имеет два штыря для прикрепления (рис. 62, 1).

6. Целая серия колец различных размеров и различной техники изготовления; часть их сделана из загнутых пластин и имеет разомкнутые концы. Часть выполнена путем отливки в форме.

7. Булавки, сделанные из четырехгранного стержня, верхний конец которого разделен на две загнутые полосы, образующие два завитка (рис. 62, 11, 12).

8. Ложка овальной формы с узкой длинной ручкой, украшенной насечкой (рис. 61, 4).

ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ И ТУАЛЕТА

Бусы являются наиболее многочисленной категорией этой группы предметов. По материалу, технике изготовления и форме можно выделить несколько групп бус. Наиболее многочисленными являются бусы из непрозрачной стеклянной пасты. Кроме них, были в обиходе стеклянные и каменные бусы. Последние представлены изделиями из коралла и сердолика (рис. 63).

1. Коралловые украшения представлены двумя предметами: а) небольшой цилиндрической бусиной и б) привеской в виде веточки.

2. Сердоликовые бусы имели различную форму, что позволяет выделить шесть их типов: тип первый — мелкие шаровидные; тип второй — крупные цилиндрические; тип третий — крупные призматические; тип четвертый — крупные бипирамидальные, восьмигранные; тип пятый — крупные усеченно-бипирамидальные, сплюснутые сверху и снизу (четырнадцатигранные); тип шестой — усеченно-бипирамидальные двенадцатигранные.

3. Бусы из кашпана, покрытые бирюзовой поливой, имеют различные размеры и очень небрежно изготовлены. Форма их чаще всего неправильная шаровидная, сплюснутая, чечевицеобразная, коническая.

4. Стеклянные бусы изготовлены из полупрозрачного зеленоватого и голубоватого стекла и представлены двумя типами: тип первый — мелкие цилиндрические; тип второй — мелкие усеченно-биконические.

5. Бусы из непрозрачной стеклянной массы, как уже отмечено выше,

наиболее многочисленны. Они дают большое разнообразие форм. Здесь почти каждая бусина представляет самостоятельный тип. Наиболее устойчивым признаком является характер орнаментации. Поэтому берем его за основу при выделении типов. Форма же бус будет характеризовать различные варианты типов.

1. Тип I составляют глазчатые бусы с нерельефными глазками:

а) вариант первый — бочонковидные бусы, цвет основной массы различен, в основном он темный, глазки синие или зеленые, контур голубой или белый.

б) вариант второй — бусы усеченно-бипирамидальной формы, причем одна пирамида имеет вытянутые пропорции, другая, наоборот, — уплощенные. Восемь ее граней украшены инкрустацией из голубого стекла, имеющей обрамление белого и коричневого цвета.

2. Тип II — бусы с рельефными глазками. Единственная бусина этого типа имеет цилиндрическую форму. Она изготовлена из черной пасты, глазки желтые.

3. Тип III — бусы из переплетенных цветных нитей. Он включает семь вариантов:

а) крупные шаровидные бусы, немного сплюснутые с одной стороны. Одна из бус этого варианта сделана из ярких нитей красного, желтого, белого, черного, терракотовых цветов;

б) бочонковидные бусы из переплетающихся черных и белых нитей;

в) небольшие шаровидные бусы, слегка уплощенные сверху и снизу (нити желтые, белые, черные);

г) крупные усеченно-бипирамидальные, орнамент в виде зигзагообразных нитей располагается посередине бусины;

д) мелкие уплощенные пирамидальные (из черной пасты с зигзагообразной белой нитью);

е) каплевидная привеска имеет в верхней уплощенной части перемычку, в которой находится поперечное отверстие для нити. Нити белые, зеленые, терракотовые.

Набор бус обычен для средневековых памятников Средней Азии. Особенно широкие аналогии имеют кашинные бусы, покрытые голубой поливой. Наиболее близкими аналогиями являются бусы из Мунчак-тепе ¹¹⁸.

Привески. Большой интерес представляют три медальоновидные привески. Одна из них целая. Она овальной формы, в верхней части находится ушко для подвешивания. Нижняя часть заканчивается небольшим треугольным выступом. Голубая полива не сохранилась. Орнамент неясен. Очевидно, предмет является браком производства. Привеска найдена в верхнем слое (рис. 63, 21).

От трех других привесок сохранились лишь нижние их части. Привески сделаны отливкой в форме и украшены штампованным орнаментом, покрыты голубой поливой (рис. 63, 23).

Привески имеют широкий ареал. Они есть среди украшений с городища Языр (Южная Туркмения) ¹¹⁹, в средневековом слое Мунчак-тепе ¹²⁰. Они найдены в Керкидонском оазисе при раскопках на Чун-тепе в слое

Рис. 63. Бусы, привески (1—23)

XII в.¹²¹ Медальоноподобные привески из кашина встречаются также на средневековых памятниках Грузии¹²².

Серьги. Найлены фрагменты двух бронзовых серег. Обе они имели конусовидные подвески, которые неподвижно прикреплялись к кольцу. Подвеска одной серьги украшена поперечными бороздками и заканчивается утолщением грушевидной формы (рис. 62, 7). Подвеска другой серьги украшена лепестковидными рельефами, расположенными в два яруса, по три в каждом ярусе. В верхней части подвески — шаровидное утолщение. Внизу — небольшой цилиндрический выступ (рис. 62, 6). Ареал серег с подвесками весьма широк. Их неоднократно находили в кочевнических погребениях Подонья и Приазовья. Распространение их здесь связывается исследователями с продвижением тюркских племен, распространением в степях Подонья салтовской культуры. Н. Я. Мерперт относит появление серег с кашлевидными подвесками к V—VII вв. Но в это время они представлены единичными находками. На следующих двух этапах (III и IV), которые Н. Я. Мерперт датирует соответственно VII—VIII и VIII—IX вв., серьги с подвесками получили наиболее широкое распространение¹²³. Этим же временем датирует подобные серьги из Дмитровского могильника С. А. Плетнева¹²⁴. Серьги с неподвижными подвесками, как полагает С. А. Плетнева, являются более ранними, чем серьги с подвижной подвеской.

Серьги с кашлевидными подвесками из могильника Кудыргэ А. А. Гаврилова датирует VI—VII вв.¹²⁵ Серьги с подвижной подвеской из могильника Катанда П. А. А. Гаврилова относит к следующему этапу, который она датирует VII—VIII вв.¹²⁶

Наиболее ранние среднеазиатские находки серег с подвесками происходят из усуньских курганов Южного Казахстана и долины Или ¹²⁷.

В одном из курганов могильника Кара-Шаар (Южный берег Иссык-Куля), принадлежавшем поздним усуням, найдена одна серьга.

Л. П. Зяблин сопоставляет эту находку с аланскими серьгами и относит ее к V—VII вв. ¹²⁸

Большая часть ферганских серег обнаружена в погребениях первой половины I тысячелетия н. э. (Боркорбаз, Карабулак, Мааша, Кызыл-Туу, Джангаил, Ворух, Хозина-хана). Только на двух поселениях (Ашт ¹²⁹ и Кайнават ¹³⁰) найдены серьги. Б. А. Литвинский выделяет два типа серег с подвесками. К IV типу он относит серьги с неподвижными подвесками в виде грозди из четырех или трех полых шариков, а к VI типу — серьги с неподвижными каплевидными привесками и сопоставляет их с серьгами салтовского типа. На сходство серег этого типа с салтовскими в свое время обращал внимание А. Н. Бернштам ¹³¹.

На городищах других областей Средней Азии находки серег единичны. Наибольшее количество их (24 штуки) происходит из Пенджикента. В. И. Распопова, занимавшаяся их классификацией, выделяет 7 групп серег, четыре из которых имеют подвески: I — несомкнутое кольцо с отростком в верхней части и с кольцом для подвески; II — несомкнутое кольцо с подвеской; V — несомкнутое кольцо с утолщением посередине, переходящим в неподвижную подвеску; VI — несомкнутое кольцо с утолщением посередине, к нему примыкает кольцо для подвески ¹³². По мнению В. И. Распоповой, наиболее ранними из перечисленных групп являются серьги I группы: они появляются в начале VIII в. и бытуют до 70-х годов VIII в. Серьги трех остальных групп бытуют, по мнению, В. И. Распоповой, с середины VIII в. и до гибели города ¹³³. Сходны с пенджикентскими серьги из Ак-Бешима, где они найдены на двух объектах ¹³⁴. Карабулакские серьги отличаются от всех остальных ферганских или формой подвески, или же способом изготовления. Серьги из Карабулака, видимо, следует сравнивать с Пенджикентскими серьгами, выделенными В. И. Распоповой в V группу и имеющими неподвижную удлиненную подвеску из двух шариков, отлитую вместе с серьгой, а также с серьгами VI группы с удлиненной каплевидной привеской ¹³⁵.

Как видим, карабулакские серьги находят аналогии только в ранне-средневековых материалах и не имеют себе подобных в материалах XII в. Видимо, они являются самыми поздними среднеазиатскими находками серег с привесками.

Вопрос о происхождении среднеазиатских серег с подвесками поднимался неоднократно. А. Н. Бернштам называл их серьгами салтовского типа ¹³⁶. А. И. Тереножкин ¹³⁷ — алано-хазарскими, Л. П. Зяблин — аланскими. Тем самым как бы устанавливалась связь между среднеазиатскими находками и восточноевропейскими. Б. Я. Ставиский объяснял распространение в Средней Азии серег с подвесками связями с Хазарией ¹³⁸. В. И. Распопова, оспаривая точку зрения Б. Я. Ставиского, указывает на некоторые отличия пенджикентских серег от салтово-маяцких (пропорции, расположение отростка, форма привески), которые, по ее мнению, не дают возможности вести происхождение средне-

азиатских серег от салтово-маяцких¹³⁹. Но, на мой взгляд, эти отличия несущественны и непринципиальны, и не они в данном случае решают сложный вопрос происхождения среднеазиатских серег с подвесками. Здесь уместнее было бы вспомнить, что наиболее ранние находки серег этой формы происходят из восточных районов Средней Азии и Казахстана¹⁴⁰. Они были распространены у тюрков Алтая уже в VI—VII вв.¹⁴¹ Л. Р. Кыласов называет серги с привесками типично кочевническими¹⁴².

Тюркское влияние на Среднюю Азию было длительным и многообразным. На протяжении нескольких столетий многими областями Средней Азии (в том числе и Ферганой) правили тюркские династии. Тюрки влияли на все стороны духовной и материальной культуры среднеазиатских народов. Распространение здесь серег с подвесками было одним из проявлений этого влияния.

Браслеты. Один браслет сделан из четырех довольно толстых перевитых проволок. Он имеет круглое сечение. К концам утоншен. Самые концы обломаны, что не дает возможности судить об их форме (рис. 62, 9). Бронзовые витые браслеты с других памятников Средней Азии нам неизвестны. Серебряные витые браслеты, концы которых заканчиваются изображениями змей, найдены в нескольких пунктах Средней Азии. В частности, один браслет найден на Александровском городище в Чуйской долине¹⁴³. Два браслета происходят из Чиназа¹⁴⁴. И наконец, четвертый браслет найден на поселении у с. Урта Аул Средне-Чирчикского района¹⁴⁵. Все браслеты датируются IX—XII вв.

Другой браслет, имевший овальную форму, сделан из согнутой бронзовой пластины. Внутри проложен стержень из бронзовой пластины. Край браслета отогнуты, образуя утолщения, имитирующие, вероятно, головки змей. Внешняя сторона браслета украшена штампованным орнаментом в виде коротких поперечных штрихов. Ширина браслета 0,7 см. Наибольший диаметр равен 5,2 см (рис. 62, 8).

Бронзовое круглое зеркало, имеющее прекрасную сохранность. Утолщенный его край образует бортик шириной в 0,7 см. Петельчатая ручка прикреплена в центре зеркала. Вокруг ручки пятью поясами, разделенными концентрическими кругами-бороздками, располагается орнамент. Зеркало сделано путем отливки в форме и, судя по нечетному орнаменту, оно представляет собой копию (рис. 62, 10). Плоские круглые зеркала, с петельчатой ручкой и богато украшенные орнаментом, были широко распространены на Востоке. На средневековых городищах Средней Азии зеркала являются редкой находкой.

АЛЕБАСТРОВЫЕ СТОЛИКИ

При зачистке полов в помещениях 2-го строительного горизонта найдены фрагменты круглых алебастровых столиков, имеющих массивную площадку и три конусовидные ножки (рис. 64, 1, 2). В основном это крупные экземпляры, имеющие диаметры 0,7—1 м. Но есть один маленький столик или подставка, диаметр которого не превышает 22 см.

Рис. 64. Алебастровые столики (1—2); жернов (3); каменные орудия труда (4—5)

Их бытовое назначение несомненно. Это подчеркивается тем, что столики найдены в жилых помещениях, и как правило, у очагов.

Находки из Карабулака не уникальны. Алебастровые столики найдены на многих памятниках Ферганской долины. Они есть на поселении VI—VIII вв. Калай-Муг¹⁴⁶. Фрагменты от алебастровых столиков есть в подъемном материале с поселений Булак-Баши и Рават. Большое количество фрагментов алебастровых столиков найдено в 1960 г. при раскопках помещений VI—VIII вв. на поселении Ак-тепе (Баткенский район)¹⁴⁷. На городище Мунчак-тепе в слое XI—XII вв. найден массивный алебастровый столик на трех конусовидных ножках. Алебастровые столики найдены также в Пенджикенте и Афрасиабе. Это позволяет судить о широ-

ком распространении и бытовании их в Уструшане, Фергане и Согде в VI—XII вв. Но большая часть находок столиков связана с районами юго-западных предгорий Ферганы. Может быть, это дает возможность предположить, что они были характерны в большей степени для материальной культуры именно этой области.

- ¹ Фонды Андижанского областного краеведческого музея, Анд., 58/1270.
- ² Фонды Отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа.
- ³ Фонды Андижанского областного краеведческого музея, Анд58/Ам2774
- ⁴ *Е. А. Давидович, В. А. Литвинский.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 101, рис. 47, 1, 2.
- ⁵ *Н. С. Гражданкина.* К истории керамического производства Средней Азии. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 174.
- ⁶ *В. И. Козенкова.* Гончарная печь из Хвля. СА, 1958, № 3, стр. 220—221.
- ⁷ *J. C. Gardin.* Céramiques et Monnaies de Lashkary Bazar et de Bust. MDFAA, vol. XVIII, 1953, p. 35.
- ⁸ *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 56.
- ⁹ Там же, стр. 60.
- ¹⁰ *Ф. А. Бурнашева.* К вопросу использования химико-технологических методов при изучении керамики (котлов) средневековья. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 170.
- ¹¹ Там же, 168—171; *Э. В. Сайко.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, стр. 29.
- ¹² *Ф. А. Бурнашева.* Указ. соч., стр. 168.
- ¹³ *Н. И. Едаков.* Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде. «Природа», 1951, № 8 стр. 75.
- ¹⁴ *Ф. А. Бурнашева.* Указ. соч., стр. 169.
- ¹⁵ *Э. В. Сайко.* История технологии . . . , стр. 29.
- ¹⁶ *Н. Н. Вактурская.* Классификация средневековой керамики Хорезма. «Труды ХАЭЭ», т. IV, М., 1959, стр. 284.
- ¹⁷ *Э. В. Сайко.* История технологии . . . , стр. 31.
- ¹⁸ *Ф. А. Бурнашева.* Указ. соч., стр. 171.
- ¹⁹ *И. Азраров.* Керамика Ферганы IX—XII вв. Ташкент, 1966, стр. 10—11. Автореф. канд. дисс.; *он же.* Кухонная керамика Ферганы. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 129.
- ²⁰ *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство . . . , стр. 140, 141, рис. 38, 5.
- ²¹ Пшеница определена в лаборатории естественных методов НА АН СССР Н. А. Кирьяновой.
- ²² *И. Азраров.* Кухонная керамика . . . , стр. 127, рис. 1.
- ²³ Фонды Отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа; Фонды Андижанского краеведческого музея.
- ²⁴ Фонды Ферганского краеведческого музея.
- ²⁵ *М. К. Пачос.* К изучению стен городища Афрасиаб. СА, 1967, № 1, стр. 67, рис. 7, 7.
- ²⁶ *И. Азраров.* Кухонная керамика . . . , стр. 127—131.
- ²⁷ *И. Азраров.* Керамика Ферганы . . . , стр. 11.
- ²⁸ *И. Азраров.* Кухонная керамика . . . , стр. 126.
- ²⁹ Там же, стр. 130.
- ³⁰ *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 99, рис. 12, 32, стр. 105; *М. Воронец.* Археологические исследования 1937—1939 гг. в Узбекской ССР. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 337, рис. 15.
- ³¹ *С. П. Толстов.* Работа Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 245, рис. 119.
- ³² «Древности Чардары». Алма-Ата, 1969, стр. 210, табл. XII, рис. 4.
- ³³ *Ю. А. Заднепровский.* Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 97, рис. 56; стр. 119, рис. 7.
- ³⁴ *Ю. Д. Баруздин.* Карабулакский могильник. «Иzv. АН Кирг. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3 (история). Фрунзе, 1961, стр. 75, табл. IX.
- ³⁵ «Древности Чардары», рис. 20, 41, 42; рис. 21, 35.
- ³⁶ *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство . . . , стр. 276.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, стр. 256.
- ³⁹ *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство . . . , стр. 59.
- ⁴⁰ Там же, стр. 58, 59.
- ⁴¹ Там же, стр. 254, 255, рис. 71, 3.
- ⁴² Там же, стр. 03.

- ⁴³ Там же, стр. 303.
- ⁴⁴ Там же, стр. 304.
- ⁴⁵ Там же, стр. 302.
- ⁴⁶ Там же, стр. 68.
- ⁴⁷ Там же, стр. 302.
- ⁴⁸ *И. Ахраров. Кухонная керамика...*, стр. 128.
- ⁴⁹ Блюда с аналогичным орнаментом найдено в Афганистане на городище Lashkary Bazar. См.: *J. C. Gardin. Céramiques et Monnaies...*, p. 117, рис. 40. Блюда с таким орнаментом обнаружены также в Самарканде (Фонды Республиканского музея истории культуры узбекского народа, А-49-53) и на городище Чун-тепе в южных предгорьях Ферганы (Фонды Ферганского краеведческого музея).
- ⁵⁰ *J. C. Gardin. Céramiques et Monnaies...*, p. 57.
- ⁵¹ *F. Sarre. Die Keramik von Samarra. «Die Ausgrabungen von Samarra», Bd. II, Berlin, 1925, tabl. XXXII.*
- ⁵² *Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк...*, стр. 101.
- ⁵³ Не опубликованы, хранятся в Отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.
- ⁵⁴ *F. Sarre. Die Keramik von Samarra. «Die Ausgrabungen von Samarra».*
- ⁵⁵ *J. C. Gardin. Céramiques et Monnaies...*, p. 117; *он же. Potteries de Bactrian. Ars Orientalis II, 1957, p. 232, 233.*
- ⁵⁶ *В. А. Крачковская. Рецензия на труд F. Sarre «Die Keramik von Samarra». ЗВК, т. II, вып. 1. Л., 1926.*
- ⁵⁷ *О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VII—XII вв. как историко-культурный памятник. Л., 1954. Автореф. канд. дисс.*
- ⁵⁸ *J. C. Gardin. Céramiques et Monnaies...*, p. 136.
- ⁵⁹ Ташходжаев в статье «Поливная керамика Афрасиаба половины XII века — начала XIII в.» (в кн. «Научные работы и сообщения», кн. 5. Ташкент, 1962, стр. 197—211) в основном уделяет внимание керамике с расписным орнаментом; об интересующей нас группе он говорит, что она есть, но не дает ей характеристику.
- ⁶⁰ *Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк...*, стр. 115.
- ⁶¹ *А. А. Абдуразаков. Средневековые стекла Кувы. «Научные работы и сообщения ООН АН Узб. ССР», кн. 7. Ташкент, 1966, стр. 237—245; А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966, стр. 82; А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделане Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 165—166.*
- ⁶² *А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 166.*
- ⁶³ *А. А. Абдуразаков. Средневековые стекла Кувы, стр. 237—245.*
- ⁶⁴ *Е. А. Давидович. Стекло Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949, стр. 373—398; М. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961; стр. 241—254; она же. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 87—100; она же. Средневековое стекло Мавераннахра. Ташкент, 1962. Канд. дисс.; Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1961, № 1 (24), стр. 11—24; А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Указ. соч.*
- ⁶⁵ *Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук, стр. 13, 14, рис. 2, 1.*
- ⁶⁶ *М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда, стр. 92.*
- ⁶⁷ *И. Ахраров. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы. «Изв. АН Узб. ССР», серия общественных наук, 1960, № 4.*
- ⁶⁸ *Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк...*, стр. 101, 102, рис. 48, 3.
- ⁶⁹ *М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды...*, стр. 91—92; *А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 167.*
- ⁷⁰ *Е. А. Давидович. Стекло Нисы, стр. 374—378.*
- ⁷¹ *Е. М. Пещерева. Гончарное производство...*, стр. 295.
- ⁷² *Э. Гулямова. Указ. соч., стр. 19, рис. 4, 4.*
- ⁷³ *В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, табл. IX.*
- ⁷⁴ *Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк...*, рис. 55, 6; 56.
- ⁷⁵ Фонды Отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа, № СА-7901.
- ⁷⁶ Фонды Отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа, № СА-7887.
- ⁷⁷ *В. А. Шишкин. Варахша. М., 1966, стр. 78.*
- ⁷⁸ *М. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах, стр. 241—246.*
- ⁷⁹ Там же, стр. 241; см. также: *М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды...*, стр. 96.
- ⁸⁰ Хранятся в фондах Апдиканского областного краеведческого музея.
- ⁸¹ Фонды Отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа, экспозиция.

- ⁸² М. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах. . . , стр. 245.
- ⁸³ Фонды Отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа.
- ⁸⁴ К. В. Тревер, И. А. Орбели. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 56.
- ⁸⁵ Е. А. Давидович. Стекло Нисы, стр. 386.
- ⁸⁶ М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды. . . , стр. 99; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 167.
- ⁸⁷ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г., стр. 239, рис. 58, 9.
- ⁸⁸ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 101—105, рис. 48, 2.
- ⁸⁹ Е. А. Давидович. Стекло Нисы, стр. 383.
- ⁹⁰ М. Аминджанова. О производстве стеклянных изделий в Куве. «Научные работы и сообщения», кн. I. Ташкент, 1960, стр. 83; И. Азраров. Средневековые стеклянные бокалы. . .
- ⁹¹ И. Азраров. Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 8.
- ⁹² Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г., стр. 240.
- ⁹³ А. А. Абдураваков, М. А. Безбородов. Средневековые стекла Средней Азии, стр. 83—85.
- ⁹⁴ Спектральный качественный анализ 29 образцов сделан в археологической лаборатории кафедры археологии МГУ Ю. Л. Шаповой, которой, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность.
- ⁹⁵ А. А. Абдураваков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, стр. 166.
- ⁹⁶ Л. Р. Кыласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 221, рис. 48, 8, 10.
- ⁹⁷ А. М. Беленицкий. Археологические раскопки в Пенджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1954, рис. 4, 9, 10.
- ⁹⁸ Гос. Эрмитаж. Экспозиция Отдела Средней Азии.
- ⁹⁹ Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 81—82.
- ¹⁰⁰ С. С. Сорокин. Боркорбааский могильник. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. Л., 1962; т. II, табл. XV; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. «Изв. АН Кирг. ССР», вып. III (3), 1961, стр. 63, рис. 12.
- ¹⁰¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Ташкент, 1941, стр. 132, рис. 25, 0; он же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, рис. 69, XXI, 21—24.
- ¹⁰² А. И. Тереножкин. Раскопки в Кухендизе Пенджикента. МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 42; Б. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в Кухендизе Пенджикента. МИА, № 15. М., 1950, стр. 97, 98, табл. 39, 14, 17; А. М. Беленицкий. Результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, № 66. М., 1958, стр. 137, рис. 36.
- ¹⁰³ Л. Р. Кыласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.
- ¹⁰⁴ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник». М., 1934, стр. 27.
- ¹⁰⁵ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии. Фрунзе, 1943, стр. 18.
- ¹⁰⁶ Л. Р. Кыласов. Археологические исследования на стр. 222, рис. 49.
- ¹⁰⁷ А. И. Тереножкин. Раскопки в Кухендизе Пенджикента, стр. 92.
- ¹⁰⁸ Б. Я. Ставиский. Указ. соч., стр. 98; К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. «Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР», вып. I, 1952.
- ¹⁰⁹ С. С. Сорокин. Боркорбааский могильник, стр. 151—152, 154; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. «Изв. АН Кирг. ССР», серия общественных наук, стр. 62, рис. 12.
- ¹¹⁰ Е. И. Азеева, Т. Н. Сенигова. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). Археологические исследования на северо-восточных склонах Кара-Тау. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова», т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 196, рис. 52.
- ¹¹¹ Л. А. Евтюгова. Археологические памятники кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 68, рис. 118.
- ¹¹² А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам БЧК. Фрунзе, 1943, стр. 18; он же. Чуйская долина. МИА, № 14, М., 1950, табл. ХCV, рис. 259.
- ¹¹³ Г. А. Пугаченко. Погребение монгольского времени в Халчагане. СА, 1967, № 2, стр. 154.
- ¹¹⁴ С. В. Киселев, Л. А. Евтюгова. Отчет о работах Сайно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Труды ГИМ», вып. XVI, 1941, стр. 97, рис. 18.

- ¹¹⁵ Л. А. Естюгова. Указ. соч., стр. 68, рис. 121.
- ¹¹⁶ В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 19, рис. 1, 1.
- ¹¹⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 216, рис. 45, 5.
- ¹¹⁸ Экспозиция в Отделе Средней Азии Гос. Эрмитажа.
- ¹¹⁹ Е. Атагарриев. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама. «Изв. АН Туркм. ССР», серия общественных наук, 1965, № 1, стр. 11, табл. II, 9, II, 12; стр. 12, 13.
- ¹²⁰ Не опубликованы. Хранятся в фондах Отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа.
- ¹²¹ Не опубликованы. Хранятся в Ферганском областном краеведческом музее.
- ¹²² Государственный музей истории Грузии. Экспозиция.
- ¹²³ Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI. М.—Л., 1951, стр. 24, 25, рис. 2.
- ¹²⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 137—142, рис. 36.
- ¹²⁵ А. А. Гаурилова. Могильник Кудурга как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. XXI, XXXI, 4.
- ¹²⁶ Там же, табл. XXXI, 42, 43.
- ¹²⁷ А. Г. Максимова. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 133, табл. V, I, 2. Максимова относит серьги к I—III вв. н. э. Еще более ранним временем датирует этот тип серег Г. А. Кушаев. Серьгу из кургана 11 могильника Кызсуз он относит к III—II вв. до н. э. Серьгу из могильника Баба-Ата Кушаев сопоставляет с серьгами из Беркаринского и Тамдинского могильников и датирует I—II вв. н. э. См.: Г. А. Кушаев. Раннекочевнические курганы в районе городища Баба-Ата. «Труды ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, стр. 245—246, рис. 4.
- ¹²⁸ Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 95—96, рис. 34, 1, стр. 97.
- ¹²⁹ Б. А. Литвинский. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете Памиро-Ферганских могильников) т. II. Душанбе, 1969, стр. 1085; Докт. дисс. Архив ИА АН СССР, л. 2039—41.
- ¹³⁰ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительство Большого Ферганского канала. «Труды Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР», т. IV. Ташкент, 1951, табл. V, 12.
- ¹³¹ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 125.
- ¹³² И. В. Распопова. Бронзовые серьги Пенджикента. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 51 и сл.
- ¹³³ В. И. Распопова. Бронзовые серьги. . . , стр. 54.
- ¹³⁴ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим, стр. 216, рис. 45, 24; *он же*. Остатки замка VI—VIII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 156, рис. 6, 1.
- ¹³⁵ В. И. Распопова. Бронзовые серьги. . . , стр. 55, рис. 16, 13 и 14.
- ¹³⁶ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 125.
- ¹³⁷ А. И. Тереножкин. Раскопки в Кухандизе Пенджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 92.
- ¹³⁸ Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 117. Сопоставления, приведенные в сноске 85, не всегда правомерны, так как в термин «серьги салтовского типа» вкладывается совершенно определенное понятие. Это — серьги с овальным или круглым кольцом и каплевидной привеской. Б. Я. Ставиский же привлекает для подтверждения своих положений некоторые серьги иных типов, несвойственных салтовской культуре.
- ¹³⁹ В. И. Распопова. Указ. соч., стр. 56.
- ¹⁴⁰ См. указанные выше работы Л. П. Зяблина, Г. А. Кушаева, А. Г. Максимовой.
- ¹⁴¹ А. А. Гаурилова. Указ. соч., табл. XXXI.
- ¹⁴² Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на Ак-Бешим, стр. 216.
- ¹⁴³ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 58.
- ¹⁴⁴ Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета из Чиниза. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, стр. 116.
- ¹⁴⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, XXXIII, 8.
- ¹⁴⁶ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк. . . , стр. 151.
- ¹⁴⁷ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Бржкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 96.
- ¹⁴⁸ Хранится в Отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАЙОНА

Ремесла

Большую роль в экономике района играли горнодобывающие и металлообрабатывающие ремесла. Их развитию способствовало наличие самых разнообразных полезных ископаемых — от каменного угля до драгоценных металлов и камней. Об этом свидетельствуют как сведения арабских географов и историков, так и многочисленные находки древних выработок и мастерских.

Так, Истахри пишет, что «в Исфаре — гора черных камней, которые горят подобно тому, как горит древесный уголь. Продаются три ослиных выюка за дирхем, и зола его отбеливает одежду». Те же сведения о добыче каменного угля приводит Ибн-Хаукаль. «В Исфаре — гора (из) черных камней, которые горят подобно древесному углю и отбеливают одежду»¹.

Очевидно, оба автора имели в виду богатое месторождение каменного угля близ Шураба, находящегося в непосредственной близости от Исфары. Добыча каменного угля здесь ведется в настоящее время. Есть сведения о добыче каменного угля в горных районах Уструшаны. О том, как шла добыча угля, сведений нет. П. П. Иванов полагает, что велась разработка поверхностных пластов угля, не связанная с устройством подземных сооружений².

В непосредственной близости от Карабулака в урочище Туя-Мухон, в долине Соха, в Исфаре, добывалась медь³.

Опираясь на сведения Истахри и Якута, Б. А. Литвинский указывает, что в районе Исфары добывали также нефть, свинец, железо, бирюзу, серебро, золото. Ртуть добывали в нескольких местах: в Сымапе, Апте, Чауае, Хайдаркане.

Древние рудники и поселения рудокопов и плавильщиков зафиксированы в нескольких местах. В местности Иски-кан обнаружены большие отвалы руды. Здесь же найдено железное проушное орудие, использовавшееся для отбивания породы в шахте.

Наиболее значительным в районе был рудник Кон-и-Гут, известный в науке с конца XIX в. и привлекающий внимание ученых до настоящего времени. Здесь велась добыча свинцово-серебряных руд и железа. По мие-

нию Б. А. Литвинского, наиболее интенсивные разработки велись в руднике в IX—X вв.⁴

На базе горнодобывающей промышленности развивались металлургия и металлообрабатывающие ремесла. По сведениям ал-Бируни, в Средней Азии были известны четыре вида черных металлов: кричное железо, сырцовая сталь, тигельная сталь и чугуны⁵.

Переработка руды велась в нескольких пунктах района. Следы интенсивной работы плавильщиков обнаружены в местности Рис-Сай⁶. Вторым пунктом, связанным с переработкой руды, был обширный поселок плавильщиков, расположенный в узком ущелье в 1 км к юго-востоку от кишлака Рават, где найдено большое количество воздуходувных сопел от плавильных печей и открыта одна сильно разрушенная печь⁷.

Я позволила себе привести эти сведения потому, что все перечисленные выше памятники находятся в непосредственной близости от Карабулака и составляли с ним в древности один экономический район.

Большие успехи были достигнуты в металлургии серебра и свинца⁸.

Среднеазиатские центры производства металлических изделий пользовались известностью далеко за пределами Средней Азии. К XI—XII вв. намечается некоторая специализация в производстве отдельных видов металлических изделий. Так, Самарканд славился изготовлением стремян, удил, медных котлов, в Чаче (район Ташкента) изготавливали луки, иголки, ножницы. В Минке и Марсаманде — горных рустаках Уструшаны — изготовлялось высококачественное железное оружие. Орудия труда — ножи, серпы, топоры, мотыги — производились повсеместно. Очевидно, в каждом городе или поселке были ремесленники, изготовлявшие эти предметы, необходимые в повседневной деятельности населения.

Конечно, неоспоримым доказательством местного металлообрабатывающего производства было бы обнаружение мастерской. Но раскопки в Карабулаке дали пока только косвенные свидетельства: в сооружениях почти всех строительных горизонтов были обнаружены куски шлакированного железа. В 400 метрах к югу от тепе на склоне адыра также было найдено шлакированное железо. Весьма вероятно, что именно здесь и находилась металлообрабатывающая мастерская.

Гончарное производство развивалось повсеместно и зарегистрировано в нескольких пунктах Ферганы. Крупными его центрами были Ахсыкет, Ош, Узген, Кува, Андижан, Риштан. Последний не утратил своего значения и в наши дни.

В большинстве названных пунктов местное керамическое производство доказывается наличием среди находок бракованной посуды и оплавленной керамической массы. В Андижане при строительстве медицинского института был обнаружен средневековый квартал керамистов. Здесь открыты круглые в плане печи, конструкцию которых выявить не удалось. Около печей найдены в большом количестве предметы печного припаса — подставки-сипая и штыри. Наиболее полное представление о конструкции ферганских гончарных печей дает пананная В. И. Козенковой в кишлаке Хилля Пахта-Абадского района Андижанской области. В. И. Козенкова полагает, что печь была двухъярусная, круглая в плане. Несмотря на плохую сохранность, удалось проследить

1

2

Рис. 65. Эписграфические находки (1-2)

Рис. 66. Зооморфные глины (1-2)

Рис. 67. Колотушка для формовки больших сосудов (1); подставка (2)

под обжигательной камеры, вдоль края которого располагались жаро-проводные отверстия, расширяющиеся книзу. Бочонкообразная топка имеет диаметр дна 1,70 м и высоту 2 м. С южной стороны к ней примыкает трапецевидный в плане топочный ход⁹. В. И. Козенкова датирует печь VI—VIII вв. на основании сосуда грушевидной формы и круглого напеа, украшенного штампованным орнаментом. Последний она сравнивает с бляшками тюркского поясного набора и на основании стилистического сходства орнамента датирует сосуд VI—VIII вв.¹⁰ Влияние тюркской торевтики на орнаментацию посуды вполне вероятно. Но керамика с напеками, украшенными штампами, широко распространяется только в XI—XII вв. На поселении, где открыта печь, собран материал именно этого времени (расписная и поливная посуда с подглазурной гравировкой и др.). Думаю, что именно в это же время и функционировала гончарная печь.

Размах керамического производства был столь широким и мощным, что захватил не только крупные ремесленные центры Ферганы, но и далекую ее периферию. На основании анализа материалов из Калаи-Боло Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский пришли к выводу, что основная масса исфаринской посуды — местного производства. Критерием для суждения о местном изготовлении керамики здесь являются, по мнению исследователей, некоторые черты, отличающие керамику из Калаи-Боло от гончарных изделий из других районов Ферганы и Средней Азии в целом¹¹.

Местное производство керамики на Карабулакском городище бесспорно. Это обстоятельство подтверждается не только отличием некоторых форм посуды от керамики соседних районов, но и находками предметов печного припаса (штыри и подставки-сипая), шлакированной и оплывшей керамической массы, бракованной посуды (поливные блюда с глазурью, застывшей пузырьками, и стенки сосудов, покоробившиеся при обжиге). Эти находки сделаны в сооружениях, относившихся ко всем периодам жизни городища. В 1965 г. в 400 м к югу от тепе, где производились основные раскопки, открыты остатки керамической мастерской. К сожалению, сама мастерская была разрушена при строительных работах. Бесспорным свидетельством ее наличия здесь являются находки большого количества кусков оплывшей керамической массы, штырей и подставок-сипая. Кроме того, здесь же было много кусков сильно прокаленной глины с примесью самана, являвшейся, очевидно, остатками разрушенной керамической печи. Судя по находке колотушки, с помощью которой делались большие сосуды, формовка посуды производилась здесь же.

Время IX—XII вв. характеризуется общим экономическим подъемом. Этот подъем захватил также и гончарное производство, которое было ремесленным и сосредоточивалось в городах. Развитие гончарства шло по линии широкого применения гончарного круга. Исследование керамики различных областей показывает явное преобладание станковой посуды. Лепная же посуда в городских керамических изделиях составляет ничтожный процент, но преобладает в деревенской посуде, где она является предметом производства сельских мастериц. Сравнение соотношения

лепной и гончарной керамики из отдельных памятников позволяет поставить вопрос об их локальных отличиях. Так, на средневековых городищах Магган-Дарьи процент лепной керамики весьма значителен, в то время как синхронное им, также расположенное в горном районе, удаленном от городских центров, Карабулакское городище дает не более 1% лепной посуды от общего количества керамических находок. К сожалению, из-за недостаточной изученности средневековых городищ Ферганы мы не можем провести сравнение их материала с материалами из юго-западных предгорий. И. Ахраров на материалах Кувы и Ахсыкета отмечает резкое преобладание гончарной керамики в XI—XII вв. по сравнению с предыдущим периодом, но, как это выразилось в количественном соотношении, он не указывает¹³. Не приводит числовых данных по керамике Узгена и Шурбашата и Ю. А. Заднепровский¹³.

Материалы из Карабулака показывают, что здесь, как и в других районах Средней Азии, развитие керамического производства шло по двум линиям — по линии дальнейшего усовершенствования технологии процесса и по линии освоения гончарами новых приемов. В IX—X вв. широко применяется круг со специальной подставкой, на которой сосуд формируется и вместе с которой снимается с круга. Применение круга этой конструкции сократило брак и деформацию сосудов, а также способствовало более интенсивному использованию круга. Использование круга этой конструкции в средневековом Хорезме отмечают А. И. Терножкин и Н. Н. Вактурская¹⁴, М. Г. Воробьева и Н. Н. Неразик отмечают применение подобного круга в Хорезме в античный и афригидский периоды¹⁵. Характерным признаком керамики, изготовленной на круге с подставкой, являются вертикальные срезы на стенках у дна. По нашим наблюдениям, подобные срезы на ферганской керамике появляются также в первой половине I тысячелетия н. э.¹⁶ К IX—X вв. относит А. И. Терножкин изобретение подставки в виде миски для изготовления круглодонных котлов¹⁷. В Фергане же котлы, изготовленные на круге с подставкой, широко распространяются только в XI—XII вв.

Высокий уровень развития гончарного ремесла выразился также и в освоении гончарами ряда новых приемов, что благотворно отразилось на качестве посуды. К их числу относятся применение калыба и производство сероглиняной и поливной посуды.

На Ближнем Востоке посуда, отштампованная в форме, появляется довольно рано. Некоторые исследователи полагают, что своим происхождением она обязана римской краснолаковой посуде, отгиснутой в форме. Правда, с последней ближневосточную керамику роднит только техника изготовления. Гарден полагает, что орнаментация раннесредневековой штампованной керамики близка сасанидской¹⁸. В самом деле, влияние металла на изготовление этого вида посуды несомненно. Это подтверждается самими формами сосудов, характером и расположением орнамента, сплошь покрывающего поверхность сосудов.

С. Б. Лунина отмечает, что традиция изготовления штампованной керамики в Средней Азии восходит к первым векам н. э., что подтверждается находками на Гяур-кале в Мерве калыба, украшенного стилизованным растительным орнаментом¹⁹. Но в этот период этот прием исполь-

зовался крайне редко. В IX—X вв. штампованная керамика производилась во многих городских центрах Средней Азии. В Пайкенде найдена не только штампованная посуда, но и штампы для ее изготовления²⁰. К IX в. относит Г. Н. Балашова многочисленные штампованные крышки из Афрасиаба²¹. Наибольшее распространение штампованная в калыбе керамика получила в XII в., что связывается не только с общим расцветом керамического ремесла, но и с модой на эту керамику, с успехом заменяющую металлическую, богато украшенную чеканкой посуду²². Находки штампованной глиняной посуды отмечены во многих городских центрах Средней Азии. Производство же ее, бесспорно, было в Мерве, Афрасиабе, где оно подтверждается находками огромного количества готовой продукции и калыбов, служивших для ее изготовления²³. Мерв в XII в. становится одним из ведущих центров ее производства.

В Ферганае и соседней с ней Уструшане штампованная в форме посуда найдена на Мунчак-тепе, в Андижане, Узгене, Куве. В Карабулакской коллекции она представлена двумя категориями керамических изделий — флягами и небольшими сероглиняными кувшинчиками, причем среди последних штампованные в форме сосуда единичны, основную же их массу составляют гончарные сосуды, украшенные резным, наклепным и штампованным орнаментом.

Вторым не менее важным моментом, характеризующим высокий уровень гончарного ремесла, явилось изготовление сероглиняной посуды в XI—XII вв., получившей широкое распространение в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Как правило, находки сероглиняной посуды связаны с крупными городскими и ремесленным центрами.

В большом количестве сосуды серого обжига найдены в Мерве, Афрасиабе, Хульбуке, в районе Ташкента, в Мунчак-тепе, в Куве, Андижане. Н. Н. Вактурская отмечает, что основная масса неполивной хорезмийской посуды XI—XIV вв. имеет серый обжиг; хорезмийская сероглиняная посуда включает не только тонкостенные столовые сосуды, но и кухонные и тарную посуду (хумы, горшки)²⁴.

На городищах предгорной Ферганы сероглиняная посуда представлена широкогорлыми небольшими кувшинчиками, богато украшенными штампованным и резным орнаментом, большими узкогорлыми кувшинами и горшками²⁵. Обилие сероглиняной посуды, найденной в Карабулаке, позволяет предположить ее местное производство.

Н. С. Гражданкина считает, что сероглиняная посуда имитировала серебряную, и широкое распространение первой объясняется стремлением заменить ею дорогостоящие серебряные сосуды²⁶.

Процесс изготовления сероглиняной посуды был очень сложен и требовал от гончаров больших технических навыков и хорошего знания свойств сырья и особенностей обжига.

Лабораторные исследования показали, что серый цвет черепка обусловлен составом сырья и соответствующим режимом обжига. Как правило, серый цвет получали глины, богатые известковыми примесями и обожженные в восстановительной среде. Этому также способствовало применение сильно коптящего топлива в конце обжига²⁷. Немаловажное значение имело и содержание железа. Лабораторные анализы, проведенные

Н. С. Гражданкиной, привели ее к заключению, что беложгущиеся глины с низким процентом железа в результате восстановительного обжига приобретали нежные серебристо-серые тона, железистые же глины окрашивались в интенсивно серый, почти черный цвет²⁸. Известь в данных условиях способствовала осветлению черепка.

Ассортимент Карабулакской сероглиняной посуды не отличается многообразием. Ее составляют тонкостенные изящные сосуды, богато украшенные резным и штампованным орнаментом, что подчеркивает парадное назначение этих сосудов. Серый обжиг имели также кувшины I типа, горшки, крышки, маслобойки. Из приводимой ниже таблицы видно, что количество сероглиняной посуды резко возрастает в V период жизни городища (см. приложение I).

И наконец, третьим моментом, характеризующим высокий уровень гончарства, явился расцвет производства поливной керамики, который стал возможным благодаря общему подъему ремесел и высокому уровню науки, в частности химии. Изготовление высококачественной художественной посуды было массовым, а производство ее развивалось повсеместно. Горные районы Ферганы в этом плане не стоят изолированно. Развитие керамического производства здесь шло тем же путем, что и в других областях Средней Азии. Поливная посуда широко использовалась населением этого района. Материалы из Карабулака показали, что поливным изделиям принадлежит 50% всех керамических находок из этого памятника.

Спектральный анализ показал, что карабулакские гончары чаще всего пользовались свинцовыми глазуриями. Им были известны пять рецептов глазурей, отличавшихся друг от друга присутствием различных компонентов:

I группа — глазури чистосвинцовые; II группа — глазури свинцовые с несколько большим содержанием окиси алюминия; III группа — глазури свинцово-кальциево-кремнеземные; IV группа — свинцово-кальциево-кремнеземная глазурь с примесью окиси алюминия; V группа — натриево-кальциево-свинцово-кремнеземная глазурь.

Первые четыре группы находят аналогии среди глазурованных изделий X—XII вв. всей Средней Азии. Глазури V группы широко применялись гончарами Средней Азии, Поволжья и других областей только с XII в.²⁹

Стеклоделие. Стеклопосуда широко использовалась в быту населения предгорного района. В силу хрупкости материала большая часть находок сильно фрагментирована. Но, несмотря на это, находки позволяют судить о большом многообразии форм этого вида изделий. Их составляли графины, бокалы и рюмки, изящные кувшины и флаконы, кружки. Выше я уже пыталась доказать наличие местного изготовления стекла в Карабулаке и исходила при этом из следующих трех моментов: 1) отличие состава карабулакских стекол от изделий из других районов Средней Азии; 2) наличие среди карабулакской стеклянной посуды изделий, не имеющих аналогий среди посуды из других центров; 3) находки стекломассы, являющейся сырьем для изготовления стеклянной посуды. Сходство же основной массы стеклянной посуды из Карабулака и из дру-

гих областей Средней Азии не должно опровергать ее местного производства. Оно объясняется большими и тесными культурными связями населения обширных территорий, а также стандартизацией всех видов изделий ремесленного производства, в том числе и стеклоделия.

Сельское хозяйство

Судя по находкам в Карабулаке и на других средневековых городищах и поселениях, сельское хозяйство наряду с ремеслами играло большую роль в экономике района. Занятию земледелием и скотоводством способствовали естественные географические условия. Количество осадков, выпадавших осенью, зимой и летом, было достаточным, чтобы обеспечить выращивание на неполивных землях зерновых культур — пшеницы, проса, ячменя. Это предположение подтверждается археологическими находками: в Карабулаке на полу помещения нижнего горизонта обнаружен сильно закопченный лепной горшок с зернами. Они принадлежали, по определению Н. А. Кирьяновой, сорту мягкой пшеницы. Зерна пшеницы, ячменя, проса и риса обнаружены в хозяйственных ямах верхнего слоя Мунчак-тепе³⁰. Найдены косточки винограда, персиков, урюка, дыни и тыквы в Мунчак-тепе свидетельствуют о наличии здесь садов и огородов. В высокогорном Карабулаке садоводство было ограничено климатическими условиями. Но некоторые наиболее холодоустойчивые породы садовых деревьев росли здесь. Очевидно, к ним можно отнести некоторые сорта урюка и яблонь.

В сооружениях всех периодов обнаружены серпы, небольшие мотыжки. Из других орудий, использовавшихся земледельцами, следует отметить плуг. Железный сошник плуга найден в Мунчак-тепе³¹. В Карабулаке найдено большое количество жерновов различного диаметра (от 40 см до 70 см).

Наличие богатых горных пастбищ способствовало занятию скотоводством. Обилие остеологических находок свидетельствует о том, что скотоводство играло большую роль в хозяйственной деятельности населения. Определение остеологического материала, проведенное В. И. Цалкиным, показало, что первое место в стаде принадлежало крупному рогатому скоту, затем идут мелкий рогатый скот, лошадь. Единичными экземплярами представлены осел, олень, собака.

Такое же соотношение выявлено и в замке Калам-Боло, расположенном, как и Карабулак, в узкой горной долине. Здесь также первое место принадлежит крупному рогатому скоту, затем — овцы, козы, лошади. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский полагают, что мясо всех животных использовалось в пищу, но больше всего употреблялось мясо овец³².

Остеологические находки из Карабулака указывают на большую роль молочного животноводства, что подтверждается также и археологическими находками, в частности сосудами, связанными с молочным хозяйством. Огромный размер маслбоек свидетельствует о производстве масла в очень большом количестве.

Политическая обстановка и социально-экономические условия всегда находят отражение в облике разных сторон материальной культуры. Изменение их всегда влечет за собой и изменение различных ее форм. В частности, изменение состава посуды всегда отражает изменения социально-экономического порядка.

Так, на памятниках середины I тысячелетия н. э., поры феодальной раздробленности и ослабления торговых связей, среди керамических находок преобладают хумы, служившие для хранения продовольственных запасов. Это в большей степени относится к поселениям, расположенным в горных и окраинных районах, удаленных от традиционных городских центров и торговых путей.

Преобладание в посуде сосудов-тары — явление не локальное, а эпохальное. Это хорошо характеризуют материалы предгорных районов Ферганы. На памятниках середины I тысячелетия большую часть находок составляют хумы. Это хорошо подтверждается находками на Ак-тепе, где в трех открытых комнатах найдено 17 хумов и огромное количество их обломков. Тонкостенная столовая посуда представлена единичными экземплярами. Такое же соотношение находок выявляется особенно ярко в Кайрагаче и Тагаче, в замках Исфаринского района. В огромном же керамическом материале, полученном при раскопках Карабулакского городища, хумы не составляют и одного процента от общего числа находок. Слабость торговых связей района в середине I тысячелетия подчеркивается почти полным отсутствием монет. Только на одном из 17 обследованных поселений района найдена единственная монета, чеканенная в Согде от имени Тархуна (710 г.)³³.

Между тем на поселениях XII в. монеты находили неоднократно. Так, в Карабулаке при раскопках найдены караханидские монеты узгенского чекана, 1 монета бухарская и три китайские. Здесь же найден клад из 22 монет. Находки бухарской и китайские монет доказывают, что ареал торговых связей был весьма обширным.

Материалы из Карабулака дают основания предполагать, что в XII в. в районе развивается высоко развитое товарное хозяйство. Это касается не только ремесла, но и сельского хозяйства. Они также свидетельствуют о том, что характер занятия населения городов предгорных районов был смешанным. Здесь наряду с ремеслами развивалось и сельское хозяйство. Причем последнее было многоотраслевым, а продукты производились в гораздо большем масштабе, чем требовалось для одной семьи. При раскопках в Карабулаке и на других средневековых поселениях найдено большое количество ручных жерновов различных размеров, применявшихся для размола муки в домашних условиях. Помимо ручных жерновов широко использовались водяные мельницы. Известно, что в X в. в окрестностях столицы Уструшаны Бунджиката действовало около десяти таких мельниц. Об этом сообщают Истахри и Ибн-Хаукаль³⁴. Остеологический материал и находки сосудов, связанных с молочным хозяйством, свидетельствуют о большой роли молочного животноводства. Находки

же маслобоек большого размера позволяют предположить производство масла в очень большом количестве. Круг аналогий и ареалы различных типов сосудов этой категории я отметила выше, здесь только скажу, что карабулакские маслобойки в 3,5—3 раза превосходят по емкости все известные археологические находки подобных сосудов. Самая же их форма обеспечивает большую их эффективность по сравнению с маслобойками иных типов (цилиндрической и горшковидной с мутовкой).

Для развития товарного производства сельскохозяйственной продукции нужна была прочная связь с рынком. Анализируя развитие сельского хозяйства в Иране, Петрушевский писал, что оно носит товарный характер в районах, расположенных в непосредственной близости от крупных городских центров³⁶. Очевидно, одним из крупнейших городских центров района было городище, расположенное в Карабулаке.

Развитие товарного производства в области ремесла выразилось в стандартизации изделий ремесленной продукции. Этот процесс захватил все отрасли производства. На огромных территориях изделия ремесленного производства подчинены определенным стандартам. Это явление лучше всего прослеживается на наиболее массовом виде ремесленной продукции — на керамике. В изготовлении посуды стандартизация выразилась не только в однообразии форм посуды, ее пропорций и размеров, в однотипности орнаментации. Она также захватила и самый производственный процесс — массовое производство глазурованных изделий, изготовление сероглиняной посуды. Последнее, как показано выше, связано с особым режимом обжига.

Предметом оживленной торговли были изделия ремесленников и сельскохозяйственные продукты, продукция горнодобывающего промысла. Для экономики района имели большое значение внешние торговые связи. Медь, железо, кашатырь, поступавшие на внешний рынок из Ферганы, добывались в юго-западных ее предгорьях. Через Фергану и Уструшану проходили караванные пути, связывающие средиземноморские страны с Востоком.

В Средней Азии существовало несколько ярмарочных центров. Одна ярмарка находилась в горном районе восточной Уструшаны в городе Марсманда. Этот город, так же как и соседний с ним Минк, был центром железорудных разработок и металлического производства. Изделия Марсмандийских ремесленников, в частности оружейников, славились далеко за пределами Средней Азии. Марсмандийские ярмарки были многолюдны, их посещали купцы из многих стран. По сообщениям одних авторов, ярмарки были ежемесячными, другие авторы указывают, что они собирались два раза в год. Обороты марсмандийских ярмарок были весьма значительны: они достигали 100 тыс. динаров.

Большую роль в торговле играло, очевидно, кочевое население. Соседство земледельцев и кочевников в горном районе было весьма тесным. Кочевники были главными потребителями ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Сами же кочевники были поставщиками скота, шерсти, мясных и молочных продуктов.

Характернейшей чертой денежного обращения были порча серебряной монеты, выпуск монет с низким процентом содержания серебра;

в некоторых областях (в частности, в Ферганае) выпускались монеты из сплава меди и свинца. В XII в. Караханиды выпускают медные монеты с посеребренной поверхностью. Эта особенность денежного обращения, известная в литературе под названием серебряного кризиса, была характерна для всего Ближнего и Среднего Востока. Кризис совпал с временем наивысшего расцвета городской жизни и ремесел. В науке нет пока единого мнения о причинах его возникновения. Я думаю, что правы те ученые, которые видят причину кризиса в экономическом состоянии страны, определявшемся бурным ростом городов, расцветом ремесел, товарного производства и торговли, требовавших все новых и новых средств обращения³⁶.

По мере порчи держимов сократилось число монетных дворов; это явление хорошо прослежено в Ферганае, где в правление Саманидов и ранних Караханидов монету чеканили Узген, Ахсыкет, Кува, Маргиан, Ходжент, в конце же XII—начале XIII в. монетный двор сохранился только в Узгене. Очень редко выпускал монеты Маргиан.

Второй особенностью денежного обращения была резко возросшая роль золота как средства обращения³⁷.

Рост денежной торговли обусловил также выпуск монет различного достоинства. Известно, что в Узгене в правление Караханида Кадыра в последней четверти XII в. выпускались медные посеребренные монеты пяти весовых стандартов. Анализ монет дал возможность Е. А. Давидович высказать предположение, что отношение веса к достоинству монет совпадало; монеты половинного достоинства имели половинный вес, монеты различного достоинства различались внешне. Они имели различные картуши и ободки, различное расположение и содержание надписей³⁸.

¹ Цит. по: Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 177.

² П. П. Иванов. К истории развития горного промысла Средней Азии. М.—Л., 1932, стр. 23.

³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк... стр. 178.

⁴ Там же, стр. 183.

⁵ А. М. Беленицкий. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 139—144.

⁶ А. Ф. Соседко. Кони-Гут. «Социалистическая наука и техника», 1935, № 12, стр. 234; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк, стр. 182.

⁷ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 161. Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 122.

⁸ М. А. Бубнова. Из истории металлургии серебра в Средней Азии. «Изв. АН Тадж. ССР», № 1 (24). Душанбе, 1961, стр. 3, 11.

⁹ В. И. Ковшикова. Гончарная печь на Хилля. СА, 1958, № 3, стр. 219.

¹⁰ Там же, стр. 221.

¹¹ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 189.

¹² И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы, IX—X вв. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 125 и сл.

¹³ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960, стр. 214—236.

¹⁴ А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме. «Изв. Узб. ФАН», 1949, № 6, стр. 63; Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма

- IX—XVII вв. «Труды ХАЭЭ», т. IV, М., 1959.
- ¹⁵ М. Г. Воробьева. Керамика античного Хорезма. «Труды ХАЭЭ», т. IV, М., 1959, стр. 174; Е. Е. Нерасик. Керамика Хорезма афригидского периода. «Тр. ХАЭЭ», т. IV, М., 1959, стр. 234.
- ¹⁶ Г. А. Брыкина. Городище Майда-тепе. КСИИМК, вып. 136, 1973, стр. 118; В. И. Ковенкова. Гайрат-тепе. СА, № 3, 1964, стр. 234.
- ¹⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 167.
- ¹⁸ J. C. Gardin. Céramiques et Monnaies de Lashkary Vazar et de Bust. MDFA, vol. XVIII, 1953, p. 32.
- ¹⁹ С. Б. Лукина. Гончарное производство в Мерве в XI—XIII вв. «Труды ЮТАКЭ» т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 291.
- ²⁰ М. М. Дьяконов. Керамика Пайкэнда. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 91, 92.
- ²¹ Г. Н. Балашова. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX—X вв. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V, Л., 1961, стр. 202 и сл.
- ²² Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства Средней Азии. ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 174; Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, стр. 121.
- ²³ С. Б. Лукина. Указ. соч., стр. 291.
- ²⁴ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма... стр. 300.
- ²⁵ См. ниже, а также: Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк... стр. 101, рис. 47; стр. 108, рис. 58.
- ²⁶ Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства Средней Азии. ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 174.
- ²⁷ Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства, стр. 194; Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла, стр. 186.
- ²⁸ Н. С. Гражданкина. К истории керамического производства, стр. 197.
- ²⁹ Качественный спектральный анализ проведен в лаборатории кафедры археологии института МГУ Ю. Л. Шаповой, которой я, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность.
- ³⁰ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 107—108.
- ³¹ Там же, стр. 107.
- ³² Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк... стр. 187.
- ³³ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Ляйляка и Баткена. Фрунзе, 1962, стр. 96.
- ³⁴ «История Таджикского народа», т. II. Душанбе, 1964, стр. 168.
- ³⁵ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XI—XIII вв. М., 1960, стр. 105.
- ³⁶ Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. «Известия Отделения общественных наук Тадж. ССР», Сталинабад, 1953, вып. IV, стр. 62—63; Е. А. Давидович. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии в эпоху так называемого серебряного кризиса. «Труды II совещания археологов и этнографов Средней Азии». М., 1959, стр. 44—46; она же. Из области денежного обращения Средней Азии в XI—XII вв. НЭ, II, М., 1960, стр. 116—117.
- ³⁷ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения... стр. 99—101, 114—115.
- ³⁸ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения... стр. 106; она же. Из области денежного обращения на территории Ферганы. «Труды Музея истории Уз. ССР», вып. II, Ташкент, 1954, стр. 53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов из Карабулака, наблюдения, проведенные в процессе раскопок на городище, а также обследование других средневековых памятников в близлежащем к Карабулаку районе привели нас к заключению о том, что Карабулакское городище было крупнейшим в районе. Помимо Карабулака здесь находились еще четыре средневековых городища. Карабулакское же выделяется среди них как размером, так и расположением. Оно превосходит по площади остальные городища в 2,5—3 раза. Городище занимает транзитное положение на пути, соединявшем горные районы Уструшаны с горными рустакми юго-западной Ферганы. Путь, проходивший по долине через Карабулак, был наикратчайшим и, видимо, наиболее доступным в древности. Горы же, ограждающие долину с севера и с юга, труднопроходимы и в настоящее время. Малодоступны из-за естественных географических условий и соседние с Карабулакской котловиной долины. Так что путник или караван, направляющийся из Уструшаны в горную Фергану, должен был неизбежно пересечь город, располагавшийся в Карабулакской котловине.

Итак, размер городища и его расположение, а также облик находок, свидетельствующий о высоком уровне развития ремесел, на наш взгляд, определяют центральное положение города в районе. Весьма вероятно, что он был центром округа (рустака).

Макдиси в числе других девяти горных рустак Уструшаны называет Арсубаникат (или же Арсьяникет — Асбаникат) ¹. Ибн-Хаукаль, перечисляя рустак Уструшаны, не имевшие городов, называет Асбаскент, но не указывает, где он находится ². Н. Н. Негматов полагает, что Исбаскент идентичен Арсубаникату — Асбаникату Макдиси ³. В. В. Бартольд, ссылаясь на Макдиси, локализует Арсубаникат-Асбаникат в восточном районе Уструшаны и указывает, что город находился в 9 фарсахах от Бунджиката, столицы Уструшаны, на границе с Ферганой ⁴.

Н. Н. Негматов, занимавшийся исторической топографией Уструшаны, отождествил центр рустака город Асбаникат с городищем, расположенным в поселке Исфана ⁵. Но раскопки городища, проведенные Ю. А. Заднепровским в 1957 г., показали, что здесь нет слоев раньше XIV—XV вв. ⁶ Это обстоятельство исключает возможность подобного отождествления. Думаю, что у нас есть все основания локализовать Асбаникат в Карабулаке, расположенном в непосредственной близости от Исфаны и являвшимся в древности наиболее значительным городом района.

Карабулакское городище не является типичным, если к нему подходить с позиций традиционных представлений о топографии средневекового среднеазиатского города. В самом деле, город не имеет укреплений. Неясны его структура и характер застройки. Это, видимо, и не удасться выяснить, поскольку вся территория города скрыта под современными постройками.

Со времен В. А. Жуковского и В. В. Бартольда в науке установилось мнение, что для феодального среднеазиатского города характерно трехчастное его деление⁷. По мнению этих исследователей, город составляли цитадель (арк или диз, кухендиз), шахристан (медина) и рабад (ремесленное предместье). В. В. Бартольд полагал, что арк и шахристан свойственны раннесредневековому, дофеодальному городу. Рабад — ремесленное и торговое предместье — располагался у стен шахристана. Его площадь увеличивалась, а роль в жизни города возрастала по мере развития ремесла и торговли.

А. Ю. Якубовский придерживался этой схемы развития среднеазиатского города, и, развивая ее, он первым среди исследователей обратил внимание на важность изучения топографии города для выяснения его социальной структуры. Он полагал, что город в своем строении отражал свою социальную структуру⁸. Рабат, по мнению А. Ю. Якубовского, свойствен феодальному городу, сложение которого он относит к X—XI вв.⁹ Эти положения были высказаны А. Ю. Якубовским в 40-х годах. Они были основаны главным образом на сведениях письменных источников.

Работы последующих десятилетий показали, что наиболее объективным источником для изучения структуры средневекового города является археологический материал, по мере накопления которого вносились коррективы в схему развития города, предложенную В. В. Бартольдом и развитую А. Ю. Якубовским.

Работы С. П. Толстова, В. Л. Ворониной, А. М. Беленицкого, А. Н. Бернштама, О. Г. Большакова и других исследователей показали, что в развитии городов, в сложении их топографии и внутренней планировки не было единого пути. Трехчастное деление города, как это убедительно показал О. Г. Большаков, «не имеет безусловной связи с социально-экономической структурой общества. Появление рабада является результатом территориального роста города»¹⁰.

Конкретная историческая обстановка, в которой развиваются города, отражается на их топографии. По мнению С. П. Толстова, города, возникшие в пору сложившегося феодализма, не имеют цитадели; они состоят из шахристана, вокруг которого складывается рабад. Для феодального города характерна стихийность застройки и нерегулярность плана¹¹. Города же, развивавшиеся в обширных долинах Семиречья, где было очень сильно кочевое окружение, имели развитую сеть укреплений, защищавшую не только город, но и всю сельскую округу, примыкавшую к городу¹².

Но укрепления не являются обязательным элементом топографии средневекового города Средней Азии. Как показали наблюдения Н. Н. Вактурской, некоторые города Хорезма золотоордынского времени не имели оборонительных сооружений¹³.

Большое влияние на топографию города оказывала и географическая среда, в которой город развивался. Особенно ярко зависимость топографии поселений от географических условий проявляется в горных районах. Поселения и города занимают наименее пригодные для возделывания участки, а их очертания подчинены рельефу местности. Зависимость топографии поселений от рельефа местности исследователи отмечали неоднократно. В частности, на это указывали в свое время А. Ю. Якубовский и О. И. Смирнова¹⁴.

Две особенности характеризуют поселения, обследованные в юго-западных предгорьях Ферганы. Первая — сравнительно небольшая площадь каждого из них. Вторая особенность — отсутствие укреплений, что с успехом компенсировалось удобным расположением поселений. В фортификационных целях использовались горные останцы, скалы, гряды холмов. А. Н. Бернштам отмечал, что в предгорной Фергане города занимают плато, расчлененные естественными саями. Города, таким образом, господствовали над окружающей местностью, а расчлененность их плана улучшала обороноспособность¹⁵. Такая расчлененность была характерна и для топографии Узгена, занимавшего прибрежную террасу на правом берегу Карадарьи. Но это обстоятельство А. Н. Бернштам был склонен объяснять не столько естественно-географическими условиями, сколько историей сложения города из отдельных поселений-кварталов, заселенных разнотипным населением¹⁶.

Как показали исследования А. Н. Бернштама, в Фергане в IX—X вв. за счет отмирания мелких поселений начинают складываться феодальные центры «с сильно развитой «системой» укрепления оазиса крепостями»¹⁷. На смену частной фортификации приходит система коллективной обороны, защищавшая целые оазисы. Это явление отмечено в Средней Азии повсеместно. Бухарский оазис, как показали исследования В. А. Шишкина, ограждала стена Камыр-дувал¹⁸. По наблюдениям Н. Н. Негматова, в районе Ходжента и в Западной Фергане существовали защитные пояса, ограждавшие отдельные микрорайоны. В частности, такой пояс был отмечен в районе Канибадама. Сооружение его Н. Н. Негматов относит к античной эпохе¹⁹.

Неукрепленное Карабулакское городище, расположенное в небольшой котловине, окруженной горами, занимало очень удобное в фортификационном отношении положение. Наиболее уязвимым оно было с юго-запада, где долина сильно расширяется и естественный рельеф уже не мог использоваться в оборонительных целях. Именно здесь, в 4 км от городища, был сооружен вал, пересекающий долину и таким образом закрывающий ее с запада. К востоку от городища плато, ограждающее котловину, повышается, а долина суживается, образуя узкий коридор. Здесь, в 12 км от Карабулака, в наиболее узкой части долины, в урочище Белес-Мазар, находилось небольшое городище, синхронное Карабулаку и занимавшее узкую прибрежную полосу²⁰. Весьма вероятно, что это городище, закрывающее долину с востока, выполняло по отношению к Карабулаку роль сторожевого форпоста.

Таким образом, мы здесь имеем дело с небольшим микрорайоном, имевшим единую систему укреплений. Он включал помимо Карабулака

и Белес-Мазара, о котором говорилось выше, еще одно небольшое городище, располагавшееся у самого подножья горного хребта — в 2,5 км к западу от Карабулака.

Н. Н. Негматов в своей докторской диссертации неоднократно обращается к Карабулакскому городищу. На основании впечатлений от Карабулакских материалов он пришел к выводу, что «быт населения был скорее сельский, чем городской». Он называет Карабулак то городищем, то селением, то поселком, где были развиты, по словам Н. Н. Негматова, «домашние ремесла» и «домашнее молочное хозяйство»²¹. В Карабулаке, действительно, не открыты пышные парадные сооружения. Но отсутствие их ведь не является еще веским критерием для суждения о том, был ли исследуемый памятник городом или деревней²². Самый термин «домашнее ремесло» я считаю неверным, так как ремесло связано с изготовлением продукции по заказу или на рынок. Ремесло предполагает четкую стандартизацию изделий, высокий профессиональный уровень мастеров, что находит отражение в качестве выпускаемой продукции. Домашнее производство или домашние промыслы (но не ремесло) связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции, с изготовлением изделий для ограниченного коллектива, чаще всего для одной семьи или общины. В ряде случаев домашние промыслы оказывались втянутыми в сферу деятельности городского рынка²³, и тогда они приобретали товарный характер. Это в большей степени касается сельскохозяйственной продукции. Выше я уже пыталась показать товарный характер молочного хозяйства. Гончарные изделия домашнего производства также в ряде случаев попадали на рынок. Но радиус их распространения был невелик. Наблюдения Е. М. Пещеревой над современной керамикой Таджикистана показали, что он не превышал 15—20 км²⁴. Изучавший расписную средневековую керамику Ферганы Ю. А. Заднепровский считает, что она имела еще меньший радиус распространения, не превышавший 8—10 км²⁵.

Анализ материалов из Карабулака привел нас к совершенно иному, чем Н. Н. Негматова, мнению об облике керамической продукции и других видов ремесленных изделий.

Наши суждения об облике керамической продукции основаны на детальной статистической обработке материала. При раскопках и последующей камеральной обработке материала учитывались абсолютно все керамические находки. Статистические подсчеты их, как об этом сказано выше, показали явное преобладание гончарной ремесленной продукции над лепной посудой домашнего производства, которая не составляет и 1% от общего числа керамических находок.

В керамической коллекции значительное место принадлежит поливной посуде и высокохудожественным сероглиняным сосудам с богатой штампованной и резной орнаментацией. Ассортимент посуды обычен для средневекового среднеазиатского города. Здесь найдены все виды керамической продукции, которые обычно находят при раскопках крупных городских центров. Облик керамической продукции убеждает нас в том, что ее изготовление могло быть связано только с городским гончарным ремесленным центром. Вся керамическая продукция отличается стандартизацией, что характерно для товарного производства. Карабулакским гон-

чарам были известны не только вкусы населения близлежащего района, но и требования международного рынка. Это подтверждается большим сходством карабулакской керамики с гончарной продукцией из весьма отдаленных районов (Самарканд, Ташкент, Бухара, Афганистан, Иран). Все это свидетельствует о широких и тесных контактах обитателей Карабулакского городища с населением других областей. Формы этих контактов, видимо, были разнообразными. Найденные монеты показывают, что ареал торговых связей был весьма широк: из Карабулака происходят монеты, чеканенные в Угене, Бухаре, и др.

- ¹ Н. Н. Негматов. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. МИА, № 37, 1953, стр. 239, 243; *он же*. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, стр. 34.
- ² Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абду-л-Касима Ибн-Хаукаля. «Труды САГУ». Ташкент, 1957, стр. 22.
- ³ Н. Н. Негматов. Историко-географический очерк. . . , стр. 243.
- ⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху Монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, стр. 224.
- ⁵ Н. Негматов. Историко-географический очерк. . . , стр. 239, 249; *он же*. Усрушана в древности. . . , стр. 28, 44.
- ⁶ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960, стр. 163.
- ⁷ В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. МАР, вып. 16. СПб., 1894; В. В. Бартольд. История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 120; *он же*. К истории Мерва. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 173.
- ⁸ А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства. Сб. «Фердовси». Л., 1934, стр. 65; *он же*. Из истории археологического изучения Самарканда. ТОВЭ, т. II. Л., 1940, стр. 306.
- ⁹ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. «Труды Тадж. филиала АН СССР», т. XXIX. Сталинабад, 1951, стр. 15.
- ¹⁰ О. Г. Большаков. Социально-экономический строй средневекового города и задачи его археологического исследования. Доклад, прочитанный на Всесоюзном совещании по изучению средневекового города Средней Азии и Казахстана в ноябре 1970 г. во Фрунзе.
- ¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехазарской цивилизации. М., 1948, стр. 240.
- ¹² П. Н. Кожмяко. Раннесредневековые поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 65, 169—170.
- ¹³ Н. Н. Вахтурская. О средневековых городах Хорезма. МХЭ, вып. 7, ч. II. М., 1963, стр. 53.
- ¹⁴ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, 1950; стр. 45; О. И. Смирнова. Разведки в долине р. Заравшан в 1947 г. МИА, № 15, стр. 71.
- ¹⁵ А. Н. Вернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 34.
- ¹⁶ А. Н. Вернштам. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 261.
- ¹⁷ А. Н. Вернштам. Историко-археологический очерк. . . , стр. 249.
- ¹⁸ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 41; *он же*. Варахша. М., 1963, стр. 26 и сл.
- ¹⁹ Н. Н. Негматов. Ходжент и Усрушана в древности и средневековье. М., 1968, стр. 14. Автореф. докт. дисс.
- ²⁰ Городище открыто разведками Южно-Киргаского отряда Киргаской экспедиции (Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники. . . , стр. 163).
- ²¹ Н. Н. Негматов. Ходжент и Усрушана в древности и в средневековье, стр. 32, 33, 37.
- ²² Все помещения, открытые в Карабулаке, располагаются на главном холме, а не примыкают к нему, как это сказано в реферате Н. Н. Негматова (стр. 32).
- ²³ В. И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. СА, 1972, № 4, стр. 156.
- ²⁴ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 18.
- ²⁵ Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 43.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Распределение неполивной керамики по горизонтам

Период	Кувшины				Горшки				Котлы			
	тип I		тип II		тип I		тип II		I		II	
	желтые	серые	серые	желтые	желтые	серые	колото-стенные	тонко-стенные	с закраиванием	профили без вкраивания	без вкраивания	на хорошей глине без примеси
V	488	269	65	3	227	144	28	10	48	147	27	3
IV	259	50	36		130	37	7	3	45	30	9	
III	185	71	38		110	37	14	1	21	71	16	
II	274	53	23		109	10	9		93	121	30	
I	155	52	20	1	106	29	8	3	19	60	8	
Итого	1361	495	191	4	682	257	66	17	216	426	90	3

Продолжение

Период	Горшки с прямо-стоящим венчиком	Хуны и хуны	Корчаги			Маслобойки		Тагары	Мургаби		Крышки				
			гончарные		лепные на грубой глине	желтые	серые		гончарные		I				
			желтые	серые					желтые	серые	с бортиком	желтые		серые	
												без бортика	с бортиком	без бортика	с бортиком
V	6	17	13		11	41	11	20	14	2	11	18	7	8	
IV	1	10	5	4	7	23		8	6	2	17	1	6		
III	1	2	9		9	19		6	1		7	3	2		
II	1	79	28		9	9		2	3		4	4	1		
I		15	13		20	8	1	2	4	2	1	8	3	6	
Итого	9	123	72	4	47	100	12	38	28	6	36	34	17	17	

Продолжение

Период	Крышки					Цедалки	Миски гончарные	Сфероконусы	Фляги	Водопроводные трубы	Стенки неизвестных сосудов					
	II		III тип								желтая глина					
	желтые	серые	на хорошо отмученной глине		грубые						без орнамента	штампованные	протеревая	красноглино-бронзовая	серая	грубая
			желтые	серые												
V	57	41		2		2	8	7	8	7	36	1	2	1	6	3
IV	32	11	1		1	5	3	5	3	1	49			1	7	
III	13	15			5	2	2	2	3					8		
II	10	3			5	3	2	11	17			1		3	37	14
I	8	17	1		1	3	2	3	1		78			2	4	1
Итого	125	87	2	2	12	15	17	7	30	26	175	1	3	15	54	18

Продолжение

Период	Дяща										Лепные						
	с закрапинами					без закрапин					с колоченым вырезом		кувшин	корчаги	хумы	жаровни	мургоби
	желтая глина		серая глина			желтая глина		серая глина			желтые	серые					
	с подсыпкой	без подсыпки	с подсыпкой	без подсыпки	с подсыпкой	без подсыпки	с подсыпкой	без подсыпки	с подсыпкой	без подсыпки							
V	2	71	8	16	31	44	22	27	4	1	15	28	7	4	10		
IV	50	4		12		17		9		3	4	1	2	6			
III	3	35		14		17		6			7	14	14	2	1		
II	9	44	1	3	7	28		1			16	55	212	15	9		
I	2	35	4	7	6	21		14	1		8	20	6	2	1		
Итого	66	189	13	52	44	127	22	57	7	4	50	118	241	29	21		

Окончание

Период	Лепные	Пряслица				Небольшие сосудища с росинкой	Миниатюрные кувшины		Кружки	Расписные, Формы неясные	Дяща лепные, грубые
	миски	из стенок гончарных сосудов	из стенок лепных сосудов	из днац долевных	желтые		серые				
V	1	1	1	6	4	3	1	2			
IV			1	1		9					
III	5			1		2		1	6		
I		1			1						
Итого	6	2	2	9	5	14	1	3	6	19	

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Распределение поливной керамики по периодам

Период	Влода										Чаши		
	прозрачные					глухие					прозрачные		
	без орна- мента	расписные	глазурован- ные	глазурован- ные + рас- писные	штатсо- вые	зеленые		голубые	коричневые	зеленые глазурован- ные	без орна- мента	с глазу- ровкой	расписные
						без орна- мента	с глазу- ровкой						
V	64	189	128	325	1	82	44	14	5	2	36	8	42
IV	21	245	51	124		27	7	4	1		17	8	25
III	33	219	53	182		43	36	11	3	1	35	7	32
II	15	284	36	95		30		5	1		7	2	20
I	11	139	56	89		26	23	6			11	3	15
Итого	144	1076	324	815	1	208	110	40	10	3	106	28	134

Продолжение

Период	Чаши				Светильники				Поддоны					
	прозрачные		глухие		I тип		II тип		дискоскладные					
	глазурован- ные + расписные	штатсокладные	зеленые	голубые	желтые и ко- ричневые	коричнево- красные	зеленые	голубые	коричневые	прозрачные				
										без орна- мента	с глазу- ровкой	расписные	расписные + глазурован- ные	
V	14	6	30	15	4	3	43	18	2	1	17	20	33	9
IV	15		14	19			17	17		1	3	5	29	4
III	11		31	15	1	2	32	4		4	10	2	6	
II	5		12	17		2	9	9	2	5	5	2	2	1
I	1	1	29	20			14	6		1	6	4	8	2
Итого	46	7	116	86	5	7	106	54	4	12	41	33	78	18

Продолжение

Период	Поддоны												кольцо	
	дискоскладные		с кольцевым вырезом											
	глухие		прозрачные				глухие				с двойным кольце- вым вырезом			
	зеленые с орнаментом	зеленые без орнаментов	голубые	желтые	без орна- мента	с глазу- ровкой	с расписью	глазурован- ные + расписья	зеленые			красные		
							без глазу- ровки	с глазу- ровкой	голубые					
V	4	18	1	1	18	1	33	14	3	3	6	1	1	2
IV	4	3			3	3	2	44		9	4		1	
III	5	3			11	1	10	10		2	3			7
II		3	3		8	2	7	2		1	1			
I	3				6	5	12	2		3	2		2	3
Итого	16	27	4	1	44	12	64	72	3	18	16	1	4	12

Период	Тувани			Горшки		Кув- шки	Кружки			Тарелки		Итого
	глухие		прозрачные	голубые	зеленые	голубые	красные	зеленые	нашивные с голубой полной	зеленые глухие	гравированные + роспись	
	зеленые	голубые										
V	2	1	3		1		1		1	1		1268
IV			1		3		2	3	1			734
III	2	5	1		4		4		3			847
II				1					2			529
I	1		1	1	7	5	4				1	529
Итого	5	6	6	2	15	5	11	3	7	1	1	3907

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Остеологические определения

Кости	1959	1960—1961	1962	1965	Итого
Крупный рогатый скот	40/3	157/12	136/6	170/8	503/27
Мелкий рогатый скот	28/7	223/36	150/24	215/25	610/92
Лошадь	4/1	25/4	4/2	48/3	76/10
Осел	6/1	7/2	9/1	5/2	27/6
Верблюд	1/1	4/2	1/1	3/1	9/5
Собака	—	1/1	69/4	188/3	258/8
Кабан	—	—	5/2	—	5/2
Олень	—	—	—	1/1	1/1
Джейран	—	1/1	—	—	1/1
					1490/152

Все остеологические определения сделаны В. И. Цалкиным.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Результаты качественного спектрального анализа

Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	
Полива светло-желтая	Карабулак 1350	4	3	4	4	3	4	3	—	4	3	—	4	5	5	4	5	6	5	—	4	3		
То же	То же 1196	4	3	4	4	4	4	3	—	6	3	—	4	5	5	4	6	6	—	—	4	3		
» »	» » 1349	4	4	4	4	4	4	3	7	5	3	—	4	5	5	4	7	7	4	o	—	4	3	
» »	» » 1335	4	4	4	4	4	3	3	—	5	3	—	4	5	5	4	6	6	—	—	4	3		
» »	» » 1345	4	4	4	4	4	3	3	—	5	3	—	4	5	5	4	6	6	—	—	4	3		
» »	» » 1348	5	4	4	4	4	3	3	7	5	3	—	4	5	5	4	6	6	4	c	—	4	3	
» »	» » 1943	5	4	5	4	4	4	4	6	5	3	—	4	4	4	4	4	6	—	—	4	3		
» »	» » 1008	5	4	4	4	4	4	4	6	5	3	—	4	4	5	3	7	5	—	—	4	2		
» »	» » 1022	5	4	4	4	4	4	4	6	4	3	—	4	4	3	3	5	5	—	—	7	4		
Полива светло-зеленая	» » 1184	4	4	4	4	4	4	3	7	5	3	—	4	4	4	4	—	6	5	n	7	4	3	
Полива зеленая	» » 1197	4	4	4	4	4	4	4	7	5	3	—	4	4	3	3	5	5	—	—	4	4	3	
То же	» » 1198	4	4	4	4	4	4	4	7	4	3	—	4	4	3	3	7	5	4	—	5	4	3	
» »	» » 1199	5	4	4	4	3	4	4	6	4	3	—	4	4	3	3	6	5	4	—	5	4	2	
» »	» » 1190	4	4	4	4	3	3	4	6	4	3	—	4	4	3	3	6	5	4	o	7	4	2	
» »	» » 1030	4	4	4	4	3	3	3	7	4	3	—	5	4	3	3	—	6	5	—	7	4	2	
» »	» » 964	5	4	4	4	4	4	4	7	5	3	—	4	4	3	3	—	6	4	—	6	4	2	
» »	» » 1034	4	4	5	4	4	3	4	7	4	3	—	4	4	3	4	4	5	5	—	5	4	3	
Полива голубая	» » 1815	4	4	5	4	3	3	4	7	4	3	—	4	4	3	4	3	5	5	v	7	4	3	
То же	» » 1862	5	5	5	4	3	3	4	7	4	3	—	3	4	3	4	3	5	5	—	7	4	2	
» »	» » 1314	5	6	5	4	4	3	4	7	5	4	—	3	4	3	4	3	6	4	—	7	4	2	
Полива светло-желтая	» » 918	4	4	4	4	4	3	3	7	4	3	—	5	5	5	4	4	7	—	—	—	4	3	
То же	» » 1788	4	4	4	4	4	3	4	7	5	3	—	5	4	5	5	5	7	—	—	—	4	3	
Полива коричневая	» » 1821	5	4	5	4	4	4	4	6	5	3	—	4	4	5	4	—	6	—	—	—	4	3	
То же	» » 1366	5	4	5	4	4	4	4	6	5	3	—	5	4	5	3	—	5	4	—	6	4	3	
Фрагмент привески, с бирюзовой поли- вой	Карабулак п. 2.19	4	5	5	2	3	3	4+	7	5	4	—	2+	4	4	4	7	5	o	—	—	2	5	4
» »	То же	4	6	—	2	3	3	4	7	5	4	—	2+	7	4	4	—	5	—	—	—	2	5	6
» »	» » 20	—	—	—	3	3	3	4	5	4	4	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	3	5	6
» »	» » 31	4	6	5	3	3	4+	4	7	5	4	—	2	5	4	—	—	6	c	—	—	3	6	6

Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K	Mn	
Фрагмент привески, с бирюзовой поли- вой	Карабулак ц. 2.23	4	6	4	2	3	
	То же	22	4	5	5	3	
	» »		4	6	5	3	
	» »		5	5	5	3	
	» »	18	5	5	5	3	
	» »	29	4	5	5	3	
	» »		5	5	5	3	
	» »	28	4	6	5	3	
	Стекло смее, попе- речный валик с вы- пуклостью под ним	» » п. с.	30	4	5	5	3
		» » VII.	27	4	5	5	2
» » III		17	4	5	5	3	
» »		21	4	5	5	3	
» »		24	4	5	5	3	
» »		27	4	5	5	3	
» »		25	4	5	5	3	
» »			4	6	5	3	
» »		1918	5	6	5	3	
Обломки посудного стекла		Карабулак № 88	4	5	4	3	3
	» »	135	4	5	5	2	
	То же	16	4	6	5	3	
	» »	134	4	5	5	3	
	» »	122	4	7	5	3	
	» »	81	5	7	5	3	
	» »	341	4	6	5	3	
	Полива	1145	4	4	4	3	
	То же	1180	5	4	5	4	
	» »	1367	—	5	5	4	
	1814	5	4	5	4		
	1181	5	4	4	4		

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Распределение монет по периодам

Период	Кому принадлежит чекан	Место чекана	Дата	Место находки
I	1. Ал-Махди	Бухара	163—166 г. х.	Восточный край тепе, при зачистке пола
II	2. Караханиды, Наср бен Хусейн	?	3-я четверть XII в.	Яма № 27
	3. Южная Сун периода Цзянь-Дао (?)	Китай	1165—1173 гг.	Глуб. 3,59—3,60 м
III	4. Саманиды	?	IX—X вв.	Вост. край тепе, пом. 4, пол
	5. Саманиды	?	X в.	Вост. край тепе, пом. 8, пол
	6. Ибрахим Арслан	Узген	570 г. х. (1175—1176) гг.	С.-В. угол тепе, пом. 11, тапдыр
IV	Монеты не найдены			
V	7. Караханиды	?	?	Южная часть тепе, дерн
	8. Ибрахим Арслан	Город обрезап	57х . .	Западн. половина раскопа, гл. 0,3—0,5 м
	9. Ибрахим Арслан	Белед ал Уздженд	573 г. х. (1177—1178 гг.)	Западн. край, дерновый слой
	10. Ибрахим Арслан	Белед ал Уздженд	571 г. х. (1175—1176 гг.)	Западн. половина раскопа, гл. 0—0,3 м
	11. Ибрахим Арслан	Белед ал Уздженд	57 (2)? (1176/1177)	Западн. половина, гл. 0—0,3 м
	12. (Ибрахим) Арслан	Город обрезап	5 х. х (тип — 570 — 573 г. х.)	Западн. половина раскопа, гл. 0—0,3 м
	13. Ибрахим Арслан	Белед (ал Уздженд)	570 г. х. (1174/1175)	Западн. край раскопа при разборке бровки, гл. 0—0,3 м
	14. Ибрахим Арслан	Белед ал Уздженд	571 г. х. (1175—1176)	При разборке бровки, гл. 0—0,3 м
	15. Ибрахим Арслан	Белед ал Уздженд	57 х	С.-В. угол раскопа, гл. 0,5—0,7
Клад	16. 22 монеты. Караханиды: Сулейман бен Дауд и Мухаммад Арслан Хан	?	1097—1130	В 300 м к югу от тепе
Случайная находка	17. ?	Самарканд	617—1220— 21 гг. н. э.	в 200 м восточнее тепе

№ 1, 4, 5, 7 определены А. Н. Быковым и И. Н. Добровольским; № 3 определен Н. Ивочкиной; № 2, 16, 17 определены Е. А. Давидович; № 6, 8—15 определены С. А. Ягнцой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический музей
ИИАЭ АН Каз. ССР	Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КиргФАН	Киргизский филиал Академии наук
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ООН	Отделение общественных наук
ПТКЛИА	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА	Советская археология
САГУ	Среднеазиатский Государственный университет
ТашГУ	Ташкентский Государственный университет
ТОВЭ	Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТСАГУ	Труды Среднеазиатского Государственного университета
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Узкомстарис	Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры.
УзФАН	Узбекский филиал Академии наук
ЮТАКЭ	Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция
MDAFA	Memoires de la Delegation archéologique française en Afganistan

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСКОПОК	11
ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ НАХОДОК	43
Керамика	43
Изделия из стекла	79
Изделия из железа	85
Изделия из свинца	92
Изделия из бронзы	92
Предметы украшения и туалета	93
Алебастровые столики	97
ГЛАВА III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАЙОНА	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
ПРИЛОЖЕНИЯ I—V	120
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	127

Галина Анатольевна Брыкина

КАРАБУЛАК

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени

Институтом археологии

Редактор издательства *Г. Н. Садохова*, Художник *Г. И. Мануэлас*
Художественный редактор *В. Н. Тихунов*, Технический редактор *Н. Н. Плехова*

Сдано в набор 20/XII 1973 г. Подписано к печати 20/IV 1974 г. Формат 70×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 9,94. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 2000 экз. Т-06540. Тип. зак. 823. Цена 89 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСН, Москва, К-82, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 3-я линия, д. 12

89 нит.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»